This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

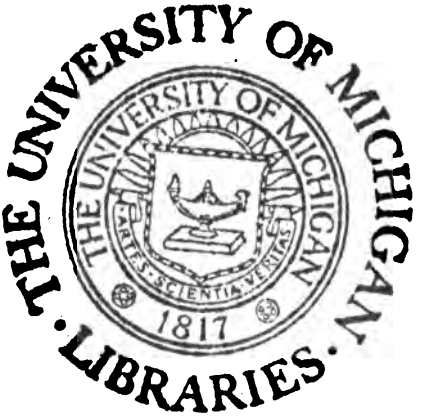
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

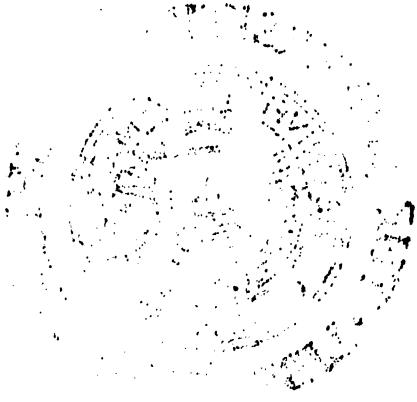
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817



К. Тавастшерна

МАТЬ и СЫНЪ

Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ

Переводъ со шведскаго

В. Фирсова.

Цѣна 80 к. съ перес. 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утв. Товарищества „Общественная Польза“
Вол. Подъяч., № 39
1897

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

изданія Товарищества „Общественная Польза“

Большая Подъяческая, 39.

„Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ“. М. М. Соколовой (Первое знакомство дѣтей съ наиболѣе полезными и наиболѣе вредными для человѣка животными). Ц. 75 к., съ пер. 1 руб.

Царское вѣнчаніе въ Россіи. Историческій очеркъ Н. Бѣлозерской. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

1. Учебники и книги для школъ. Духовнаго содержанія:

Литургія. VI изд., изъ писемъ о церковномъ богослуженіи І. І. Беллюстина. Ц. 20 к. безъ пересылки.

Начатки. Приготовленіе къ христіанскому ученію въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Очерки ученія Христіанской вѣры. Пособіе къ усвоенію истинъ вѣры, изложенныхъ въ пространномъ христіанскомъ катехизисѣ. Законоуч. 1-го Военнаго учил., прот. Заркевича. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Христіанское ученіе. Золотова. Ц. 15 к., съ пер. 25 к. Содержаніе заключаетъ полную программу свѣдѣній, необходимыхъ христіанину.

Уроки по закону Божію (въ 32-хъ урокахъ) для первоначал. обученія. II-е исправленное и дополненное изд. Сост. свящ. Люперсольскимъ. Ц. 25 к., съ пер. 40 к. Содержаніе: Свящ. истор. Ветх. Завѣта. Пророчества. Нов. Завѣтъ. О Пресв. Богородицѣ. Ангелы. Пророки. Апостолы. Святители. Жизнь ихъ. Святыя иконы. Подробности о храмѣ и о принадлежностяхъ богослуженія. О праздникахъ и постахъ.

Объясненія богослуженія православной Церкви. Сост. Иванъ Недешевъ. Одобрено особ. отд. Учен. Ком. Мин. Н. П. Изд. VIII. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Содержаніе: О молитвѣ, крестномъ знаменіи и поклонахъ. О храмѣ и принадлеж. его. Объ утвари. О свящ. одеждахъ. Объ иконахъ, куреніи ѳиміама и свѣтильн. Богослуж. книги. О совершающ. богослуж. Раздѣленіе богослуж. Порядокъ службъ и важность общественнаго богослуженія. Разсмотрѣніе великихъ праздн. (историч. повѣствов. и празднов.). Богослуж. въ Великій постъ. Страстная недѣля. Таинства. Молебны. Обряды и значеніе ихъ при погребеніи.

Краткая священная исторія. Ветхій и Новый Завѣты. Н. Ушакова. Изд. VII. Ц. 4 к., съ пер. 7 к. Новый Завѣтъ объясненъ по двунадесятымъ праздникамъ.

Святая церковь и ея принадлежности. Медвѣдскаго. III изданіе. Ц. 6 к., съ пер. 9 к.

Объясненіе значенія обрядовъ при совершеніи семи святыхъ Таинствъ православной Церкви. Изданіе III. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Содержаніе: Понятіе о таинствѣ и объясн. обрядовъ: крещенія, муропомаз., покаянія, причащ., брака, елеосвящ. и священства.—Для чего при молитвѣ мы осѣняемъ себя крестн. знаменіемъ—Молитвы.

Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей: Ломоносова, Державина, Капниста, Мерзлякова, Ѳ. Глинки, и проч., съ замѣчаніями объ ихъ жизни. Собр. В. Золотовымъ. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Пятьдесятъ четыре разсказа изъ священной исторіи Ветхаго Завѣта, служащіе поясненіемъ къ 54 картинамъ въ 16 долю листа. Сост. В. Золотовымъ. II изд. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Смарагдова. III изд. Съ картою земли. Обѣтов. и путешеств. Св. Павла.—Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ къ блаженству. III изд. Ц. 5 к., съ пер. 7 к.

467
1017

МАТЬ и СЫНЪ.

Tavaststjerna, Karl August

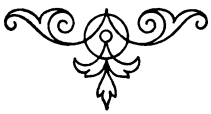
К. Тавастшерна

МАТЬ и СЫНЪ

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ФИНСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО

В. Фирсова.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утв. Товарищества „Общественная Польза“
Вол. Подъяч., № 39
1897

Grad/Butler
839.78
T23fp
tF527
1897

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1897 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее время общій интересъ въ Россіи возбуждаетъ Финляндія, такъ какъ на очередь выдвинутъ вопросъ о неотложности мѣръ къ большему единенію этой окраины съ коренными частями Имперіи. Вотъ почему нынѣшній финляндскій сеймъ и всякіе толки о существующихъ финляндскихъ партіяхъ служатъ предметомъ постоянныхъ разсужденій и полемикъ нашей печати. Къ сожалѣнію, дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Финляндіи, какъ и характеръ финляндцевъ, мало знакомы русскимъ читателямъ, вслѣдствіе чего многое въ газетныхъ сообщеніяхъ остается непонятнымъ или кажется противорѣчивымъ. Имѣя это въ виду, я перевелъ предлагаемый романъ г. Тавастшерна, и полагаю, что этимъ до нѣкоторой степени пополнится пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о характерѣ финляндцевъ, такъ какъ г. Тавастшерна съумѣлъ въ живыхъ образахъ и въ мѣтко очерченныхъ типахъ больше сообщить о финскомъ народѣ, чѣмъ многія пространныя этнографическія изслѣдованія.

Въ заключеніе прошу извиненіе у автора за маленькія сокращенія, вызванныя обстоятельствами отъ меня независящими.

Переводчикъ.

МАТЬ и СЫНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Былъ холодный февральскій денекъ съ довольно сильнымъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ. Осины, которыми была обсажена дорога къ барскому имѣнью Монола, отчаянно размахивали своими обнаженными вѣтвями. Летѣвшая надъ снѣжной поляной сорока съ взъерошенными перьями боролась съ боковымъ вѣтромъ и попыталась сѣсть на осину, но испугалась сильно колебавшихся вѣтвей и, взвившись вверхъ дала вѣтру отнести себя въ сторону, подъ острымъ угломъ, точно отпрянувшій отъ древеснаго сука резиновый мячъ. Она направила свой полетъ къ лѣсной опушкѣ, начинавшейся возлѣ полуразвалившейся и почернѣвшей отъ времени кузницы. За кузницей сорока вдругъ распустила блестящія перья своего длиннаго хвоста и нырнула внизъ, описывая между кустами

и камнями красивую и смѣлую дугу. Она такъ ловко разсчитала свое движеніе, что конецъ дуги пришелся какъ-разъ у крѣпкой вѣтви плакучей березы возлѣ кузницы. За эту вѣтвь она схватилась, сложила крылья, стала покачиваться вмѣстѣ съ вѣткой и, мотнувъ головой въ обѣ стороны, разразилась громкой стрекотней, похожей на самодовольный хохотъ.

По дорогѣ, обсаженной осинами, задумчиво и неторопливо шелъ по направленію къ усадьбѣ молодой крестьянинъ лѣтъ двадцати. Услышавъ непріятный хохотъ сороки, онъ оглянулся на нее съ какою-то суевѣрной ненавистью и, поднявъ съ дороги комокъ обледенѣлой грязи, хотѣлъ бросить имъ въ назойливую птицу. Но она замѣтила его враждебное намѣреніе и, снова распустивъ хвостъ, нырнула дальше за кузницу въ лѣсную чащу, не переставая оглашать воздухъ своимъ непріятнымъ хохотомъ. Молодой мужикъ злобно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пошелъ дальше тою же неторопливой походкой, какой шелъ раньше.

У него была озабоченная наружность, придававшая ему видъ тридцатилѣтняго человѣка и не отражавшая въ себѣ ни одного изъ обычныхъ въ его возрастѣ юношескихъ чувствъ. Самая его озабоченность казалась какъ бы прирожденной. Такое выраженіе часто бываетъ у дѣтей тружениковъ, которымъ много пришлось бороться за свое существованіе. Эта особенность его бросалась въ глаза всякій разъ, когда онъ поднималъ голову, до такой степени взглядъ его дѣтскихъ голубыхъ глазъ не соотвѣт-

ствовалъ выраженію всего лица; но взглядъ его большею частью былъ потупленъ въ землю.

У воротъ усадьбы стоялъ пожилой человѣкъ съ привѣтливымъ, благодушнымъ лицомъ. Онъ наблюдалъ за вывозкой навоза по только-что проложенной на поля временной дорогѣ. При появленіи молодого крестьянина, онъ добродушно кивнулъ ему и заговорилъ:

— Завтра пріѣзжаетъ докторъ, котораго мы дожидаемся. Придется вамъ, молодой хозяинъ, очистить жильцу залу и боковую комнату.

Молодой хозяинъ остановился и съ явнымъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на приказчика (благодушный человѣкъ былъ полномочнымъ приказчикомъ его матери).

— Не понимаю, для чего вамъ понадобились жильцы!—сказалъ онъ угрюмо.—Точно мы нуждаемся и не можемъ обойтись въ Монола безъ такого стѣсненія!.. Но такъ какъ распоряжаетесь здѣсь вы и моя мать, то конечно мнѣ остается только покориться...

Приказчикъ усмѣхнулся себѣ въ широкую бороду, отвѣтилъ какимъ-то ничего незначущимъ ободреніемъ, котораго молодой человѣкъ даже не разслышалъ, и побрелъ дальше за своими возами. Хозяинъ вошелъ во дворъ.

Послѣ разговора съ приказчикомъ его лицо приняло еще болѣе озабоченный и недовольный видъ. Не оглядываясь по сторонамъ прошелъ онъ къ парадному крыльцу, не далъ себѣ труда обчистить съ сапогъ налипшій снѣгъ и вошелъ въ переднюю, оклеенную розова-

тыми и нѣкогда очень изящными обоями. Теперь эти обои совсѣмъ выцвѣли и были обезображены подтеками съ протекавшаго потолка. Оставляя за собой грязные слѣды и комки снѣга и не снимая съ головы шапки прошелъ онъ пустынную переднюю, пересѣкъ не менѣе пустынную залу и вошелъ въ свою комнату. Тамъ онъ тотчасъ же подошелъ къ столу, набилъ трубку табакомъ и закурилъ, нисколько не заботясь о томъ, что спертый воздухъ никогда непровѣтриваемой комнаты сразу сдѣлался окончательно невыносимымъ вслѣдствіе удушливаго запаха махорки.

Молодому хозяину Монола — господину Августу Харвапену, какъ онъ назывался въ офиціальныхъ случаяхъ — было не до воздуха. Его совсѣмъ одолѣвали горькія размышленія о своей полной зависимости отъ матери. Всѣ его свѣтлыя надежды на будущее были отравлены этими размышленіями о настоящемъ! Никогда онъ не забывалъ своего достоинства въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, и другимъ онъ при всякомъ случаѣ напоминалъ объ этомъ... Но что было въ томъ толку, когда всѣ знали, что онъ находился еще подъ опекой матери и никакого самостоятельнаго значенія въ имѣніи не имѣлъ!..

Монола не было какимъ-нибудь простымъ крестьянскимъ хуторомъ; это могъ всякій понять, даже не сходя съ почтовой дороги! Небойсь барскій домъ съ отштукатуренными и выбѣленными стѣнами, въ особенности лѣтомъ, когда онъ красиво мелькалъ среди окружающей

его зелени деревьевъ, не походилъ на избу... Только слѣпой не разглядѣлъ бы, что передъ нимъ старинная господская усадьба.

Покойному Харванену такъ и не довелось пожить въ бѣломъ господскомъ домѣ. Четыре мѣсяца спустя послѣ заключенія запродажной сдѣлки съ прежней владѣлицей имѣнья—вдовой какого-то важнаго, но промотавшагося чиновника—и за два мѣсяца до срока перехода имѣнья въ его собственность, старикъ Харваненъ въ послѣдній разъ полюбовался своими документами. Читать онъ не могъ, но это не мѣшало ему твердо знать, что въ какомъ документѣ значилось... Въ послѣдній разъ онъ съ удовольствіемъ нашелъ, что скопилъ-таки немалое богатство за свою трудовую жизнь и что не даромъ былъ осторожнѣе всѣхъ прочихъ лѣсопромышленниковъ той мѣстности. Потомъ онъ послалъ за пасторомъ, покаялся во всѣхъ грѣхахъ, какіе только припомнилъ, приобщился и къ вечеру померъ.

Вдовѣ и сыну однимъ пришлось пользоваться тѣмъ, что заработалъ отецъ. Въ урочный день они перебрались въ господскій домъ и внесли свои мужицкія привычки въ пустыя, но еще чистыя и красиво раскрашенныя господскія комнаты, въ которыхъ каждый звукъ отдавался, какъ въ церкви и въ которыхъ новымъ жильцамъ довольно долго было не по себѣ. Но вскорѣ на стѣнахъ, подъ обоями, завелись клопы; тараканы пробрались изъ кухни въ парадныя комнаты; во всемъ домѣ стало пахнуть кожей и мокрымъ сукномъ—и тогда новоселы почувствовали себя хорошо.

Съ этого времени благоденствіе новыхъ хозяевъ имѣнія стало расти въ перегонки съ сорной травой, которой зарасталъ господскій садъ. Не прошло и года, какъ мать и сынъ преобразили посвоему весь домъ, подобно тому, какъ снаружи кусты и крапива преобразили садъ, въ которомъ исчезли дорожки и клумбы, а растенія зажили своей естественной, ничѣмъ не стѣсняемой первобытной жизнью.

Августъ Харваненъ опустился на стулъ и покуривая свою трубку утѣшается мечтами о томъ, что онъ сдѣлаетъ, когда въ день совершеннолѣтія вступитъ во владѣніе своей частью въ имѣніи.

Черезъ оставленную настежь открытою дверь онъ видитъ свою залу. Стѣны этой залы, оклеенныя глянцовитыми бѣлыми съ золотыми разводами обоями, голы и покрыты пылью. Кое-гдѣ торчатъ въ стѣнахъ черные крюки и гвозди, точно кричащіе о возвращеніи имъ снятыхъ картинъ и зеркалъ. Съ потолка неряшливо свѣсился отставшій у карниза бордюръ..

Посреди всей этой пустыни на чёрной желѣзной цѣпочкѣ привѣшена маленькая дешевая лампа. Закоптѣлое стекло — лампы не протерто; съ жестянаго абажура кое-гдѣ отстала бѣлая краска. Вся обстановка залы заключается въ старомъ диванѣ, отвалившіяся ножки котораго замѣнены крѣпкими некрашенными чурками, въ трехъ неодинаковыхъ и сомнительной прочности креслахъ и въ нѣсколькихъ очень маленькихъ деревенскаго

издѣлья стульяхъ, казавшихся въ большой залѣ еще меньше, чѣмъ они въ дѣйствительности. Во всю длину продольной стѣнки стоитъ некрашенная садовая «качалка» на простыхъ козлахъ, а надъ нею виситъ Богъ знаетъ откуда попавшее сюда старое зеркало въ золоченой рамѣ съ такимъ зеленымъ и засиженнымъ мухами стекломъ, что страшно увидѣть въ немъ отраженіе человѣческаго лица.

Само собою разумѣется, зала будетъ обставлена всѣмъ, что въ ней полагается! Молодой хозяинъ знаетъ это, и у него самые широкіе замыслы... Все будетъ сдѣлано, какъ только онъ добьется полной независимости!

Остается недолго ждать. Менѣе чѣмъ черезъ годъ Августъ Харваненъ вступитъ во владѣніе своей частью наслѣдства, а часть его, какъ единственнаго сына, надо полагать, немалая. Мать никогда не распространяется на этотъ счетъ, но онъ и безъ того можетъ сообразить...

Да, онъ хорошо знаетъ размѣры дохода съ имѣнія Монола. Не даромъ онъ цѣлыхъ два года былъ въ имѣніи чѣмъ-то въ родѣ конторщика, такъ какъ мать не захотѣла уволить стараго приказчика, управлявшаго имѣніемъ еще при прежней владѣлицѣ, а сыну предоставила только вести книги. Она осталась при своемъ рѣшеніи даже послѣ того, какъ сынъ высказалъ ей самые горькіе упреки по поводу такой несправедливости. Она отвѣчала, что они еще недостаточно освоились съ порядками крупнаго землевладѣнія и что ей никакъ нельзя обойтись безъ опытнаго приказчика; при томъ по ея мнѣнію Августъ

еще слишкомъ молодъ и не могъ бы внушать достаточнаго уваженія подчиненнымъ, тогда какъ приказчикъ серьезный человѣкъ, восемь лѣтъ добросовѣстно управлявшій имѣніемъ, и въ добавокъ довольствуется весьма скромнымъ жалованьемъ.

Теперь этому положенъ будетъ конецъ: молодой хозяинъ формально потребуетъ отъ матери, чтобы приказчикъ былъ уволенъ. Въ противномъ случаѣ, онъ пригрозитъ ей, что потребуетъ раздѣла и купитъ себѣ отдѣльное имѣнье. Небось, это подѣйствуетъ! Ну, а потомъ... потомъ начнутся въ Монола совсѣмъ другіе порядки...

Пока ему приходится довольствоваться мечтами о скоромъ торжествѣ надъ приказчикомъ. Этотъ тихій, невозмутимый и всегда благодушно настроенный человѣкъ положительно ненавистенъ Августу Харванену. Особенно обидна ему дружеская но въ то же время покровительственная манера, съ какой приказчикъ относится къ нему. Потомъ эта невозмутимость, эта спокойная самоувѣренность! Рядомъ съ приказчикомъ, который всегда говоритъ обдуманно и серьёзно, поневолѣ Августъ Харваненъ оказывается мальчишкой. Онъ самъ это сознаетъ и потому-то ненавидитъ приказчика, какъ врага, хотя не слышалъ отъ него ни одного непривѣтливаго слова.

Даже теперь ему досадно думать, что врядъ-ли удастся вывести приказчика изъ терпѣнія. Самое извѣстіе о своемъ увольненіи онъ навѣрное приметъ спокойно и скажетъ женѣ своимъ обычнымъ, сдержаннымъ голосомъ:

— Да, пора молодому хозяину самому взяться за дѣла и стать мужчиной. И я отъ души желаю ему успѣха...

Больше отъ него ничего не добьешься!

Зато въ косыхъ глазахъ жены приказчика можно будетъ подмѣтить гнѣвъ и ненависть. Только ея безсильной злобой и можно будетъ вознаградить себя за всѣ перенесенныя униженія...

Молодой хозяинъ очень недоволенъ такой незначительностью своего будущаго торжества. Въ добавокъ торжество можетъ быть окончательно испорчено, если мать будетъ тронута великодушіемъ увольняемаго приказчика и устроитъ ему торжественные проводы. Чего добраго, не обойдется безъ угощенія и псалмопѣнія... Въ сущности приказчикъ только тѣмъ и обворожилъ мать, что вѣчно поетъ псалмы и носится со своимъ благочестіемъ...

Докуренная трубка Августа Харванена зашипѣла. Онъ усиленно втянулъ въ себя послѣднія струйки самаго лучшаго, самаго забористаго дыма, выбилъ трубку объ столъ и поднялся со стула, глубоко засунувъ руки въ карманы.

II.

Самодовольная сорока, возбудившая неудовольствіе молодого хозяина своимъ непріятнымъ крикомъ, недолго

оставалась въ покоѣ на снѣгу, за камнемъ, гдѣ она нашла что-то съѣдобное. Вскорѣ ее спугнули быстрые шаги и хлопанье юбки повидимому очень спѣшившей крестьянской дѣвушки.

Чтобы не подмочить платье въ снѣгу, оно было на дѣвушкѣ подоткнуто почти до колѣнъ. Походка у нея была легкая и твердая; во всей ея фигурѣ было что-то смѣлое и живое. При томъ она была возбуждена быстрой ходьбой; ея взглядъ и щеки такъ и пылали. Она была хороша собой, стройна и свѣжа. Волоса у нея была свѣтло-русые, но глаза темные, почти черные. Выраженіе взгляда было пристальное, серьезное; однако видно было, что она не прочь посмѣяться и даже пококетничать, хотя чаще бываетъ серьезна.

Она миновала заброшенную кузницу и выбралась съ лѣсной тропинки на дорогу. Тамъ она тотчасъ же опустила подокнутую юбку и продолжала свой путь къ усадьбѣ еще быстрѣе, чѣмъ въ лѣсу.

Отъ быстраго движенія на морозѣ она порядкомъ разгорячилась и всѣ ея движенія были порывисты. На дворѣ она такъ энергично потрепала бросившуюся къ ней съ привѣтствіями собаку, что та взвизгнула отъ боли и удовольствія...

Въ кухнѣ ее встрѣтила сама хозяйка имѣнья.

— Ты вернулась очень кстати, Ида, — сказала она. — Поди къ молодому хозяину и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ-же освободилъ свои комнаты для жильца. Докторъ пріѣдетъ завтра.

— Вамъ бы, тетушка, надо сказать это ему самимъ,—возразила племянница.

— Нѣтъ, иди съ этимъ ты. Со мной онъ сталъ за послѣднее время какой-то строптивый, а жильца ему, разумѣется, не охота пускать... Опять придется спорить...

— Во всякомъ случаѣ онъ скорѣе послушается матери, чѣмъ меня!—смѣясь замѣтила Ида.

— Не притворяйся, пожалуйста. У меня вѣдь тоже есть глаза и уши; вижу вѣдь я, что только тебя онъ и слушаетъ.

— Меня-то? Никогда онъ меня не слушается! Одинъ приказчикъ умѣетъ справляться съ молодымъ хозяиномъ... Если правда, что къ той зимѣ приказчикъ уйдетъ, не знаю кто станетъ возражать ему...

— Потомъ этого и не потребуется!—съ достоинствомъ проговорила старуха.

— Да, молодой хозяинъ будетъ вѣдь совершеннолѣтнимъ!—усмѣхнулась Ида.

— Ну, достаточно разговоровъ. Иди къ нему, Ида... Ты видишь—дѣло спѣшное.

— Ничего мнѣ съ нимъ не подѣлать. Не стоитъ и ходить!

Она возразила это упрямо и даже зянялась чѣмъ-то у кухоннаго очага, чтобы показать, что не намѣрена идти въ комнаты. Но лице ея уже утратило смѣлое выраженіе, съ какимъ она шла черезъ лѣсъ и видно было,

что она не привыкла противорѣчить хозяйкѣ дома. Хотя та и приходилась ей теткой, она давно освоилась съ мыслью, что родство ея почти не принималось во вниманіе, и положеніе ея въ домѣ мало чѣмъ отличалось отъ положенія прочихъ работницъ. Только въ дѣлахъ, касающихся ухаживанья за нею молодого хозяина, она умѣла выказывать твердость характера.

Со своей стороны хозяйка не стала настаивать. Весь разговоръ велся въ шутливомъ тонѣ; другого тона въ присутствіи остальныхъ служанокъ и по столь щекотливому дѣлу не могло быть. Такъ какъ Ида не послушалась, хозяйкѣ пришлось оставить ее въ покоѣ и притвориться равнодушной. Она опустилась на лавку, сложила руки на своемъ объемистомъ животѣ и приняла благодушный видъ, какъ бы всецѣло занятая наблюденіемъ за работой трехъ служанокъ.

Хозяйкѣ Монола могло быть отъ роду лѣтъ пятьдесятъ. Впрочемъ нельзя было сказать это съ увѣренностью, потому что крестьянки уже съ сорокалѣтняго возраста кажутся старухами и затѣмъ ихъ наружный видъ мало измѣняется, въ особенности, когда онѣ тучны. Ея жизнь протекала тихо и ровно, безъ всякихъ потрясеній, если не считать потрясеніями маленькія вспышки неудовольствія по поводу какой-нибудь неисправности по хозяйству или недостаточно вымытаго пола. Даже натянутыя отношенія съ сыномъ и его вражда къ ея довѣренному приказчику не волновали ее, такъ надежно укрывали ее отъ всякихъ волненій ея жиръ и сознаніе

своего благополучія. Но это не мѣшало ей быть очень требовательной и строгой хозяйкой, умѣвшей поставить всегда на своемъ. Она считалась чрезвычайно честной и прямодушной женщиной. При томъ она не была глупа. Сдѣлавшись владѣлицей большого господскаго имѣнья, она не стала подражать господамъ, хорошо понимая, что сдѣлалась-бы въ этомъ случаѣ общимъ посмѣшищемъ; на-оборотъ, ея слабость заключается въ склонности дѣлать видъ, что она считаетъ себя заурядной крестьянкой, владѣющей крошечнымъ хуторкомъ, и что она сама не знаетъ о размѣрахъ своего состоянія, годовой доходъ съ котораго превышалъ жалованье любого губернатора.

Большая часть ея дохода превращалась въ процентныя бумаги, кучка которыхъ въ одномъ изъ ящиковъ ея комода съ каждымъ годомъ замѣтно толстѣла. И это немудрено, потому что потребности ея были очень скромны, а бережливость вошла у нея въ плоть и въ кровь. Увеличивать свое состояніе было для нея такимъ-же естественнымъ дѣломъ, какъ увеличеніе улья для пчелъ. Единственнымъ ея огорченіемъ было опасеніе, что сынъ не обладаетъ тѣми-же качествами и что послѣ нея врядъ-ли будетъ расти пачка ея банковыхъ билетовъ. Это опасеніе нѣсколько отравляло ея существованіе.

При жизни стараго Харванена она имѣла слабохарактерность потакать иногда его тщеславнымъ выдумкамъ; такъ, она не воспротивилась его же-

ланію, чтобы сынъ былъ отправленъ въ лицей!..*). Этой ошибки она никогда не могла себѣ простить и находила вполнѣ заслуженными происшедшія отъ того для нея огорченія, которыхъ и впереди предвидѣлось немало. Августъ пробылъ въ лицеѣ до восемнадцатилѣтняго возраста и отозванъ былъ домой только послѣ смерти отца. За четыре года пребыванія въ учебномъ заведеніи онъ прошелъ низшіе два класса, оставаясь въ каждомъ по два года. Родителямъ это стоило очень дорого. А какая получилась отъ того польза?..

Мать не была въ состояніи провѣрить полученныя сыномъ въ лицеѣ познанія, да этимъ она и не интересовалась. Она знала только, что онъ утратилъ въ школѣ многія качества, которыя цѣнятся въ народѣ дороже познаній и которыя она насаждала въ сынѣ съ величайшимъ трудомъ. Съ каждымъ годомъ своего пребыванія въ школѣ онъ пріобрѣталъ какія-нибудь новыя городскія замашки, потомъ научился дѣлать маленькіе долги въ мелочной лавочкѣ, наконецъ сталъ даже попивать пуншъ и подмигивать дѣвушкамъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такія замашки въ крестьянствѣ не одобряются..

Въ сущности изъ всѣхъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ, въ немъ сохранились только умѣнье быстро и вѣрно считать да красивый почеркъ. Но и это бывало

---

*) Въ Финляндіи „лицей“ соотвѣтствуютъ четыремъ старшимъ классамъ нашихъ гимназій. Курсъ младшихъ классовъ проходится въ «нормальныхъ школахъ». *Примѣч. переводч.*

замѣтно лишь когда ему угодно было постараться, а старался онъ весьма рѣдко.

Упорно добивалась мать, чтобы сынъ снова вернулся къ добрымъ обычаямъ своей среды, но это не удавалось. Мѣшалъ этому самъ отецъ, когда еще былъ живъ. Не разъ слыша упреки жены сыну, онъ бралъ его сторону, а однажды ударилъ кулакомъ по столу и гнѣвно прикрикнулъ на нее.

— За что ты пилишь его?—сказалъ онъ.—За то, что онъ сталъ похожъ на молодого господина? Такъ что же тутъ худого? Пора нашимъ мужикамъ отесаться и показать этимъ пришлымъ шведамъ, что господами въ странѣ финновъ могутъ быть только финны.

— Ты бы такъ и сказалъ, что хочешь сдѣлать изъ Августа большого барина!—позволила себѣ подсмѣяться жена.

Но это такъ обозлило стараго Харванена, что въ другой разъ она уже не рѣшилась смѣяться надъ его мечтой. Онъ разразился проклятіями, накричалъ Богъ знаетъ что, объявилъ всѣхъ бабъ дурами и поклялся спасеніемъ своей души, что раньше или позже въ Финляндіи возьмутъ верхъ финны.

— У насъ, у мужиковъ умѣнье, способность къ труду и деньги!—кричалъ онъ.—Почему намъ стоять ниже шведскихъ господъ? И почему тотъ, у кого есть средства дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, не можетъ этого дѣлать? У насъ одинъ сынъ, и его мы должны воспитать, чтобы показать что можно сдѣлать изъ финскаго

мужика. Понимаешъ-ли ты это? А если въ школѣ плохо обучаютъ мальчика, развѣ моя въ этомъ вина? Небось, я съумѣлъ обойтись безъ школьнаго образованія... Не моя вина и въ томъ, что Августъ можетъ оказаться дуракомъ! Не отъ меня ему уродиться такимъ; я наживалъ свои деньги умомъ... А вотъ ты глупа, какъ колода, и ровно ничего не понимаешь; знать въ тебя и уродился сынъ, если окажется бревномъ!

Послѣ этого объясненія мать уже никогда не рѣшалась заговаривать съ мужемъ о воспитаніи сына. Однако ей удалось поторжествовать еще при жизни старика. Въ послѣдній разъ, когда Августъ пріѣхалъ домой на рождественскіе праздники, слѣдомъ за нимъ прибыла цѣлая куча счетовъ отъ лавочниковъ и содержателей гостиницъ. Потомъ, когда молодой человѣкъ былъ призванъ къ отвѣту, онъ отвѣчалъ отцу съ такимъ наглымъ самодовольствомъ, точно его долги были самымъ естественнымъ и законнымъ дѣломъ... Зато дѣло кончилось двумя звонкими пощечинами, которыми отецъ заключилъ свои наставленія сыну, а мать не стала заступаться, видя, что это дѣлается къ лучшему самого Августа...

Старый Харваненъ умеръ въ ту же зиму передъ весной во время отсутствія сына. Молодой человѣкъ узналъ объ этомъ случайно, отъ чужихъ людей, такъ какъ мать не сразу позаботилась призвать лавочника и продиктовать письмо къ сыну. Зато письмо вышло обстоятельное и разомъ разрѣшало всѣ вопросы: послѣ краткаго извѣщенія о смерти отца въ письмѣ было не менѣе краткое

и не менѣе опредѣленно выраженное приказаніе сейчасъ же покончить всѣ школьныя дѣла и вернуться къ матери домой...

Удаленіе изъ школы пришлось Августу какъ нельзя болѣе кстати. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ онъ попался въ различныхъ нарушеніяхъ школьныхъ порядковъ, и поднятъ былъ вопросъ объ его исключеніи изъ заведенія. Въ это время получено было письмо отъ матери. Добродушный ректоръ не сталъ настаивать на исключеніи и приказалъ выдать Августу аттестатъ, въ которомъ поведеніе было означено «удовлетворительнымъ», а прилежаніе — «достаточнымъ».

— Все равно, ты уже едва помѣщаешься въ карцерѣ! — сказалъ при этомъ ректоръ, добродушно улыбаясь.—А тебѣ пришлось бы пробыть еще лѣтъ двѣнадцать, пока ты прошелъ бы остальные шесть классовъ...

Засмѣялся и молодой Харваненъ, очень довольный милостивымъ прощаніемъ, и оба почувствовали большое облегченіе. Ректоръ не разъ говорилъ потомъ, что рѣдко разставался съ ученикомъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ этотъ разъ...

Прошло однако болѣе двухъ недѣль, въ теченіе которыхъ между сыномъ и матерью велась чрезвычайно оживленная переписка, пока молодому человѣку представилась наконецъ возможность выѣхать изъ города, не опасаясь, что какой-нибудь кредиторъ удержитъ лошадь подъ уздцы.

Школьные годы были позади. Августъ не могъ ска-

зать, чтобы за всѣ эти годы ему когда-либо пришлось серьезно потрудиться ради знанія. Но напряженія было не мало, въ особенности если принять во вниманіе его лѣнь и постоянные промахи въ поведеніи, благодаря чему ему всегда приходилось увертываться отъ всевозможныхъ бѣдъ. Впрочемъ, все обошлось благополучно... Никогда Августъ не смотрѣлъ на свои школьныя занятія серьезно; никогда ему и въ голову не приходило, что онъ учится для того, чтобы имѣть возможность зарабатывать хлѣбъ. Школа была для него только временной повинностью, которую онъ отбывалъ, извлекая изъ нея все, что было веселаго. И это было для него нетрудно, потому что среди товарищей онъ занималъ выдающееся положеніе сперва, какъ силачъ, а потомъ какъ наиболѣе возмужалый изъ всѣхъ своихъ однокашниковъ. Много почета доставляли ему также его постоянныя схватки съ начальствомъ, кутежи въ обществѣ взрослыхъ приказчиковъ и кредитъ въ гостиницахъ. Мальчики считали его героемъ...

Но теперь все это кануло въ вѣчность!

Дома онъ выдержалъ довольно бурное объясненіе съ матерью по поводу надѣланныхъ долговъ, но тотчасъ же съумѣлъ примириться. Въ то же лѣто мать и сынъ переселились въ свое новое имѣніе Монола, и Августъ превратился въ «молодого хозяина».

III.

Не смотря на упорство Иды, ей пришлось таки идти объявлять молодому хозяину приказъ о его выселеніи изъ занимаемыхъ имъ комнатъ. Старуха позвала ее въ свою комнату и вторично, уже серьезно, стала уговаривать исполнить щекотливое порученіе. При этомъ дѣвушкѣ показалось, что въ выраженіи лица тетки, даже въ ея голосѣ, было что-то въ родѣ недосказаннаго обѣщанія насчетъ ея будущности. И она вдругъ направилась къ комнатамъ молодого хозяина, не отвѣтивъ хозяйкѣ ни слова.

Когда она вошла къ нему, въ комнатѣ было такъ накурено, что она даже испугалась.

— Господи Іисусе! — вскричала она. — Здѣсь пожаръ?

— Нѣтъ, — раздался его голосъ изъ-за облаковъ дыма,—была только досада, а когда мнѣ досаждаютъ, ты знаешь, я курю не переставая.

— Какая же это досада?

— Да все одно и то же... Этотъ приказчикъ, надоѣвшій мнѣ, какъ горькая рѣдька, да еще мать съ ея жильцомъ, котораго хотятъ поселить въ моихъ комнатахъ!..

— Я какъ-разъ пришла сказать объ этихъ комнатахъ...

*

— Вотъ какъ? Значитъ правда, что меня хотятъ выгнать изъ дому, чтобы вашему доктору было какъ можно удобнѣе?

— Неправда! Ты отлично знаешь, что въ домѣ всегда найдутся комнаты для самаго хозяина.

— Хозяинъ! Нѣтъ, пройдетъ еще цѣлый годъ прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь настоящимъ хозяиномъ. До тѣхъ поръ мать можетъ дѣлать здѣсь все, что ей угодно. Я увѣренъ, что она выгонитъ насъ всѣхъ на сѣновалъ, если докторъ захочетъ остаться одинъ въ домѣ и помашетъ десяти-марковой асигнаціей!..

— Ну, ну, Августъ... Нельзя же такъ говорить о родной матери, хотя бы это была даже правда...

— Вотъ видишь! Ты сама соглашаешься, Ида, что это правда. Ты сама знаешь, какова нравомъ моя матушка!..

Ида оставалась возлѣ дверей, какъ бы зайдя къ молодому хозяину лишь мимоходомъ и торопясь къ ожидавшимъ ее дѣламъ по хозяйству. Но онъ всталъ, приблизился къ ней и овладѣлъ ея рукой. Съ минуту они стояли молча и неподвижно. Онъ очевидно не зналъ, что сказать и былъ въ смущеніи; она потупилась, ни словомъ не облегчая ему начало разговора. Наконецъ ему удалось настолько овладѣть собой, что онъ могъ проговорить.

— Послушай, Ида... Куда же ты торопишься?.. Войди и садись... мы поговоримъ...

— Нѣтъ, мнѣ некогда! — возразила она тоже неров-

нымъ голосомъ и отстранилась, замѣтивъ, что онъ хочетъ ее обнять.

— Ну войди же, Ида,—упрашивалъ онъ.—Тебя вѣдь послали ко мнѣ? Развѣ не такъ?

Ида взялась за ручку двери и безпокойнымъ взглядомъ оглянулась назадъ. Зато когда онъ обвилъ ея талью рукой и повлекъ ее въ комнату, дверь сама собой заперлась, такъ какъ Ида не выпускала скобы изъ рукъ... Она не выпустила скобы и тогда, когда дверь оказалась уже запертой. Начался споръ шепотомъ. Одинъ голосъ звучалъ умоляюще; другой—упрямо.

— Войди же, Ида...

— Ни за что!

— Ну, прошу тебя...

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь меня...

— Отчего ты такая несговорчивая сегодня?

— Оставь, иначе я буду кричать!

Молодой человѣкъ принужденъ былъ удовольствоваться насильно сорваннымъ поцѣлуемъ, но и тотъ былъ весьма неудаченъ, потому что Ида отворачивала лице и оборонялась локтемъ. Тѣмъ не менѣе когда сорванъ былъ этотъ плохой поцѣлуй, Августъ нѣсколько успокоился, отеръ губы съ самодовольнымъ видомъ полакомившагося человѣка и проговорилъ, отходя шага на два.

— То-то!.. Ты сама знаешь, что со мной не стоитъ и хитрить и что свое я всегда возьму!..

По всѣмъ правиламъ деревенскаго флирта теперь Идѣ слѣдовало убѣжать съ пылающими щеками и смущен-

нымъ смѣхомъ. Вмѣсто того она спокойно покинула свою надежную позицію у дверей и сама приблизилась къ молодому хозяину, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну, теперь, Августъ, собирай свои вещи и освободи комнату, потому что сейчасъ мы станемъ мыть полы!—сказала она.

— А если я не захочу?..

— Ты самъ знаешь, что говоришь глупости. Съ чего бы ты сталъ сердить свою мать, когда въ домѣ достаточно не менѣе хорошихъ комнатъ?

— А если мнѣ охота посердить мою мать, именно за то, что она сдала комнаты, не спросивши моего согласія?..

— Перестань же кобениться! Изъ этого вѣдь толку не будетъ. Докторъ написалъ тетѣ и она согласилась отдать ему въ наймы двѣ комнаты... Что же тутъ особеннаго? Ты не хочешь покориться только изъ упрямства, а о томъ ты не думаешь, что отъ этого будетъ только хуже и тебѣ и мнѣ. И то тетя косится на меня...

— Все это такъ, но неприлично выгонять хозяина изъ его комнатъ! Небось черезъ годъ мать будетъ безсильна вредить намъ и тогда мы съ тобой...

Неожиданно онъ схватилъ ее въ объятія и, сѣвъ на стулъ, заставивъ ее упасть къ нему на колѣни. Въ то же время онъ крѣпко обвилъ ея шею рукой и приблизилъ ея лице къ себѣ. Она сдѣлала видъ, что взбѣшена его насиліемъ, но не можетъ вырваться... Однако дѣйствительныхъ попытокъ освободиться она не дѣлала.

— Да, это я объявляю,—продолжалъ между тѣмъ

Августъ,—что не пройдетъ и года, какъ все здѣсь измѣнится и въ Монола будетъ не одна хозяйка, а цѣлыхъ двѣ!

— Лучше поговоримъ объ этомъ, когда это будетъ похоже на правду!—возразила она.

— Вотъ какъ? Ты мнѣ не вѣришь. Ты значитъ думаешь, что я сдѣлаю, какъ добивается моя мать, и женюсь на Амандѣ изъ Ханкала? Такъ, что-ли, Ида?

Онъ выпустилъ ее даже не поцѣловавъ. Но она спокойно осталась на его колѣняхъ и начала говорить, поигрывая его волосами.

— Я вовсе не хочу сказать, что ты погонишься за Амандой... Но ты таковъ, какимъ тебя Богъ создалъ, и во всякомъ случаѣ, я была бы не первая обманутая тобой дѣвушка. И я не вяжусь... Можешь дѣлать, какъ хочешь. Небось я всегда найду себѣ мужа, если не по силамъ будетъ пробиваться въ жизни одной! Но съ твоей стороны, Августъ, это во всякомъ случаѣ будетъ дурно... Я не жалуюсь... Я только хочу сказать, что хотя меня и держатъ здѣсь почти какъ работницу, я все таки дочь твоего родного дяди и изъ твоего рода... Не водится въ народѣ, чтобы соблазняли и покидали близкую родственницу. Даже твоя мать, если узнаетъ всю правду, не похвалитъ тебя и пойметъ, что обо мнѣ слѣдуетъ позаботиться. А впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь; я не изъ тѣхъ, которыя вѣшаются на шею и вымаливаютъ себѣ мужа!

Она говорила это печально, какъ бы едва справляясь со своими слезами и отворачивая лице, точно для того, чтобы скрыть свою тоску. Но если бы кто-нибудь

заглянулъ черезъ его плечо въ ея глаза, тотъ увидѣлъ бы, что эти глаза сверкали лукаво и весело, отнюдь не собираясь расточать слезы.

Молодой хозяинъ ничего подобнаго не замѣтилъ. Онъ слышалъ только ея укоры и не могъ придти въ себя отъ неожиданности, такъ какъ считалъ ее самой красивой дѣвушкой въ мірѣ, да и покидать ее ему не приходило въ голову. Каковъ бы онъ ни былъ, а въ груди у него было честное сердце, и намѣренія, въ особенности относительно Иды, у него были самыя благородныя. И онъ разразился въ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ своей вѣрности.

Онъ сказалъ ей много лестнаго. Во-первыхъ, онъ объяснилъ ей, что она такая статная и красивая дѣвушка, что только совершенный дуракъ согласился бы промѣнять ее на другую. Во вторыхъ, онъ прибавилъ, подумавъ, что она умна, даже чертовски лукава, и сама никогда на допуститъ, чтобы ее разлюбилъ человѣкъ, котораго она любитъ. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ предположеніе, что врядъ-ли сама его мать намѣрена серьезно противиться ихъ союзу. Разумѣется она охотнѣе женила бы его на Амандѣ, потому что со временемъ къ Амандѣ перейдетъ все имѣнье Ханкала. Но если онъ этого не захочетъ, то племянница во всякомъ случаѣ придется ей больше по душѣ, чѣмъ всякая посторонняя. Наконецъ, если бы она и стала куражиться, такъ развѣ это что-нибудь значитъ? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ самъ себѣ господинъ и они могутъ пожениться передъ

носомъ матери, даже не спрашивая, что она объ этомъ думаетъ! Захочетъ пожаловать на свадьбу — очень хорошо, а не захочетъ — и не надо! Помѣшать она ничему не можетъ.

Ида сдѣлала видъ, что увлечена его краснорѣчіемъ и слушала его, откинувъ голову назадъ. Но вдругъ она выпрямилась, покинула удобное мѣсто у него на колѣняхъ и заговорила съ непритворной серьезностью.

— Ты не долженъ разсуждать такъ безпечно и воображать, что все пойдетъ, какъ по маслу, — сказала она. — Я знаю тетю лучше, чѣмъ ты, и я отлично понимаю, что она никогда не захочетъ дѣлить въ Монола власть со мной, своей недавней служанкой. Съумѣетъ она повліять и на тебя. Если будешь продолжать ѣздить въ Ханкала, самъ не замѣтишь, какъ тебя заставятъ думать по своему. Положимъ, Аманда не красавица и вдобавокъ побывала уже раза два помолвленной невѣстой. Но это ровно ничего не значитъ, потому что она единственная наслѣдница большого имѣнья. Такая дѣвушка можетъ позволять себѣ всякія вольности и нисколько не сомнѣваться, что послѣ всего найдется еще десятокъ жениховъ, готовыхъ покрыть вѣнцомъ всѣ ея продѣлки.

— И ты воображаешь, что я одинъ изъ этого десятка? Охо! Кажется за мной нѣтъ повадки подбирать огрызки послѣ другихъ.

— Да, да, такъ всегда говорится, Густи! Поживемъ — увидимъ...

— И увидишь! Хуже вотъ это дѣло съ докторомъ...

Богъ вѣсть каковъ этотъ господинъ! Мать конечно прикажетъ тебѣ прислуживать ему... Надѣюсь, ты понимаешь, что я не потерплю, чтобы этотъ молодчикъ заигрывалъ съ тобой?

Говоря это онъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ сверкнулъ недобрый огонекъ. По личному опыту и по своему знакомству съ повадками горожанъ онъ зналъ, какъ они относятся иногда къ хорошенькимъ горничнымъ.

Но Ида нашла его опасенія ни на чемъ не основанными и увидѣла въ нихъ только незаслуженную обиду.

— Какъ ты можешь говорить такія гадости!—вскричала она гнѣвно.—Стыдись... это съ твоей стороны настоящая низость! Если ужъ ты такой злой человѣкъ, ты можешь думать про себя что̀ хочешь, но не имѣешь права говорить это мнѣ въ лицо. Кажется я не игрушка ни для тебя, ни для всякихъ пріѣзжихъ докторовъ!

Она круто повернулась и хотѣла уйти, но Августъ поймалъ ее за руку, силой удержалъ ее и проговорилъ съ мольбою въ голосѣ:

— Ты не должна обижаться, Ида. Право же я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго и сболтнулъ только шутя.

— Однако, если ты можешь говорить это... Хорошо-же твое мнѣніе обо мнѣ!

Она чуть не плакала и рвалась къ дверямъ.

— Да говорю тебѣ, я сболтнулъ только сдуру. Неужели бы я могъ... Развѣ я тебя не знаю? Все это только отъ досады противъ матери, которая взяла жиль-

цомъ какого-то чортова горожанина, когда намъ нѣтъ въ этомъ никакой необходимости. Этотъ проклятый докторъ проживетъ вѣдь у насъ по крайней мѣрѣ съ полгода!

Ему удалось наконецъ успокоить дѣвушку. Она отерла глаза уголкомъ своего фартука, позволила ему обнять себя и проговорила помолчавъ и все еще немного дрожащимъ голосомъ..

— Ну, я теперь пойду. Немного погодя мы придемъ мыть полъ,

— Ладно, приходите. Тѣмъ временемъ я соберу свои вещи.

— Значитъ, такъ и сказать твоей матери?

— Говорю: ладно!

— Такъ я пойду...

— Но прежде чѣмъ уйти тебѣ бы слѣдовало поцѣловать меня за мою сговорчивость.

На этотъ разъ Ида безпрекословно подставила ему свои красивыя свѣжія губы, сама обвила его шею руками и прошептала послѣ крѣпкаго поцѣлуя:

— Ты всегда меня обижаешь, Густи! Но развѣ я могу не простить тебя, когда ты опять становишься добрымъ?

Выйдя въ залу, она поправила волоса передъ засиженнымъ мухами зеркаломъ, вздохнула, еще разъ оглянулась въ сторону комнаты Августа и вдругъ, опустивъ голову, какъ она привыкла дѣлать въ присутствіи хозяйки, быстро направилась во внутреннія комнаты.

Розыскавъ хозяйку, она сообщила ей совсѣмъ просто

и безъ всякаго торжества, что молодой хозяинъ готовъ очистить комнаты.

Старуха наградила ее только пытливымъ и далеко не доброжелательнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ подозрительно скользнулъ по цвѣтущему лицу дѣвушки, сразу нашелъ слѣды румянца, котораго въ обыкновенныхъ условіяхъ бываетъ гораздо меньше, и уклонился въ сторону, не вызвавъ у дѣвушки ни смущенія, ни дерзкаго задора.

— Ну, такъ сейчасъ-же начинайте мыть полы! — проговорила хозяйка холодно. — Начните съ комнаты молодого хозяина.

Она всегда называла сына молодымъ хозяиномъ, когда говорила съ прислугой, и въ этомъ случаѣ не дѣлала исключенія по отношенію къ племянницѣ. Что она думала о нѣжныхъ чувствахъ сына къ Идѣ, она никому не высказывала. Но всѣ чувствовали, что по этому поводу мысли ея были довольно мрачны и что надъ головами влюбленныхъ собиралась грозовая туча. Когда дѣло касалось достоинства семьи, въ особенности будущности ея единственнаго сына и наслѣдника, старуха не отличалась покладистостью...

Впрочемъ, она еще ни во что не вмѣшивалась и только отъ времени до времени давала молодымъ людямъ понять, что отъ ея вниманія ничего не ускользаетъ.

Минутъ черезъ десять послѣ ухода Иды изъ комнаты молодого хозяина, она снова появилась въ дверяхъ, на

этотъ разъ съ большой шайкой, изъ которой клубами поднимался паръ и съ запасомъ сѣрыхъ тряпокъ. Она весело улыбнулась и начала засучивать рукава. Онъ еще не успѣлъ собрать всѣ свои вещи; но она рѣшительнымъ движеніемъ обмокнула самую большую тряпку въ кипятокъ и швырнула ее прямо на середину пола, такъ что мутные ручейки побѣжали во всѣ стороны. Этимъ движеніемъ она какъ бы вступила отъ имени жильца во владѣніе комнатой. Молодой хозяинъ схватилъ въ охабку свои вещи и понесъ ихъ въ другую комнату, поближе къ кухнѣ. Туда же служанки перенесли и все остальное. Затѣмъ онъ вооружился своей трубкой, набилъ ее самымъ крѣпкимъ картузнымъ табакомъ и началъ усиленно обкуривать свое новое помѣщеніе.

IV.

Господина Удде титуловали «докторомъ», хотя въ сущности онъ былъ еще только магистромъ и съ прошлой весны сдѣлался лишь докторантомъ. Всѣ знали, что его диссертація, надъ которой онъ давно уже трудился, почти готова, и потому его титуловали докторомъ, какъ бы выражая этимъ увѣренность, что онъ благополучно защититъ эту диссертацію. Его уважаемое родство, его связи въ ученомъ мірѣ, а главное, его личныя достоинства и способности служили тому порукой.

Это былъ баловень судьбы. Его отецъ былъ высоко-

поставленнымъ чиновникомъ и умирая оставилъ сыну не только связи, но и порядочное состояніе. Мать съумѣла ему дать хорошее образованіе и всѣми силами помогала ему, пока онъ не сдѣлался студентомъ и не взялъ нѣсколькихъ премій на академическихъ состязаніяхъ. Затѣмъ она въ свою очередь умерла, поручивъ заботы о сынѣ своему брату, профессору римскаго права.

Такимъ образомъ Товій Удде остался одинъ, но отнюдь не безъ поддержки и съ весьма независимыми средствами.

Онъ рано началъ увлекаться возвышенными идеями. Въ особенности увлекался онъ патріотизмомъ. Во всемъ что касалось Финляндіи онъ такъ горячо относился къ каждому мелкому вопросу, что упускалъ изъ виду даже самое благо страны; за деревьями онъ не видѣлъ лѣса.

У него былъ энтузіазмъ и способность красиво выражать свои чувства словами. И онъ началъ воспѣвать свою родину въ горячихъ стихахъ, серьёзно помышляя сдѣлаться великимъ поэтомъ. Но вскорѣ оказалось, что времени на стихотворство оставалось очень мало и что работы въ университетѣ было больше, чѣмъ можно было выполнить. Тогда онъ благоразумно занялся наукой и отложилъ литературные подвиги до болѣе свободнаго времени. Только черезъ пять лѣтъ упорнаго труда, когда онъ былъ наконецъ провозглашенъ магистромъ философіи, онъ могъ свободно перевести духъ. Но склонности къ поэтическому творчеству въ немъ уже не было. Зато въ немъ были познанія и начитанность. Вскорѣ онъ обра-

тилъ на себя общее вниманіе нѣсколькими серьезными статьями о современной изящной словесности, потомъ началъ регулярно печатать критическіе фельетоны въ одной солидной финляндской газетѣ и наконецъ сдѣлался признаннымъ критикомъ въ всѣхъ областяхъ художественнаго творчества. Ему было всего двадцать пять лѣтъ, а уже его начинали считать авторитетомъ, съ такимъ пыломъ и съ такой увлекательной силой онъ защищалъ правду и красоту противъ начинавшихъ врываться въ литературу извращеній.

Лучшимъ его произведеніемъ была статья подъ названіемъ «Этическія стороны въ произведеніяхъ Генриха Ибсена». Эту статью онъ прочелъ въ университетской залѣ при большомъ стеченіи слушателей, и всѣ были увлечены смѣлостью и силой его краснорѣчія.

Несмотря на всѣ эти успѣхи онъ не былъ особенно популяренъ. Дѣло въ томъ, что въ это время шла упорная борьба между сторонниками финскаго и шведскаго языка, а магистръ Удде не пожелалъ пристать ни къ одной изъ обѣихъ партій. По убѣжденіямъ онъ былъ народникъ и вполнѣ подходилъ къ финской демократической партіи. Но отъ шведскаго языка, на которомъ имѣлась богатая литература и который служилъ звеномъ между Финляндіей и болѣе культурными скандинавскими государствами, онъ не видѣлъ причины отказываться. И онъ оставался въ сторонѣ отъ борющихся партій.

Это роняло его, въ особенности въ глазахъ моло-

дыхъ борцовъ обѣихъ сторонъ. Многіе открыто обвиняли его въ равнодушіи и въ безпринципности. Въ концѣ концовъ онъ почувствовалъ, что не можетъ остаться общественнымъ дѣятелемъ не примкнувъ къ той или другой партіи, и принужденъ былъ объявить себя сторонникомъ финской народной партіи. Послѣ этого пришлось также перенести свою дѣятельность изъ шведскихъ газетъ въ финскія.

Но какъ истый гельсингфоргскій житель, онъ былъ неособенно твердъ въ финскомъ языкѣ и зналъ этотъ языкъ болѣе теоретически, чѣмъ практически. И вотъ почему онъ рѣшился пожить полгода въ Монола, среди чистыхъ финновъ, чтобы научиться чисто говорить на финскомъ языкѣ и вполнѣ освоиться съ особенностями народа.

Онъ былъ искренній демократъ и не сомнѣвался, что будущность въ Финляндіи принадлежитъ финнамъ. Но онъ сознавалъ, что плохо знаетъ свой народъ, и хотѣлъ настолько сблизиться съ мужиками, чтобы имѣть возможность всегда стоять на ихъ точкѣ зрѣнія, раздѣлять ихъ идеалы, словомъ быть съ ними во всемъ заодно. Все это онъ надѣялся сдѣлать въ деревнѣ, не переставая работать надъ своей диссертаціей.

Докторъ Удде непритворно жаждалъ пожить въ деревенской тиши, гдѣ можно работать гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ городѣ и гдѣ ему было, что изучать. Но больше всего онъ жаждалъ сближенія съ таинственнымъ финскимъ крестьяниномъ, который цѣлыя столѣтія ѣлъ хлѣбъ

пополамъ съ древесной корой да и это дѣлилъ еще съ сосѣдями, а теперь оказывался настоящимъ хозяиномъ страны. Этотъ крестьянинъ дождался наконецъ награды за свою стойкость, и самъ созналъ, что составляетъ единственную прочную опору отечества, единственный залогъ его будущности.

И вотъ докторъ прибылъ въ Монола. Онъ привезъ съ собой немного вещей, два большихъ ящика съ книгами и много надеждъ. А главное, онъ привезъ съ собой цѣлую кучу добрыхъ намѣреній и рѣшимость сойтись съ народомъ, которому служилъ...

Залу онъ превратилъ въ свой рабочій кабинетъ. Бывшая комната молодого хозяина сдѣлалась его спальней.

V.

Докторъ Удде очень обходительный и неспесивый человѣкъ. Въ Монола онъ выказываетъ свою обходительность тотчасъ же послѣ пріѣзда. Онъ крѣпко пожимаетъ руку хозяйкѣ и ея сыну, лишь немного холоднѣе относится къ приказчику, со всѣми любезенъ, и тотчасъ же начинаетъ разговоръ о погодѣ, щеголяя своимъ мудренымъ книжнымъ языкомъ и развязностью, которой очень гордится. Онъ и не замѣчаетъ, что эта развязность совсѣмъ не нравится хозяйкѣ, которая дѣлается весьма несообщительной; та же развязность доктора побуждаетъ

молодого хозяина насупиться, точь въ точь, какъ бывало въ школѣ, когда ему приходилось выслушивать обидныя наставленія ректора. Одинъ приказчикъ оцѣниваетъ обходительность ученаго господина и поддерживаетъ разговоръ, который то и дѣло обрывается при этомъ первомъ чопорномъ свиданіи хозяевъ и ихъ новаго жильца. Хозяйка сидитъ со сложенными на толстомъ животѣ руками и молча поглядываетъ на доктора, при чемъ ея холодный взглядъ точно произноситъ:

«Видала я и прежде такихъ снисходительныхъ господъ. Но намъ снисходительности не требуется»...

Молодой хозяинъ достаетъ пачку дешевыхъ папиросъ и предлагаетъ ихъ доктору съ такимъ видомъ, точно хочетъ сказать:

«Мы достаточно богаты, чтобы покупать самыя дорогія сигары, какія только найдутся въ вашемъ городѣ. Но мы вовсе не хотимъ щеголять передъ всякимъ чужимъ человѣкомъ и потому можешь курить то, что я самъ курю, или вовсе не курить».

Докторъ вѣжливо благодаритъ, но отказывается отъ папиросъ, объясняя, что не куритъ. Это однако еще болѣе роняетъ его въ глазахъ молодого хозяина, у котораго проносится въ головѣ:

«Эге! Да это видно одинъ изъ ханжей, которые не пьютъ и не курятъ! Стало быть онъ не годенъ даже на то, чтобы составить намъ компанію и выпить съ нами стаканъ тодди!...»

Видя неудовольствіе, съ какимъ молодой хозяинъ

кладетъ папиросы обратно на столъ, докторъ хочетъ поправиться и произноситъ учтиво:

— Господинъ Харвиненъ не долженъ подумать, что я брезгаю... Я въ самомъ дѣлѣ не курю...

Хозяева переглянулись. Смутился даже приказчикъ. Старуха тихонько пожала плечами, а ея сынъ принужденно улыбнулся и сказалъ многозначительно:

— Не бойтесь, добрѣйшій господинъ докторъ, мы не подумаемъ, что вы брезгаете, хотя надо полагать, у васъ могли бы найтись причины пренебрегать нами.

Докторъ видитъ, что невольно оскорбилъ своихъ хозяевъ и, желая какъ нибудь выпутаться изъ неловкаго положенія, объявляетъ, что готовъ научиться курить. Онъ беретъ папиросу, неловко закуриваетъ ее и закашливается отъ первой же затяжки.

Повидимому эта самоотверженная попытка исправить сдѣланную глупость, остается безплодна. Хозяйка вышла изъ комнаты, сославшись на какія-то дѣла; Августъ насмѣшливымъ взглядомъ слѣдитъ за папиросой доктора; а сдержанный приказчикъ принимаетъ болѣе благожелательное выраженіе лица, чѣмъ когда-либо, и возвращается къ бесѣдѣ о погодѣ.

Черезъ минуту хозяйка возвращается торжественная и достойная, какъ жрица во время священнодѣйствія. За нею Ида вноситъ подносъ съ кофейными принадлежностями. Ида одѣта въ воскресное платье и тщательно причесана; ея фартукъ снѣжной бѣлизны. За это молодой хозяинъ бросаетъ ей сердитый взглядъ. Но докторъ

и не замѣчаетъ Иды. Онъ такъ занятъ разговоромъ о дождливомъ климатѣ Южной Германіи, что беретъ свою чашку кофе, не вспомнивъ даже объ обычаѣ, который предписываетъ гостю вступить съ хозяйкой въ препирательство относительно того, кому брать чашку съ подноса...

Опять докторъ спохватывается, что сдѣлалъ промахъ и торопливо извиняется передъ хозяйкой. Но онъ уже уронилъ себя въ глазахъ старухи и получаетъ въ отвѣтъ только ироническую усмѣшку. Тогда онъ удваиваетъ свою любезность и, не смотря на трудность говорить на непривычномъ языкѣ, становится изумительно словоохотливъ. Однако хозяева остаются къ нему холодны.

Послѣ кофея рѣчь заходитъ объ устройствѣ доктора въ его новомъ помѣщеніи. При этомъ хозяйка даетъ ему понять что въ деревнѣ, у «простыхъ, трудящихся мужиковъ», онъ не долженъ ожидать какихъ-либо особенныхъ удобствъ. Нельзя даже дать ему опытную прислугу... Положимъ, Ида сдѣлаетъ все, что̀ съумѣетъ, чтобы угодить ему; но она простая деревенская дѣвушка и можетъ оказаться глупа въ сравненіи съ городскими горничными. Всѣ вѣдь здѣсь простые глупые мужики и потому пусть ужъ докторъ извинитъ имъ мужицкую безтолковость...

Докторъ тотчасъ же объявляетъ, что извинитъ все, что̀ угодно, но произноситъ это не совсѣмъ твердо, начиная подозрѣвать, что подъ смиренными словами хозяйки кроется насмѣшка. На всякій случай онъ проситъ не обращать вниманія на разные промахи, которые онъ

дѣлаетъ по недостаточному знакомству съ финскимъ языкомъ и съ древними обычаями народа. Это выходитъ у него искренно и производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ все, что онъ говорилъ передъ тѣмъ. Теперь онъ начинаетъ уже смутно сознавать, насколько непохожи смиренные на словахъ, но очень требовательные въ дѣйствительности, крестьяне на все, что онъ думалъ о нихъ. Въ сущности, ему вѣдь впервые приходится жить среди народа, такъ какъ до сихъ поръ ему приходилось сталкиваться только съ ямщиками, прислугой да содержательницами постоялыхъ дворовъ, приноровившимися къ обращенію съ господами. Теперь онъ видитъ, что у крестьянъ есть свои взгляды на все, что они вовсе не намѣрены подлаживаться къ образу мыслей «господъ» и что у нихъ имѣется даже особенный юморъ, помощью котораго они незамѣтно и съ видомъ наивнаго добродушія осмѣиваютъ высшія сословія. Онъ замѣчаетъ, что почти ничего не понимаетъ въ характерѣ крестьянъ, и начинаетъ сожалѣть, что ранѣе не познакомился съ народомъ. Но все это только усиливаетъ его охоту основательно изучить народъ.

Въ порывѣ откровенности онъ начинаетъ излагать свои политическія убѣжденія, говоритъ о народѣ съ большимъ энтузіазмомъ и признается, что не можетъ себѣ простить, что раньше не догадался подольше пожить въ деревнѣ среди крестьянъ. Хозяйка и приказчикъ выслушиваютъ его признанія довольно равнодушно. Но молодой хозяинъ награждаетъ его благосклоннымъ взглядомъ.

— Давно пора шведскимъ господамъ познакомиться съ нами! — произноситъ онъ покровительственно.

Въ послѣдовавшихъ переговорахъ о распредѣленіи времени доктора происходитъ новая заминка. Онъ предполагалъ обѣдать вмѣстѣ съ своими хозяевами за общимъ столомъ. Но это не согласуется съ намѣреніями хозяйки. Она объявляетъ усмѣхаясь, что готова допустить, что пообѣдать съ «мужиками» разъ, другой въ теченіе лѣта можетъ быть забавой для снисходительнаго барина; но превратить это въ правило негодится... При томъ «мужики» обѣдаютъ рано, около полудня, и тогда докторъ не можетъ еще быть голоднымъ .. Она такъ рѣшительно отклоняетъ его намѣреніе, что ему приходится отъ него отказаться. Рѣшено, что завтракъ онъ будетъ получать въ девять, а обѣдъ въ три часа, то и другое отдѣльно, въ своей комнатѣ. Соглашаясь на этотъ порядокъ онъ чувствуетъ себя слегка обиженнымъ и сокрушается въ душѣ о необщительности финскаго народа. Ему и въ голову не приходитъ, что богатая хозяйка Монола вмѣстѣ съ сыномъ и племянницей, хотя и обѣдаютъ за отдѣльнымъ столомъ отъ рабочихъ, довольствуются тою же незатѣйливой пищей, какъ и они. Вся разница заключается въ томъ, что хозяевамъ столъ накрывается домотканной скатертью и ставятся приборы съ ножами и вилками, тогда какъ рабочіе ѣдятъ на непокрытомъ столѣ изъ общихъ мисокъ и при помощи простыхъ деревянныхъ ложекъ да складныхъ ножей.

Старуха умалчиваетъ объ этомъ. Она вовсе не сты-

дится своихъ бережливыхъ порядковъ; но она не находитъ нужнымъ посвящать въ свое хозяйство чужого человѣка. Притомъ она находитъ болѣе приличнымъ, чтобы ея жилецъ получалъ отдѣльно приготовленный обѣдъ и ѣлъ въ своей залѣ «по господски». Иначе что скажутъ о ней люди и чѣмъ она оправдаетъ 80 марокъ въ мѣсяцъ, которыя беретъ съ жильца за квартиру со столомъ и прислугой?

— Впрочемъ, если вамъ любопытно посмотрѣть, какъ ѣдятъ мужики, милости просимъ отобѣдать съ нами какъ-нибудь въ воскресенье,—прибавляетъ она снисходительно.—А въ обыкновенное время надо жить врозь. Господа должны оставаться господами, а мужики—мужиками; это заведено не нами.

Докторъ выслушиваетъ ее съ нѣкоторымъ удивленіемъ и призадумывается, стараясь объяснить себѣ всѣ эти противорѣчія своими обычными академическими разсужденіями.

Однако молодой хозяинъ остается недоволенъ ироническимъ смиреніемъ матери. Онъ увѣренъ, что докторъ не раскуситъ иронiи и считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія.

— Видите-ли, моя мать имѣетъ привычку преувеличивать, — говоритъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.—Разумѣется, у насъ отдѣльный столъ отъ прислуги! Но хотя вы и не брезгаете нами, какъ сами великодушно сказали, обѣдать съ нами вамъ не приходится... изъ-за людей.

На этотъ разъ докторъ потупился съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Но въ то же время ему приходитъ въ голову, что онъ пріѣхалъ не учить, а учиться, и что слѣдовательно лучше всего соображаться съ желаніями хозяевъ. Съ этимъ онъ встаетъ, раскланивается и отправляется приводить свои вещи въ порядокъ.

Онъ не приходитъ въ восторгъ отъ своихъ двухъ комнатъ. Особенно ненравится ему большая пустынная зала, украсить которую ему нечѣмъ. Совсѣмъ иначе представлялъ онъ себѣ жилище богатаго финскаго крестьянина! Никакой уютности, ничего наивнаго и простодушнаго... Да и встрѣтили его совсѣмъ не съ тѣмъ радушіемъ, на какое онъ разсчитывалъ въ сознаніи своихъ добрыхъ народническихъ чувствъ!

Онъ разбирается въ своихъ чемоданахъ въ полномъ одиночествѣ. Никому и въ голову не приходитъ придти ему помочь. Наконецъ онъ устаетъ возиться со своими вещами и отходитъ къ одному изъ четырехъ оконъ залы.

Все занесено снѣгомъ; мѣстами снѣжные сугробы поднимаются до самыхъ оконъ жилого дома. Вѣтеръ мететъ тонкую снѣжную пыль наметая извилистые гребешки на вершинахъ сугробовъ. Строенія ближайшей деревеньки печально сѣрѣютъ среди бѣлыхъ полей. У береговъ застывшаго подъ зимнимъ покровомъ залива желтѣютъ верхушки засохшаго камыша. Глядя на всю эту холодную и непривѣтливую картину, докторъ содрогается.

Невольно задумывается онъ надъ тѣмъ, насколько не-

похожа дѣйствительность на все, что онъ ожидалъ найти и насколько непохожъ простой народъ, какъ понятіе горожанъ, на дѣйствительный простой деревенскій народъ! Положительно, настроеніе его становится унылымъ .. Но онъ старается увѣрить себя, что это настроеніе вызвано только утомленіемъ дороги и безсонной ночью. Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ поддаваться такому настроенію, не намѣренъ заражаться безотраднымъ міровоззрѣніемъ французскихъ «натуралистовъ». Наоборотъ, онъ пріѣхалъ сюда, чтобы на лонѣ природы приготовиться къ цѣлому походу противъ такого міровоззрѣнія.

Чтобы встряхнуться, онъ отгоняетъ всякія печальныя мысли, хватаетъ свой желѣзный гимнастическій шестъ и начинаетъ продѣлывать сложныя гимнастическія упражненія. Онъ такъ занятъ этими упражненіями, что не замѣчаетъ, какъ входитъ и почтительно останавливается у дверей удивленная Ида.

Она не знаетъ, что̀ и думать объ ученомъ господинѣ, который вмѣсто того, чтобы разбирать свои вещи, вертится и кривляется среди комнаты, размахивая какимъ-то тяжелымъ ломомъ. Въ концѣ концовъ она порѣшаетъ въ умѣ, что вѣроятно докторъ принадлежитъ къ какой нибудь сектѣ плясуновъ, о которыхъ разсказываютъ немало странныхъ подробностей, и что теперь онъ конечно совершаетъ какой-нибудь обрядъ. Она даже рѣшается незамѣтно ускользнуть изъ комнаты, чтобы не мѣшать доктору въ его благочестивыхъ занятіяхъ; но въ это вре-

мя онъ дѣлаетъ крутой поворотъ, изъ рукъ его выскакиваетъ и съ шумомъ падаетъ на полъ шестъ, и въ то же время онъ замѣчаетъ Иду.

— Что нужно?—спрашиваетъ онъ, усиленно переводя духъ и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Я только пришла накрывать столъ къ обѣду,— оправдывается она.

— Ахъ да... обѣдъ! И то, я уже цѣлые сутки не ѣлъ какъ слѣдуетъ. Поѣмъ съ аппетитомъ...

— Такъ позволите накрывать?

— Конечно! Я голоденъ, какъ волкъ.

Ида хочетъ накрывать обѣденный столъ и начинаетъ осторожно перекладывать со стола на диванъ разныя книги, которыя она принимала за молитвенники въ виду ихъ красивыхъ переплетовъ.

— Не церемоньтесь, валите ихъ въ кучу! — совѣтуетъ онъ и чтобы ободрить ее швыряетъ цѣлую кучу книгъ на середину дивана.

Она взглянула на него съ едва замѣтной улыбкой. «Вишь какой онъ веселый да еще сейчасъ же послѣ молитвы!» —думаетъ она—«Забавный докторъ!..»

Въ свою очередь докторъ взглядываетъ на Иду и замѣчаетъ ея миловидность. При томъ она одна изъ всего населенія Монола не выказываетъ ему холодности. И тотчасъ же онъ заговариваетъ съ нею привѣтливо и шутливо.

— Вотъ, если бы вы пришли пораньше, вы избавили бы меня отъ большихъ хлопотъ. Я совсѣмъ не умѣю разбираться въ своихъ вещахъ.

— Я бы непремѣнно пришла, но мы думали, что господинъ докторъ отдыхаетъ.

— Какой тутъ отдыхъ! Я ужасно неловокъ въ такихъ дѣлахъ и ничего не выходить.

— Вы бы кликнули меня...

— При томъ здѣсь кое-чего не хватаетъ. Такъ мнѣ нуженъ еще одинъ столъ... побольше.

— Не знаю найдется ли, но я спрошу хозяйку.

— Спросите. А если не найдется, можно вѣдь сдѣлать. Навѣрное найдется нѣсколько досокъ, чтобы сколотить столешницу, а ножки можно замѣнить козлами. Не правда-ли?

— О, да господинъ докторъ отлично говоритъ по фински! — любезно замѣчаетъ Ида вмѣсто отвѣта.

Докторъ окончательно ободряется и его унылое настроеніе разсѣевается. Монола уже не кажется ему печальной пустыней. Его расположеніе духа совсѣмъ исправляется, когда Ида берется переговорить съ хозяйкой и высказываетъ надежду, что вѣроятно можетъ найтись въ домѣ все, чего недостаетъ доктору въ его комнатахъ.

Пока Ида отправляется за супомъ, докторъ бодро шагаетъ изъ угла въ уголъ по своей залѣ и что-то весело насвистываетъ. Вскорѣ Ида возвращается съ большой миской похлебки и цѣлой корзиной хлѣба, нарѣзаннаго исполинскими ломтями. Благодаря аппетиту доктора, обѣдъ приходится ему вполнѣ по вкусу. При томъ Ида прислуживаетъ привѣтливо, съ веселымъ выраженіемъ

лица, и ея миловидность успокоиваетъ эстетическія потребности доктора, котораго иначе бы огорчила не изящная и въ то же время отнюдь не народная сервировка стола.

Послѣ обѣда Ида приходитъ помочь доктору въ разборкѣ его вещей и дѣло сразу идетъ на ладъ. Докторъ становится прихотливѣе и начинаетъ требовать то одно, то другое для приданія комнатамъ вполнѣ жилого вида. Приходитъ сама хозяйка. Докторъ не даромъ изучалъ этнографію родной страны и хорошо знаетъ, какіе художественные предметы могутъ найтись въ богатой крестьянской семьѣ. Онъ задался цѣлью, убрать свою залу въ своеобразномъ «финскомъ стилѣ», и теперь онъ закидываетъ хозяйку разными просьбами. Прежде всего онъ выманиваетъ у нея великолѣпную пеструю попону для замѣны ею скатерти на овальный столъ. Потомъ онъ нахваливаетъ финскіе половики съ затѣйливыми рисунками и добываетъ ихъ нѣсколько штукъ для своихъ комнатъ. Драпировки онъ устраиваетъ изъ домотканныхъ одѣялъ, которыя хозяйка не безъ сожалѣнія достаетъ изъ своихъ сундуковъ. Но когда онъ въ заключеніе проситъ какіе-нибудь хомуты и сѣдла для устройства оригинальныхъ трофеевъ на стѣнахъ, она начинаетъ смѣяться и спрашиваетъ не достаточно ли уже надѣланныхъ сумасбродствъ? Вѣдь не намѣренъ же онъ превратить залу въ конюшню?

— А почему не придать видъ конюшни, если это красиво?— отвѣчаетъ онъ весело.

Ему даютъ разные вышедшіе изъ употребленія хомуты и сѣдла. Въ добавокъ онъ получаетъ прекрасную медвѣжью шкуру, чтобы постлать у письменнаго стола. Самый столъ изготовляется по указаніямъ доктора и прикрывается привезеннымъ изъ города сукномъ.

Въ концѣ концовъ жилецъ остается вполнѣ доволенъ устройствомъ своихъ комнатъ, а хозяева и прислуга проникаются нѣкоторымъ уваженіемъ къ жильцу, который съ перваго же дня съумѣлъ надѣлать столько хлопотъ.

Съ Идой, которая помогала ему въ устройствѣ квартиры съ такимъ усердіемъ, что потъ струился съ ея лица, онъ окончательно подружился. Они вмѣстѣ переносили и развѣшивали вещи, шутили, смѣялись и совсѣмъ уже другъ друга не стѣснялись. При томъ оказалось, что говорить съ нею по фински было несравненно легче, чѣмъ съ хозяйкой или съ ея сыномъ. Съ своей стороны Ида находила его обходительнымъ, веселымъ человѣкомъ и начинала даже сомнѣваться въ принадлежности доктора къ сектѣ плясуновъ.

Хозяйка съ меньшей благосклонностью поглядывала на затѣи жильца. Но когда онъ выразилъ желаніе пріобрѣсти въ свою собственность одолженныя ему одѣяла и попоны, за которыя предложилъ хорошую цѣну, а въ особенности когда онъ затѣмъ попросилъ ее принять десять марокъ за пользованіе хомутами и прочими украшеніями, она просіяла и нашла, что въ этомъ случаѣ онъ держалъ себя, какъ настоящій баринъ.

Молодого хозяина не видали до самаго вечера..

Плотно поужинавъ докторъ ложится спать. Кровать слишкомъ коротка и тюфякъ колется, какъ ежъ; въ комнатѣ душно; появляются непрошеные гости, которые стараются не дать ему уснуть. Но онъ открываетъ трубу, обсыпаетъ постель персидскимъ порошкомъ и засыпаетъ, уже не поддаваясь дурнымъ впечатлѣніямъ.

VI.

Проходитъ нѣсколько дней прежде, чѣмъ докторъ успѣваетъ привыкнуть къ деревенской зимней тишинѣ. Переходъ отъ столичной сутолоки къ этой невозмутимой тишинѣ слишкомъ рѣзокъ. Хуже всего, что въ новой обстановкѣ совсѣмъ не работается.

Онъ привыкъ къ обширному кругу друзей и знакомыхъ, выказывавшихъ ему сочувствіе при каждомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь всѣ къ нему равнодушны и рѣшительно никто не интересуется его трудами. Ему ужасно недостаетъ обмѣна мыслей съ товарищами и всего, что возбуждало его энергію. Въ добавокъ изъ окружающей его тишины точно привидѣніе выступаетъ неожиданное сомнѣніе. Онъ сомнѣвается въ достоинствахъ своей диссертаціи объ этикѣ, сомнѣвается даже въ необходимости ученой степени, которой добивается... Въ своихъ сомнѣніяхъ онъ заходитъ такъ далеко, что начинаетъ раздумывать, дѣйствительно ли есть серьезныя достоин-

ства въ его знаменитой статьѣ объ этикѣ въ сочиненіяхъ Ибсена.

Но именно нелѣпость такихъ сомнѣній убѣждаетъ его, что онъ просто поддался хандрѣ подъ вліяніемъ непривычной обстановки, и это возвращаетъ ему утраченное равновѣсіе. Онъ беретъ Гегеля и Канта, продѣлываетъ сложныя упражненія, жонглируя понятіями о правѣ, правдѣ и красотѣ, и успѣваетъ наконецъ убаюкать свои сомнѣнія, порожденныя столкновеніемъ съ дѣйствительностью.

Затѣмъ онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки обмакиваетъ перо въ чернила, и продолжаетъ свое ученое изслѣдованіе о безплодности французскаго натурализма.

Доктору необходимо было какъ можно больше разговаривать по фински. Поэтому онъ сталъ ежедневно выходить по утрамъ на прогулки, въ надеждѣ встрѣтить какого-либо собесѣдника. И это ему иногда удавалось; такъ, напримѣръ, ему посчастливилось раза два встрѣтиться съ приказчикомъ, и основательно обсудить съ нимъ все, что касалось погоды... Но болѣе интересные разговоры съ крестьянами не клеились, такъ какъ у нихъ съ нимъ не оказывалось никакихъ общихъ интересовъ, а многіе, въ томъ числѣ и молодой хозяинъ, явно избѣгали его. Докторъ положительно огорчался этимъ, хотя старался казаться равнодушнымъ.

Единственнымъ вполнѣ доступнымъ существомъ въ

Монола оказывалась привѣтливая Ида. И докторъ быстро привязался къ ней, въ своемъ одиночествѣ дорожа ея обществомъ, какъ драгоцѣнностью.

Ида, не занимавшая того общественнаго положенія, которое принуждало хозяевъ держать себя недоступно, относилась къ доктору просто и сердечно. Въ особенности ее подкупало въ его пользу то, что онъ относился къ ней съ непритворнымъ уваженіемъ и видимо находилъ удовольствіе въ разговорѣ съ нею. При томъ она была чрезвычайно заинтригована упражненіями доктора съ его желѣзнымъ шестомъ. Она уже не была увѣрена, что докторъ совершалъ какіе-нибудь молитвенные обряды, но никого не рѣшалась разспрашивать, боясь выказать при этомъ свою «глупость» и сдѣлаться общимъ посмѣшищемъ

Однажды утромъ, когда Ида пришла съ подносомъ за кофейнымъ приборомъ доктора, онъ поднялъ голову, положилъ перо и заговорилъ напрямки:

— Скажите, Ида, что имѣетъ противъ меня молодой хозяинъ? Онъ положительно чуждается меня!

— Неужели онъ чуждается?

— По крайней мѣрѣ такъ мнѣ по всему кажется.

— Но можетъ быть господинъ докторъ ошибается?

— Не думаю. Развѣ онъ такой же несообщительный и съ другими?

— Онъ вовсе не несообщительный. У него только такая повадка.

— Однако... Можетъ быть я помимо желанія чѣмъ-нибудь оскорбилъ его?

— О, нѣтъ! Онъ всегда такой съ чужими людьми.

— Такъ отчего бы намъ съ нимъ не познакомиться? Вѣдь познакомились же мы съ вами...

— Со мной—это большая разница. Хозяинъ вѣдь самъ владѣлецъ имѣнія, а я только его родственница.

— Вотъ какъ! Я не зналъ что вы родственница хозяевъ, Ида.

— Какъ-же! Я родная племянница покойнаго Харванена.

— Значитъ вы двоюродная сестра хозяина?

— Выходитъ такъ!

— И вы взялись мнѣ прислуживать?

— Надо же что-нибудь дѣлать за пищу и платье, которыя я получаю.

— Неужели за всѣ труды вы получаете только пищу и платье?

— Иногда мнѣ кое-что дарятъ...

— Гмъ! Это незавидная доля. За весь свой честный трудъ получать только то, что̀ хозяевамъ угодно подарить!

— Конечно, незавидная...

— И все таки вы всегда веселы и довольны?

— А какъ-же не быть довольной? Не всякая сирота имѣетъ и то, что̀ я имѣю!

— Вѣроятно васъ пріютили, когда вы еще были ребенкомъ?

— Да, они меня воспитали.

Разговаривая съ докторомъ Ида стояла съ тяжелымъ

подносомъ въ рукахъ. Онъ взялся за подносъ и заставилъ ее поставить подносъ на письменный столъ.

— Всего этого я не зналъ, Ида! — сказалъ онъ улыбаясь.—Какъ съ близкой родственницей хозяевъ мнѣ придется обращаться съ вами гораздо церемоннѣе.

— Ахъ, что вы! Господинъ докторъ не долженъ смѣяться надо мной!

— Итакъ, вы росли вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, Ида?

— Дѣтьми мы росли вмѣстѣ, но потомъ онъ уѣхалъ въ городъ, и цѣлыхъ четыре года пробылъ въ лицеѣ.

— Неужели?—вскричалъ изумленный докторъ.— Какъ это я не замѣтилъ такого обстоятельства въ разговорѣ съ нимъ?

— О, не смотря на свое образованіе, хозяинъ умѣетъ держать себя настоящимъ крестьяниномъ!—съ гордостью сказала Ида.—Онъ не хочетъ выдѣляться среди насъ.

— Вотъ оно что!—въ раздумьѣ протянулъ докторъ, которому становились понятными нѣкоторыя особенности характера его хозяевъ.

— У него пропасть книгъ и онъ выписываетъ двѣ газеты!—продолжала между тѣмъ расхвастившаяся дѣвушка.—И онъ хорошо говоритъ по шведски!—прибавляетъ она, не дождавшись отвѣта.

Докторъ посмотрѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Впрочемъ онъ никогда не говоритъ по шведски и находитъ, что мы могли бы отлично обойтись въ Финляндіи безъ этого языка.

— Ну конечно, конечно!—замѣтилъ докторъ улыбаясь.—Нечего и сомнѣваться въ томъ, что вы здѣсь престрогіе финоманы. Но есть и между потомками шведовъ отличные народники.

— Мы здѣсь этого не понимаемъ, и не очень-то заботимся о томъ, что думаютъ шведскіе господа!—закончила она беззаботно и забравъ свой подносъ вышла изъ комнаты.

Докторъ погрузился въ раздумье. Неожиданное замѣчаніе Иды о шведскихъ господахъ, произвело на него какое-то особенно непріятное впечатлѣніе. Прежде ему и въ голову не приходило считать себя шведомъ въ отличіе отъ коренныхъ финновъ. Теперь выходило наоборотъ что не могло быть и рѣчи о смѣшеніи его съ финнами, причемъ всякое замѣчаніе о «шведскихъ господахъ» оскорбляло его, какъ замѣчаніе о немъ самомъ. Куда же дѣлись его горячія чувства правовѣрнаго патріота? Всегда его мысли о любви къ отечеству были такъ возвышенны и благородны; никогда въ этой области не поддавался онъ сомнѣніямъ... И вдругъ, первое же соприкосновеніе съ простой дѣйствительностью совсѣмъ выбивало его изъ сѣдла и онъ чувствовалъ себя жестоко обманутымъ.

Докторъ вскакиваетъ со своего стула и начинаетъ ходить по комнатѣ въ сильнѣйшемъ недовольствѣ самимъ собой. Откуда въ немъ вся эта дряблая неустойчивость? Неужели нѣсколько словъ крестьянской дѣвушки о «шведскихъ господахъ» въ состояніи совершенно сбить его съ толку? Это просто сумасшествіе!..

*

Онъ вѣдь одинъ изъ энергичныхъ дѣятелей финской національной партіи, девизъ которой: долой шведовъ! Неужели же эти слова были для него только лозунгомъ, боевымъ кличемъ, безъ всякаго внутренняго смысла? Въ такомъ случаѣ онъ былъ не что иное, какъ жирондистъ, пѣвшій марсельезу съ санкюлотами, но даже не допускавшій мысли, чтобы власть могла перейти къ этимъ санкюлотамъ.

«Мы здѣсь этого не понимаемъ и не очень-то заботимся о томъ, что думаютъ шведскіе господа!» — повторяетъ онъ слова Иды и старается понять, почему эти слова кажутся ему теперь обидными, а прежде показались бы ему самыми простыми словами единомышленника? Видно потому, что онъ услышалъ эти слова изъ устъ самого народа, и потому что они были выражены съ наивной грубостью дѣйствительнаго убѣжденія! Не даромъ же онъ испытываетъ такое же огорченіе, какъ если-бы его оттолкнулъ человѣкъ, котораго онъ считалъ другомъ и братомъ... И какъ же иначе? При первомъ же соприкосновеніи съ финскимъ народомъ ему даютъ понять, что онъ для дѣйствительныхъ финновъ инородецъ, «шведскій господинъ!»

— Жирондистъ!—произноситъ онъ самъ себѣ насмѣшливо.

— Ну, и что же въ томъ, что жирондистъ?—спохватывается онъ.—Развѣ я не искренно стою за народъ? Развѣ я измѣню своимъ идеаламъ, хотя бы въ свое время коренные финны обогнали меня и отбросили бы въ

сторону? Ихъ благоденствіе и сила созданы нами, такими жирондистами изъ шведскихъ господъ!

Онъ произноситъ эти слова съ гордостью, но тотчасъ же поникаетъ головой, соображая, что̀ бы сказали его единомышленники, если бы онъ высказалъ въ столицѣ такую мысль.

До сихъ поръ онъ по принципу всегда льнулъ къ демократамъ и часто удивлялся, что какая-то невидимая рука отталкивала его отъ наиболѣе убѣжденныхъ изъ нихъ. Теперь ему понятно, что это за невидимая рука: это кастовая рознь? Это рознь, порожденная несходствомъ привычекъ, вкусовъ, взглядовъ на науку и искусство, понятій о красотѣ...

Вездѣ эта таинственная рука отталкивала его изъ кружковъ настоящихъ якобинцевъ. Въ Финляндіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Германіи — вездѣ было одно и то же. Это поражало его, потому что онъ являлся вполнѣ правовѣрнымъ демократомъ. Но теперь становится еще хуже, потому что начинаетъ колебаться сама его вѣра...

Всѣ эти размышленія приводятъ его въ сильнѣйшее смятеніе. Ему и въ голову не приходитъ, что просто-на просто въ немъ страдаетъ идеалистъ, не выдержавшій испытанія въ приложеніи идеи къ дѣйствительности, и что помимо его воли дѣйствительность опрокидываетъ его фантазіи о народѣ.

VII.

Не смотря на свое разочарованіе къ вечеру докторъ успѣлъ настолько побороть всѣ свои сомнѣнія, что его снова потянуло къ «якобинцамъ», и когда на его вопросъ Идѣ: «могутъ ли хозяева принять его вечеромъ»,— она только удивилась возможности сомнѣнія, онъ надѣлъ свой черный сюртукъ и перешелъ черезъ холодныя сѣни на половину хозяевъ.

Хозяйка, которую Ида успѣла предупредить о посѣщеніи доктора, приняла его какъ всегда, торжественно и съ чуствомъ собственнаго достоинства. Прося гостя садиться на диванъ, она прибавила, что молодой хозяинъ уѣхалъ въ Ханкала, но вѣроятно скоро вернется домой.

Доктору въ этотъ вечеръ особенно хотѣлось понравиться хозяйкѣ. Поэтому онъ заговорилъ съ нею на самомъ изысканномъ финскомъ языкѣ, и съ такой почтительной непринужденностью, точно передъ нимъ была одна изъ наиболѣе популярныхъ въ академическомъ мірѣ «профессоршъ». Притомъ, хорошо понимая, что говорить непринужденно онъ можетъ только о себѣ, онъ разсказывалъ исключительно о своемъ прошломъ и ухитрился заинтересовать хозяйку. Методъ оказывался удачнымъ. Торжественность старухи понемногу таяла; она начала даже смѣяться, когда докторъ разсказалъ о своей непрактичности въ дѣлахъ хозяйства.

Ида принесла на подносѣ чай и свѣжее печенье. Вслѣдъ затѣмъ подъ окнами послышались бубенцы и звонкій почтовый колокольчикъ. Овидно молодой хозяинъ вернулся не одинъ... Старуха сдѣлала видъ, что не обращаетъ на звуки колокольцевъ ни малѣйшаго вниманія; но Ида съ любопытствомъ бросилась къ окну, вперила взглядъ въ потемки и вдругъ проговорила слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Тетушка... кажется, это лошадь изъ Ханкала... Августъ привезъ съ собою гостей.

— Что же, тѣмъ лучше!—спокойно отозвалась старуха.—Такимъ образомъ выходитъ доктору случай познакомиться съ нашими сосѣдями.

Ида вышла въ переднюю встрѣчать гостей, а старуха прибавила обращаясь къ доктору и слегка подмигивая ему:

— Аманда изъ Ханкала и Августъ ровесники... понимаете? Они большіе друзья...

Черезъ минуту въ комнату вкатился маленькій красный узелокъ: это и была Аманда изъ Ханкала, маленькая, полненькая, вся въ красномъ, съ ярко румяными щеками и съ красновато-рыжими волосами. Ея маленькіе шаловливые глазки метнули въ сторону доктора задорный взглядъ и тотчасъ же почтительно потупились передъ хозяйкой. Затѣмъ она по очереди подала свою маленькую полную руку хозяйкѣ и доктору. Въ комнатѣ распространился сильный запахъ туалетной воды.

Она начала говорить очень торопливо, не доканчивая

фразы и прерывая рѣчь безпричиннымъ смѣхомъ. Для чего-то она ежилась, притворяясь, что ужасно озябла и потирала руки одну о другую; но видно было, что все это были только шалости.

Господинъ Августъ Харваненъ, наоборотъ, держалъ себя съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства, посмѣивался какъ бы нехотя, только изъ уваженія къ гостьѣ, и старался казаться ко всему равнодушнымъ. Онъ тотчасъ же досталъ пачку папиросъ и предложилъ доктору покурить, но сдѣлалъ это съ разсѣяннымъ видомъ, точно хотѣлъ дать понять, что мысли его заняты болѣе серьезными дѣлами.

Молодой хозяинъ привезъ гостью въ своихъ маленькихъ саняхъ, сидя на козлахъ и собственноручно правя лошадью. Во вторыхъ саняхъ ѣхалъ работникъ изъ Ханкала, который долженъ былъ отвезти Аманду домой...

Докторъ учтиво всталъ, уступая свое мѣсто Амандѣ. Но она замахала на него руками. Съ чего онъ взялъ, что молодая дѣвушка рѣшится сѣсть на диванъ?.. Молодой хозяинъ снисходительно пояснилъ доктору, что въ сидѣньи на диванѣ дѣвушки видятъ для себя дурную примѣту.

— Въ такомъ случаѣ...

Докторъ не договорилъ и снова занялъ свое почетное мѣсто. Онъ дѣлалъ все, чтобы казаться довольнымъ и въ самомъ дѣлѣ пытался находить удовольствіе въ этомъ обществѣ, гдѣ меньше говорилось словъ, чѣмъ произносилось неопредѣленныхъ восклицаній и рѣчь дополнялась

безпричиннымъ щебечущимъ смѣшкомъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ этомъ обществѣ считалось остроуміемъ говорить намеками и не доканчивать фразъ, предоставляя слушателямъ угадывать недоговоренное. Къ счастію намеки были самые безхитростные и загадки разгадывались очень легко! Нечего и прибавлять, что предметомъ шутокъ были лишь разныя догадки о женихахъ и невѣстахъ округа, а также любовныя дѣла вообще. Называли какого-нибудь ленсмана и умолкали со смѣхомъ поглядывая на Аманду, а она вспыхивала такъ, что щеки ея принимали цвѣтъ красной редиски, и смѣялась извиваясь всѣмъ тѣломъ. Въ свою очередь она дѣлала намекъ на какую-нибудь дѣвушку и разражалась новымъ взрывомъ смѣха, которому остальные вторили отвѣчая лишь восклицаніями.

«Такое препровожденіе времени должно быть здорово!»—невольно подумалъ докторъ.

Понемногу настроеніе становилось все веселѣе и веселѣе. Всѣ точно согрѣвались. Особенно удачны были шутки и намеки самой хозяйки. Только молодой хозяинъ все еще посмѣивался беззвучно и принужденно. Но вотъ вошла Ида съ подносомъ, уставленнымъ чашками чая и печеньемъ. Тотчасъ же молодой хозяинъ оживился и смѣхъ его сдѣлался особенно звонокъ; ему стало чрезвычайно весело, да и его матери, и Амандѣ стало веселѣе прежняго. Ненаблюдательный докторъ ничего не замѣтилъ; но прочимъ, повидимому, было вполнѣ ясно, почему Августъ вдругъ сдѣлался такой развязный, почему онъ

придвинулся къ Амандѣ и отчего онъ вдругъ сталъ нашептывать ей что-то, заставлявшее ее просто взвизгивать отъ смѣха.

Ида остановилась передъ хохочущей парочкой съ опущенными глазами, серьезная и почтительная. Аманда, точно нарочно, брала свою чашку слишкомъ медленно, заставляя Иду низко склоняться передъ ней; въ свою очередь молодой хозяинъ точно забылся держа кусокъ сахара надъ своей чашкой и не переставая любезничать съ гостьей. Ясно было, что оба наслаждались униженіемъ дѣвушки и старались хорошенько дать ей почувствовать, что для нихъ она только служанка. И все это дѣлалось такъ грубо, что наконецъ даже разсѣянный докторъ обратилъ вниманіе на непріятное положеніе Иды.

Но она ни однимъ взглядомъ не выдала, что чувствуетъ наносимую ей обиду. Она держала себя смиренной служанкой, которой и въ голову не приходитъ роптать на свое жалкое положеніе или считать себя равноправнымъ членомъ семьи. И докторъ подумалъ про себя что у крестьянъ зависимость слуги отъ хозяина чувствуется пожалуй еще рѣзче, чѣмъ въ домахъ остальныхъ сословій. Гораздо рѣзче! прибавилъ онъ мысленно, вспомнивъ о родствѣ Иды съ хозяевами.

Обнеся чай, она смиренно вышла изъ комнаты, но никто, кромѣ доктора не повѣрилъ ея смиренію. Аманда и хозяйка обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ; Августъ безпечно тряхнулъ головой; и опять послышался смѣхъ, звучавшій теперь жестко и нервно ..

Вскорѣ Ида снова появилась съ принадлежностями *тодди* *) въ рукахъ и опять удалилась смиренно и молча поставивъ подносъ передъ хозяиномъ. Тотъ дѣятельно занялся приготовленіемъ тодди и, не обративъ на Иду вниманія, началъ потчевать доктора. Докторъ поблагодарилъ и отказался, сославшись на свое здоровье и запретъ врачей. На это молодой хозяинъни чего не возразилъ, но отвернулся въ сторону Аманды и съ этой минуты не обращалъ уже на гостя ни малѣйшаго вниманія. Когда позже докторъ обращался къ нему съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ, онъ отвѣчалъ ему только холоднымъ взглядомъ или нѣсколькими, нехотя процѣженными сквозь зубы словами. Во всей фигурѣ молодого человѣка выражалось уже только одно, а именно, что онъ можетъ прекрасно обойтись безъ любезностей шведскаго господина и что на дальнѣйшее сближеніе онъ не согласенъ. Это тотчасъ же задѣло честнаго народника за-живое. Но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, докторъ напомнилъ себѣ, что насильно милъ не будешь, и принудилъ себя быть попрежнему спокойнымъ и любезнымъ.

Однако его понемногу точно забыли, и онъ сидѣлъ въ углу дивана безпритязательно улыбаясь и оставаясь скромнымъ свидѣтелемъ ухаживанья Августа Харванена за прекрасной Амандой изъ Ханкала. По временамъ ему становилось горько на душѣ въ сознаніи, что его при-

---

*) *Тодди* родъ пунша, состоящаго изъ горячей воды, сахара и арака или коньяка.

внимаютъ, какъ жалкаго чужестранца, который долженъ считать честью, что его допускаютъ присутствовать при маленькихъ семейныхъ радостяхъ своихъ хозяевъ. Но эти мелочныя чувства онъ успѣвалъ во-время подавлять и по виду оставался доволенъ.

Впечатлѣнія этого вечера во всякомъ случаѣ были непріятны. Онъ вѣдь невольно ожидалъ, что будетъ почетнымъ гостемъ въ семьѣ своихъ хозяевъ; и въ самомъ дѣлѣ ему былъ предоставленъ весь диванъ, какъ наиболѣе почетное мѣсто. Но если онъ ожидалъ, что будетъ вести разговоръ въ этомъ обществѣ, а всѣ будутъ почтительно слушать и поучаться у такого знаменитаго ученаго — онъ сильно ошибался. Въ дѣйствительности ему пришлось довольствоваться скромной ролью благожелательнаго свидѣтеля ухаживанья молодого хозяина и лишь отъ времени до времени обмѣниваться съ хозяйкой ничего незначащими банальными замѣчаніями.

Вдругъ ему пришло въ голову, что онъ самъ въ этомъ виноватъ. Навѣрное съ нимъ бы обращались совсѣмъ иначе, если бы онъ самъ не держалъ себя мокрой курицей. Его прямая обязанность, какъ интеллигентнаго друга, просвѣщать простыхъ людей и заинтересовать ихъ возвышенными предметами, а не подлаживаться къ ихъ будничнымъ интересамъ...

Сообразивъ это, онъ нашелъ, что еще не слишкомъ поздно исправить промахъ, и сдѣлалъ смѣлую попытку отвлечь вниманіе присутствующихъ отъ любовныхъ шутокъ, заговоривъ объ отечествѣ и насущныхъ нуждахъ

финляндцевъ. За это онъ былъ награжденъ удивленнымъ взглядомъ Аманды, неопредѣленнымъ кивкомъ разсудительной хозяйки и полнѣйшимъ равнодушіемъ господина Августа Харванена. Затѣмъ водворилось общее молчаніе...

Тѣмъ не менѣе докторъ не счелъ свое нападеніе отбитымъ и продолжалъ атаку съ энергіей отчаянія, переходя отъ вопроса къ вопросу и слѣдуя только своему похвальному желанію заинтересовать народъ патріотическими идеями. Особенно горячо заговорилъ онъ о народномъ просвѣщеніи и прервалъ свою рѣчь только, чтобы освѣдомиться, насколько процвѣтаетъ школьное дѣло въ мѣстномъ приходѣ.

Аманда не знала, какъ отнестись къ неожиданному перерыву въ ея бесѣдѣ съ молодымъ хозяиномъ и вопросительно поглядывала на всѣхъ присутствующихъ. Самъ молодой хозяинъ вдругъ насупился, принялъ свой «будничный» озабоченный видъ и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на мать. Даже старуха взялась за обѣ ручки кресла и въ замѣшательствѣ сдѣлала какое-то тревожное движеніе, точно собираясь уйти. Но вслѣдъ затѣмъ ея вниманіе привлекла начинавшая коптить лампа и когда докторъ повторилъ свой вопросъ, она отвѣтила нараспѣвъ, не отрываясь отъ лампы, которую поправляла:

— Вы говорите: школы? Конечно есть у насъ въ приходѣ и школы... Какъ не быть школамъ! А про то, какъ у насъ идетъ школьное дѣло вообще, этого вѣдь мы не знаемъ.

Сынъ одобрительно кивнулъ головой, вполнѣ довольно-

ный отвѣтомъ матери. Лучше, чѣмъ кто-либо другой, онъ зналъ что еще не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, его мать отказалась на сходкѣ содѣйствовать основанію новой школы въ приходѣ. Но какое до этого дѣло чужестранцамъ?

Уже съ меньшимъ пыломъ перешелъ докторъ къ вопросу о выборахъ мѣстнаго представителя крестьянъ на сеймы.

— Конечно... и мы объ этомъ читали въ газетахъ,— спокойно отозвалась хозяйка. — Но мы въ такія дѣла не вмѣшиваемся. Поди, и безъ насъ выберутъ!.. Да и то сказать, не очень все это насъ касается. Жили мы прежде, не заботясь о выборахъ въ сеймъ; дастъ Богъ, проживемъ и впередъ, не хлопоча объ этомъ...

Молодой человѣкъ не былъ вполнѣ такого мнѣнія, но такъ какъ въ это время Аманда наклонилась къ нему и шепнула что-то смѣшное, онъ охотно оставилъ слова матери безъ возраженія и снова занялся своимъ ухаживаньемъ, на минуту прерваннымъ вторженіемъ доктора въ область политики.

Тогда докторъ умолкъ, вооружился альбомомъ, въ которомъ было восемь фотографическихъ карточекъ и нѣсколько поздравительныхъ виньетокъ, и не отрывался отъ альбома уже вплоть до желанной минуты, когда Ида пришла доложить, что кушать подано.

Ужинъ оказался роскошнымъ, такъ какъ, кромѣ обычныхъ деревенскихъ купаній, въ честь доктора раскупорены были разныя жестянки съ консервами. Но разсѣян-

ный и весьма умѣренный въ пищѣ докторъ даже не замѣтилъ всей этой роскоши. На этотъ разъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ хозяйка. Напрасно ставила она передъ гостемъ одну жестянку за другой; онъ разсѣянно бралъ себѣ на тарелку ничтожные кусочки и не выражалъ ни малѣйшаго удивленія. Чтобы пробудить его вниманіе хозяйка рѣшилась даже сама похвастаться.

— Кушайте же! — почтевала она, предлагая доктору омары.—Это вѣдь ваше, городское... Августъ привозитъ сюда изъ города. Сами мы не знаемъ толка въ этихъ вещахъ... Но надо же имѣть что-нибудь для гостей!

Противъ этого протестовать самолюбивый Августъ, вываливъ себѣ на тарелку добрую половину омаровъ, и даже прибавилъ, иронически усмѣхаясь:

— Поди докторъ и безъ насъ знаетъ, что эти раки не водятся въ нашей рѣчкѣ!

Со своей стороны докторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ начать длинную диссертацію объ омарахъ вообще и о прибыльности ловли омаровъ на берегахъ Нѣмецкаго моря въ особенности. Отъ омаровъ онъ счелъ своимъ долгомъ перейти къ другимъ промысламъ крестьянъ различныхъ европейскихъ прибрежій и наконецъ вывелъ изъ всего сказаннаго поученіе, что не слѣдуетъ пренебрегать дарами природы и что крестьяне могутъ находить очень полезныя подспорья въ различныхъ мелкихъ промыслахъ. «Въ Финляндіи, къ сожалѣнію, не всѣ это понимаютъ»—продолжалъ онъ разгорячаясь.—«Нельзя конечно отрицать, что природа у насъ скуповата и не

высыпала своихъ даровъ на наше отечество изъ рога изобилія. Но тѣмъ менѣе простительно, что мы не пользуемся тѣмъ, что́ есть. Вотъ хоть бы ягоды! Сколько сотенъ тысячъ марокъ ежегодно уплываетъ у насъ изъ рукъ только потому, что мы до сихъ поръ не научились пользоваться нашими лѣсными ягодами и даемъ имъ гнить въ лѣсу, вмѣсто того, чтобы вывозить эти ягоды заграницу! Нельзя пренебрегать такими богатствами».

Докторъ говорилъ о ягодахъ съ настоящимъ увлеченіемъ. Но другіе остались холодны къ предмету, а молодой хозяинъ позволилъ себѣ даже шутку насчетъ того, что парни и дѣвушки не пренебрегаютъ ягодами и ходятъ «по ягоды» обыкновенно вмѣстѣ. На это Аманда отозвалась прыснувъ со смѣху. Хозяйка же осталась совершенно равнодушна къ участи отечественныхъ ягодъ и преній не получилось. Ягодамъ было предоставлено по прежнему гнить въ лѣсахъ, а доктору старуха положила на тарелку большой кусокъ яичнаго пирожнаго, которымъ онъ и занялся послѣ своей неудачной вылазки въ область естествовѣдѣнія и политической экономіи.

На этотъ вечеръ у него была окончательно отбита всякая охота «просвѣщать» народъ. У него еще шевелились на душѣ легкія угрызенія совѣсти въ сознаніи невыполненныхъ просвѣтительныхъ обязанностей; но бороться съ непроницаемой мужицкой флегмой, въ особенности послѣ тяжелаго пирожнаго, которое легло у него въ желудкѣ увѣсистымъ, камнемъ, онъ уже не былъ въ силахъ. Послѣ ужина онъ первый подошелъ проститься

съ хозяевами, не безъ грусти въ голосѣ поблагодарилъ за пріятно проведенный вечеръ и удалился на свою половину.

Вернувшись къ себѣ онъ хотѣлъ сѣсть за работу и зажегъ свою лампу. Но пирожное душило его, а въ головѣ копошились мысли, не имѣвшія ничего общаго съ французскимъ натурализмомъ, и пришлось отложить работу до слѣдующаго дня.

Докторъ Удде глубоко задумывается надъ всѣмъ, что онъ успѣлъ замѣтить въ характерѣ финскаго крестьянина и ему становится горько на душѣ. Его вѣра въ непогрѣшимость крестьянъ и въ неимовѣрную творческую силу «умственной цѣлины», какъ онъ называлъ нравственныя силы «неискалѣченныхъ излишними знаніями крестьянъ»—подорвана въ корнѣ. Ему невыносимо тяжело сознавать это. Но какъ же онъ можетъ иначе думать послѣ такого вечера, проведеннаго среди крестьянъ, да еще крестьянскихъ аристократовъ, въ сравненіи съ которыми сѣрые мужики должны оказаться неимовѣрно тупѣе...

Впрочемъ, почему же такъ? Развѣ Рунебергъ со своей геніальной проницательностью случайно воспѣлъ не богатаго мужика собственника, а бѣднаго батрака? Очевидно тамъ, внизу, въ самой глубинѣ народа и въ самой нищетѣ надо искать истинныхъ финскихъ мужиковъ и настоящій національный духъ. Эти сѣрые мужики и есть самый мозгъ народа!

Эта мысль сразу примиряетъ доктора съ дѣйстви-

тельностью и согрѣваетъ его душу. Завтра же онъ пойдетъ отыскивать настоящихъ мужиковъ! Навѣрное найдутся неиспорченные представители тутъ же, въ деревнѣ, и въ общеніи съ ними онъ возстановитъ свои свѣтлыя народныя вѣрованія!

Угнетеннаго настроенія какъ не бывало! Докторъ подходитъ къ окну и долго любуется бѣлизной залитыхъ луннымъ свѣтомъ снѣговъ. Онъ до такой степени успокоился за незыблемость своихъ вѣрованій въ крестьянъ, что ему приходитъ въ голову, что нечего даже отыскивать бѣдняковъ, до такой степени ясно, каковы они. Ихъ изучалъ и воспѣлъ самъ Рунебергъ! Лучше не тратя силъ и времени на всякія изслѣдованія заняться своей диссертаціей, которая подвигается впередъ что-то слишкомъ ужъ медленно...

Въ это время къ крыльцу подаются двое саней. Молодой хозяинъ усаживаетъ въ свои маленькіе сани Аманду и самъ вскакиваетъ на облучекъ, а рабочій изъ Ханкала опять ѣдетъ одинъ.

Теперь докторъ уже безъ всякаго раздраженія и лишь съ улыбкой на губахъ вспоминаетъ подробности вечера, въ особенности наивное ухаживанье Августа за Амандой. Теперь онъ спокоенъ и трезво смотритъ на вещи! Даже пирожное уже не безпокоитъ его...

Онъ весело возвращается къ своему письменному столу и бодро принимается за работу. Около полуночи подъ окнами прозвучали бубенцы; это Августъ возвращался домой, проводивъ Аманду въ Ханкала. Докторъ

работаетъ еще часъ и ложится спать очень довольный написанной въ этотъ вечеръ главой.

VIII.

Съ появленіемъ доктора Удде въ имѣніи Монола, среди населенія начались междоусобія. Не открытыя междоусобія съ вспышками явной вражды, а подпольная война со всякими засадами и предательствомъ.

Молодому хозяину до такой степени не понравились дружескія отношенія между докторомъ и Идой, что онъ пересталъ съ нею говорить, не пожелавъ даже объясниться съ нею. Что онъ совершенно къ ней охладѣлъ, въ этомъ Ида могла убѣдиться по оскорбительному презрѣнію, съ какимъ онъ сталъ относиться къ ней исключительно, какъ къ прислугѣ, по его ухаживанію за Амандой изъ Ханкала, а главное, по довольному виду самой хозяйки.

Сначала она дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, но затѣмъ она въ свою очередь сдѣлалась холодна и сурова. Она привыкла уже къ періодическимъ вспышкамъ дурного настроенія въ своемъ возлюбленномъ; но никогда размолвки между ними не длились долѣе двухъ, трехъ дней, послѣ чего бывало Августъ всегда выражалъ раскаяніе въ своей черствости и самъ приходилъ примиряться. Но теперь размолвка длилась уже цѣлую недѣлю и недружелюбіе съ обѣихъ сторонъ только возра-

*

стало, а поѣздки Августа въ Ханкала къ Амандѣ учащались. Вчера онъ рѣшился даже въ первый разъ привезти Аманду въ Монола одну... Точно затѣвалось формальное сватовство на глазахъ у самой Иды!

Все это дѣвушка могла спокойно перенести; на то у нея огромный запасъ гордости и большое самообладаніе. Оскорбляло ее только ничуть не скрываемое злорадство тетки; иногда становилось даже трудновато притворяться...

Она знала, что опасаться за Августа не стоило. Всѣ его злыя выходки зависѣли вѣдь только отъ его ревности!.. Кромѣ того онъ хотѣлъ, конечно, похвастаться передъ докторомъ и передъ матерью своими успѣхами среди дѣвушекъ. Неужели можно было серьезно опасаться соперницы, которую самъ же Августъ называлъ «остаткомъ послѣ другихъ»? Не таковъ онъ былъ, чтобы съ его состояніемъ и съ его самолюбіемъ жениться на дѣвушкѣ, побывавшей уже невѣстой нѣсколькихъ другихъ!—Хуже было переносить обидное торжество тетки...

Да, молодой хозяинъ страдалъ отъ ревности — это Ида сознавала, какъ нельзя лучше. Сознавала она и то, что исключительное вниманіе, съ какимъ докторъ относился къ ней, неминуемо должно было распалить ревность подозрительнаго Августа. Но это вполнѣ согласовалось съ ея намѣреніями. Любезность добродушнаго и разговорчиваго доктора она даже принимала, какъ неожиданно привалившую ей счастливую случайность! Мало того, она намѣревалась придать своимъ отноше-

ніямъ къ доктору таинственный видъ и такимъ образомъ еще повысить игру. Если простая привѣтливость къ ней жильца доводила Августа до озлобленія, чего можно было ожидать, если бы началось дѣйствительное заигрыванье! Тогда небось, ему придется перестать дуться да ѣздить въ Ханкала и начнутся объясненія, которыя приведутъ обоихъ къ желанной цѣли, и это какъ разъ, когда хозяйка будетъ бездѣйствовать, убаюканная своимъ преждевременнымъ торжествомъ.

Размышляя объ этомъ Ида въ свою очередь чувствуетъ злорадное торжество и опасается только, чтобы оскорбленія тетки не вывели ее изъ себя и не побудили испортить все дѣло. Но она будетъ благоразумна!..

У нея есть поводы считать, что ей повезло. Докторъ оказался славнымъ, привѣтливымъ господиномъ, котораго вовсе нечего опасаться въ дѣйствительности. Самая его привѣтливость имѣетъ въ себѣ что-то прямодушное, не допускающее и мысли, что онъ можетъ когда-нибудь злоупотребить ея довѣрчивостью. Она совсѣмъ неопытна въ обращеніи съ господами; но столько-то она понимаетъ, что докторъ слишкомъ честенъ, слишкомъ серьезенъ и слишкомъ занятъ своими учеными трудами, чтобы ухаживать за деревенскими дѣвушками.

Въ концѣ концовъ она забываетъ всѣ причиненныя ей обиды, такъ она довольна сложившимися обстоятельствами. Ей даже смѣшно вспомнить, какъ вчера Августъ старался возлѣ Аманды, желая этимъ глубоко огорчить Иду. Онъ и не подозрѣвалъ, что она насквозь видѣла

его и отлично понимала, что въ его ухаживаньи за Амандой не было и слѣда дѣйствительнаго чувства! По одному его искусственному смѣху можно было угадать всю его злую затѣю... Небось, она знаетъ его хорошо!

Бѣдная Аманда! Жестоко она ошибется, если хоть на минуту повѣритъ нѣжнымъ взглядамъ Августа!.. Небось, не такъ загораются его глаза, когда онъ искренно увлеченъ, но этого чужія дѣвушки не знаютъ; это тайна Иды! Августа Харванена нельзя плѣнить однѣми красными тряпками, да круглымъ лицемъ, да запахомъ духовъ или постояннымъ хихиканьемъ!

Всѣ эти размышленія копошатся въ головѣ Иды, пока она прибираетъ залу и ждетъ появленія доктора изъ его спальни. Уже скоро девять часовъ; печь почти совсѣмъ вытопилась; на дворѣ ярко сіяетъ зимнее солнце... Пора бы доктору выйти пить кофе.

У доктора свои привычки, отъ которыхъ его не отучишь. Когда въ первое утро, полагая, что онъ пьетъ утреннее кофе въ постели, Ида вошла къ нему въ комнату съ подносомъ въ рукахъ, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, приподнялся на локоть и громко разсмѣялся. Онъ сказалъ, что въ послѣдній разъ пилъ кофе въ постели лѣтъ двадцать тому назадъ, еще ребенкомъ, и что съ тѣхъ поръ имѣетъ привычку завтракать лишь одѣвшись и умывшись. Къ этому онъ прибавилъ, что если ужъ ей непремѣнно хочется будить его, то онъ разрѣшаетъ ей топить въ восемь часовъ его печку, топка

которой выходила въ залу, но отнюдь не чаще какъ черезъ день; завтракать же онъ будетъ въ залѣ...

Съ тѣхъ поръ она уже не тревожила его по утрамъ.

Теперь онъ навѣрное обливается водой со льдомъ. Не даромъ слышно его пофыркиванье... Другіе люди заботятся о теплѣ и не стали бы умывать даже лица въ такой холодной водѣ; а онъ хлопочетъ, чтобы вода была какъ можно холоднѣе и обливается съ ногъ до головы! Такова ужъ его привычка; съ этого онъ начинаетъ свой день! Чѣмъ сходить помыться въ баню... разумѣется вечеромъ, онъ остужаетъ тѣло холодной водой, да еще утромъ. Эти господа все дѣлаютъ какъ-то на выворотъ...

Конечно она не можетъ ему перечить. Но положительно слѣдовало бы предостеречь его, не то онъ когда-нибудь простудится на-смерть. Шутка-ли купаться среди зимы, когда на дворѣ трещитъ морозъ! Все это господа выдумываютъ только по глупости; не слѣдовало бы такому умному человѣку, какъ докторъ, подражать всякимъ господскимъ выдумкамъ...

Вотъ еще, эта гимнастика!

Ида съ пренебреженіемъ толкаетъ ногой гимнастическій шестъ, поставленный въ уголъ, возлѣ печки. Она уже знаетъ, что́ такое гимнастика—ей это объяснилъ самъ докторъ. Но какой смыслъ въ этой гимнастикѣ, она не можетъ понять. Не разъ она принуждена была отворачиваться въ сторону, чтобы не разсмѣяться доктору въ лицѣ, такъ смѣшны казались ей его гимнастическія кривлянія.

По ея мнѣнію взрослому человѣку не подобаетъ забавляться игрушками, въ особенности когда игрушка такъ тяжела, что балуясь человѣкъ едва переводитъ духъ и потъ градомъ катится съ его лица. Если же это въ самомъ дѣлѣ нужно для здоровья, то не проще-ли заниматься по утрамъ какой-нибудь полезной работой, ну хоть бы разгребаніемъ снѣга? Въ простонародьѣ всякій бы постыдился тратить силы и время на пустую забаву игрушкой, а онъ нисколько не стыдится, наоборотъ, даже гордится тѣмъ, что умѣетъ поднимать большую тяжесть такимъ хитрымъ способомъ, какимъ никто тяжелыхъ вещей не поднимаетъ! Непремѣнно надо будетъ его спросить, для чего онъ завелъ всю эту гимнастику.

Въ это время онъ самъ появляется изъ своей комнаты, потирая руки отъ холода и начиная быстро шагать по комнатѣ, чтобы согрѣться послѣ своихъ обливаній. Онъ привѣтливо киваетъ Идѣ головой, но такъ занятъ своей быстрой маршировкой по комнатѣ, что она не рѣшается задать ему вопросъ о гимнастикѣ. И она молча помѣшиваетъ кочергой въ печкѣ, дожидаясь, когда уголья настолько перегорятъ, что можно будетъ закрыть трубу. Предоставить это самому доктору положительно немыслимо. Онъ такъ бы и не закрылъ трубы, пока все тепло не вытянуло бы прочь. Вишь какой холодъ идетъ изъ его спальни, гдѣ онъ позволяетъ топить только черезъ день и гдѣ труба никогда не закрывается.

— О чемъ Ида задумалась?—раздался вдругъ голосъ доктора.

— Я вовсе не задумалась!—оправдывается она въ такомъ смятеніи, точно ее уличили въ чемъ-то предосудительномъ.

— Ну, ну. Задумываться не какой-нибудь грѣхъ!—смѣясь замѣчаетъ докторъ.

— Да право же нѣтъ! Я только жду, когда можно будетъ закрыть трубу и пойти за кофеемъ.

— Ладно, ладно... Вы лучше скажите мнѣ, каковы дѣла нашего молодого хозяина у Аманды изъ Ханкала?

Ида усиленно мѣшаетъ уголья въ печи и не сразу отвѣчаетъ на вопросъ. Ей ужасно хочется обернуться и посмотрѣть доктору въ лицо, чтобы узнать, не скрытъ ли въ его словахъ какой-нибудь намекъ. Но она боится выдать свое смущеніе, и послѣ нѣкотораго колебанья отвѣчаетъ не оборачиваясь:

— Хозяинъ такого большого имѣнья всегда можетъ найти себѣ подходящую жену. Богатый женихъ не то, что первый встрѣчный...

— Ну, дай имъ Господь! Они кажется вполнѣ подходятъ другъ къ другу.

Ида молчитъ. Она всецѣло занята своей печью и повидимому ей не до разговоровъ. Но докторъ хорошо выспался и въ отличномъ расположеніи духа; ему хочется болтать и шутить.

— А знаете что?—говоритъ онъ, пройдясь по залѣ.—На вашемъ мѣстѣ я взялъ бы хозяина себѣ и не отдалъ бы его Амандѣ. Вамъ бы слѣдовало сдѣлаться хозяйкой въ Монола.

Ида съ такой силой выдергиваетъ кочергу изъ печи, что уголья вылетаютъ на полъ. Она плюетъ себѣ на руку и проворно подбираетъ пальцами уголья, бросая ихъ обратно въ печь. Потомъ она поднимается съ пола красная, какъ ракъ. Докторъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что она раскраснѣлась передъ огнемъ и даже не подозрѣваетъ, до какой степени ее смутила его шутка.

Между тѣмъ она торопливо закрываетъ трубу и выбѣгаетъ изъ комнаты. Она въ полномъ смятеніи. Если докторъ проникъ ея тайну съ перваго же взгляда, значитъ всѣ могутъ сдѣлать то же самое... Что будетъ, когда и тетка, и сосѣди, и всѣ служащіе въ Монола, раскусятъ ея тайныя намѣренія? Хозяина поднимутъ на смѣхъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ покинетъ ее. Неужели, она не умѣетъ лучше хранить свои тайны?

Всѣ эти размышленія такъ ее пугаютъ, что руки у нея дрожатъ и она ухитряется опрокинуть кофейникъ на плиту. Черная жидкость разливается по раскаленной плитѣ и производитъ такое страшное шипѣніе, что въ кухню является сама хозяйка узнать, что случилось. Ида получаетъ головомойку, которая сопровождается пытливымъ взглядомъ и насмѣшливымъ вопросомъ, чѣмъ докторъ такъ вскружилъ ей голову съ ранняго утра и, если такъ будетъ продолжаться, до чего она дойдетъ къ вечеру.

Результатомъ всего этого получается лишь то, что приходится снова заварить кофе и что докторъ полу-

чаетъ свой завтракъ только въ десять часовъ. Зато Ида успѣваетъ образумиться, успокоивается на соображеніи, что не всѣ такъ же проницательны, какъ ученый докторъ изъ Гельсингфорса, и приноситъ ему завтракъ очень чинно, съ нескончаемыми извиненіями за происшедшую проволочку. Она такъ мило и такъ ребячливо извиняется, что докторъ смѣясь береть ее за подбородокъ и проситъ не сокрушаться. Позволивъ себѣ эту вольность, онъ не смущается, потому что не видитъ ни малѣйшаго смущенія въ шаловливомъ взглядѣ Иды. И въ самомъ дѣлѣ, она нисколько не чувствуетъ себя оскорбленной... наоборотъ!

Эта дѣтская довѣрчивость чрезвычайно ему нравится. Онъ доволенъ Идой, и Ида довольна имъ. Оба тихонько смѣются. Потомъ Ида удаляется прибирать комнату, а докторъ попиваетъ свой кофе, погружаясь въ размышленія о французскомъ натурализмѣ.

IX.

Докторъ не отказался отъ своей мысли поискать настоящихъ финскихъ крестьянъ въ числѣ наименѣе зажиточныхъ земледѣльцевъ. Но ѣхать разыскивать такихъ крестьянъ ему было некогда и онъ придумалъ нѣчто другое. Однажды, когда Ида подавала ему обѣдать, онъ задумчиво посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Какъ вы думаете, Ида? Могутъ-ли хозяева имѣть что-нибудь противъ того, чтобы я созвалъ сюда крестьянъ и прочелъ имъ популярную лекцію въ этой залѣ?

— Что же они могутъ имѣть противъ этого!—отвѣтила Ида съ недоумѣніемъ поглядывая на доктора. Она знала, что «лекція» нѣчто въ родѣ проповѣди, но еще скучнѣе, и что такія лекціи лѣтомъ читаютъ по деревнямъ проѣзжіе студенты... Ее удивляло, что умный докторъ тоже хотѣлъ заниматься такимъ скучнымъ дѣломъ да еще зимой, въ душной комнатѣ. Поэтому она прибавила, какъ бы отсовѣтывая:—Только, въ нашемъ приходѣ очень мало господъ, да и тѣ, что̀ есть, живутъ довольно далеко. Кому же вы будете читать?

— Я вовсе и не думаю читать лекцію господамъ!—возразилъ докторъ.—Наоборотъ, я хочу просвѣщать простыхъ, но хорошихъ людей, которымъ не пришлось учиться, но которые тоже хотятъ знать, къ чему должно стремиться ради общаго блага.

Ида была тронута сердечнымъ замѣчаніемъ доктора о простыхъ людяхъ и вполнѣ согласилась, что всякому человѣку полезно послушать ученыхъ людей. Тѣмъ не менѣе она осталась при своемъ мнѣніи, что доктору лучше пригласить господъ, если онъ хочетъ имѣть понятливыхъ слушателей. Бѣднымъ людямъ вѣдь не до общаго блага; имъ впору только думать о своихъ дѣлишкахъ... Чтобы понять ученыя рѣчи надо побывать въ школѣ, какъ молодой хозяинъ, а сѣрые мужики и грамоту-то едва знаютъ.

Докторъ разгорячился и началъ объяснять, что до господъ ему нѣтъ никакого дѣла, а говорить онъ хочетъ только съ бѣднѣйшими простолюдинами.

Ида засмѣялась.

— Въ нашихъ мѣстахъ это не водится!—сказала она.—Никто не произноситъ рѣчей батракамъ и однодворцамъ. Въ прошлое лѣто пріѣзжалъ, правда, какой-то студентъ, и пасторъ посылалъ народъ къ нему изъ церкви. Но мужики сами понимали, что все это не по ихнему разуму и годится только для тѣхъ, кто учился въ школѣ. Да и неприлично батраку лѣзть впередъ наравнѣ съ образованными людьми. Такъ вотъ они и не пошли...

— Во всякомъ случаѣ я хочу собрать именно тѣхъ, которые не бывали въ школахъ!—объявилъ докторъ упрямо.

— Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ поймутъ!—уступчиво предположила Ида.

— Въ этомъ нечего сомнѣваться, Ида! Важнѣе, согласятся-ли хозяева допустить сходку въ этой залѣ? По моему здѣсь достаточно простора, не правда-ли? Вамъ я поручаю переговорить съ хозяевами и предупредить здѣшнихъ крестьянъ. Кромѣ того я велю сдѣлать въ воскресеніе оповѣщеніе прихожанъ въ церкви. Надѣюсь, слушателей наберется достаточно.

— Я съ удовольствіемъ сдѣлаю все, что вы прикажете, господинъ докторъ. Но относительно залы вамъ бы лучше переговорить самимъ съ молодымъ хозяиномъ. Хо-

зяйка не очень-то долюбливаетъ всѣ эти новыя затѣи, и вообще не стоитъ за просвѣщеніе... Да и то сказать, что жаль крашеныхъ половъ, которые навѣрное будутъ попорчены, если пустить сюда мужичье съ ихъ тяжелыми сапожищами и съ желѣзными подковками на каблукахъ...

Такія опасенія за крашеные полы вовсе не показались доктору, заслуживающими уваженія, но совѣтъ переговорить съ молодымъ хозяиномъ онъ принялъ къ свѣдѣнію. Тотчасъ же послѣ обѣда онъ перешелъ на половину хозяевъ и послалъ служанку предупредить господина Харванена, что желаетъ съ нимъ переговорить.

Въ сущности, ему было не особенно пріятно обращаться къ молодому человѣку, не разъ выказывавшему ему явное нерасположеніе. Но общественные интересы онъ привыкъ ставить выше своихъ личныхъ, а предполагаемую лекцію онъ считалъ чрезвычайно серьезнымъ общественнымъ событіемъ, и потому поборолъ свое личное неудовольствіе.

Вмѣсто господина Харванена къ нему вышла сама старуха. Онъ повторилъ свою просьбу вызвать молодого хозяина, прибавивъ только, что у него есть дѣло къ нему. Хозяйка ничего не отвѣтила, но всей своей фигурой выразила недоумѣніе, какъ бы спрашивая, какія могутъ быть у доктора дѣла къ ея сыну. Докторъ молчалъ. Тогда она направилась къ комнатѣ Августа, на порогѣ еще разъ обернулась и наконецъ, принявъ оскорбленный видъ, окончательно скрылась за дверьми. Черезъ полуоткрытую дверь докторъ успѣлъ только разглядѣть клубы

табачнаго дыма, застилавшіе видѣвшееся къ глубинѣ окно.

Вскорѣ появился молодой хозяинъ. Его мать, обиженная упорнымъ нежеланіемъ доктора сообщить, въ чемъ заключалось его дѣло, больше не появлялась.

Докторъ и господинъ Харваненъ раскланялись довольно холодно. Лицо молодого человѣка было покрыто багровыми пятнами, вѣроятно вслѣдствіе выпитаго съ пріятелями вина. Докторъ былъ сдержанъ и важенъ. Онъ не полюбопытствовалъ даже узнать, не потревожилъ-ли хозяина, у котораго очевидно были гости, и прямо приступилъ къ дѣлу, изложивъ свою просьбу о разрѣшеніи сходки въ залѣ.

Выслушавъ доктора Августъ наморщилъ лобъ и принялъ озабоченное выраженіе лица человѣка, которому приходится рѣшить очень важное дѣло. Въ сущности его смущало только то, что докторъ обратился къ нему, тогда какъ ничего въ домѣ не могло быть рѣшено помимо хозяйки. Но ему и въ голову не пришло признаться въ своемъ безсиліи рѣшить что-нибудь помимо матери.

— А не будетъ-ли зала мала для многочисленныхъ слушателей, которые навѣрное соберутся послушать доктора?—проговорилъ онъ уклончиво.

— Вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, что соберется много слушателей?—спросилъ польщенный докторъ.— Это было бы хорошо... Но я не смѣю разсчитывать...

— Будьте покойны, слушатели всегда найдутся.

Здѣсь не такъ-то мало образованныхъ людей, а политическихъ дѣятелей приходится слушать довольно рѣдко...

— Но я хочу собрать не образованныхъ людей, а простыхъ крестьянъ—батраковъ, однодворцевъ и тому подобныхъ. Они-то и нуждаются въ разъясненіяхъ.

— Вотъ какъ!—протянулъ молодой хозяинъ.—Кто бы могъ себѣ это представить! Это для насъ новинка... Боюсь только, что ни одинъ изъ нихъ не пойметъ того, что будетъ имъ говорить ученый докторъ.

— Напротивъ, я надѣюсь, что поймутъ. Моя лекція приспособлена для такихъ слушателей.

— А что вы думаете имъ разсказывать?—спросилъ Августъ съ оттѣнкомъ насмѣшливости.

Иронія была такъ глубоко запрятана подъ наружную наивность вопроса, что докторъ и не замѣтилъ насмѣшки.

— Я намѣренъ говорить,—горячо началъ онъ свое объясненіе,—о томъ, что простонародье составляетъ основу населенія Финляндіи, что будущее принадлежитъ простымъ людямъ и что поэтому имъ пора пробудиться отъ своего равнодушія къ общественнымъ дѣламъ. Кромѣ того я буду говорить о благословеніи труда, о значеніи познаній, о будущности нашего отечества и о всеобщемъ правѣ получать образованіе...

— Все это чрезвычайно хорошія вещи, господинъ докторъ. А все-таки я думаю, что народу больше бы понравились какіе-нибудь простенькіе разсказы о старинѣ, въ особенности о шведскихъ временахъ, когда

финскимъ крестьянамъ жилось гораздо хуже, чѣмъ теперь.

— Возможно... весьма возможно. Но не мое дѣло ихъ забавлять. Моя задача заинтересовать ихъ общественными дѣлами въ настоящемъ и заботами о ихъ собственномъ благѣ въ будущемъ...

— Это хорошія намѣренія!—проговорилъ молодой хозяинъ, уже съ непритворнымъ одобреніемъ кивая головой. — Но дѣло въ томъ, что такія вещи понимаютъ только образованные люди...

— Во всякомъ случаѣ я хочу говорить для простонародья! — нетерпѣливо возразилъ докторъ.

— А развѣ учившіеся въ школахъ не народъ?

— Разумѣется народъ! Но они и безъ меня знаютъ такія простыя истины, о какихъ я буду говорить.— Теперь вопросъ сводится къ тому, дадутъ ли мнѣ залу для сходки. Если да — я тотчасъ же напишу пастору, чтобы въ воскресенье было сдѣлано оповѣщеніе въ церкви.

— А почему бы вамъ не получить залы?

— Да вѣдь это зависитъ отъ васъ! Неужели вы не можете дать опредѣленный отвѣтъ?

Молодой человѣкъ почесалъ затылокъ, подергалъ себя за воротникъ и озабоченно посмотрѣлъ себѣ на ноги. Потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и проговорилъ, едва удерживаясь отъ смѣха:

— По моему берите залу, если только моя мать ничего не имѣетъ противъ этого.

— Такъ разрѣшеніе зависитъ не отъ васъ?—спросилъ докторъ съ досадой.

— Гмъ!.. Разумѣется, въ домѣ распоряжается хозяйка... Впрочемъ, если вамъ не охота говорить съ нею, я готовъ переговорить.

— Ничего я не имѣю противъ разговора съ нею! Я только удивляюсь, почему Ида направила меня къ вамъ.

— Ахъ вотъ что! Ида направила васъ ко мнѣ?

Молодой хозяинъ сразу понялъ, для чего она это сдѣлала. Небось, она знала, что ему будетъ пріятно рѣшать дѣло въ качествѣ полновластнаго хозяина, и сдѣлала это въ знакъ примиренія. Ему хотѣлось даже расхохотаться, такъ ему нравилась ея маленькая хитрость и такъ ему забавно было видѣть досаду одураченнаго доктора. Стало быть она не глупа, если можетъ дурачить и заставлять плясать по своей дудкѣ самого ученаго доктора!

Чтобы не обнаружить своего зависимаго положенія въ домѣ и надѣясь какъ-нибудь уговорить мать, молодой хозяинъ сказалъ, какъ бы принимая рѣшеніе:

— Ну, ладно, я устрою это. Можете написать пастору. О помѣщеніи не заботьтесь. Не залу, такъ что-нибудь другое... Словомъ, я беру это на себя.

— Очень вамъ благодаренъ! Это все, что мнѣ нужно.

Докторъ пожалъ Августу руку и хотѣлъ уйти, но тотъ удержалъ его.

— Не хотите-ли, докторъ, выпить съ нами стаканъ портвейна?—вѣжливо предложилъ онъ.—У меня сидятъ двое проѣзжихъ знакомыхъ — они путешествуютъ по своимъ торговымъ дѣламъ.

Онъ оказалъ доктору эту любезность запинаясь, какъ бы опасаясь, что тотъ оскорбитъ его отказомъ, но считая неудобнымъ не пригласить. Со своей стороны докторъ, только-что обращавшійся къ молодому хозяину съ просьбой, не счелъ возможнымъ уклониться отъ приглашенія. И онъ вошелъ вслѣдъ за хозяиномъ въ его комнату, гдѣ на диванѣ сидѣли развалясь два господина въ засаленныхъ пиджакахъ и высокихъ смазныхъ сапогахъ. Хозяйки въ комнатѣ не было.

— Докторъ Удде! — представилъ хозяинъ жильца своимъ гостямъ—Торгующій мѣщанинъ Какріайненъ и коммиссіонеръ Майеръ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ доктору.

Тучный Какріайненъ сильно запыхтѣлъ, стараясь подняться съ дивана. Болѣе подвижной господинъ Майеръ былъ уже на ногахъ и пожималъ доктору руку съ развязностью, свойственной всѣмъ странствующимъ торговымъ агентамъ.

— Это мои давнишніе пріятели, съ которыми у меня постоянныя торговыя дѣла,—проговорилъ хозяинъ, дополняя представленіе.

Поздоровавшись съ обоими «пріятелями» и не находя словъ, чтобы выразить насколько ему пріятно такое знакомство, докторъ молча опустился на стулъ. Молодой

хозяинъ вышелъ изъ компаты, чтобы принести чистый стаканъ. Съ минуту царило молчаніе, послѣ чего торгующій мѣщанинъ Какріайненъ, какъ старшій, счелъ долгомъ начать бесѣду.

— Докторъ, надо полагать, пріѣхалъ сюда, чтобы заниматься науками въ деревенской тиши?

— Да, я пріѣхалъ сюда поработать.

— И хорошо заниматься въ одиночествѣ? Да, да — нечего и спрашивать... Когда нѣтъ случаевъ повеселиться, дѣло всегда идетъ на ладъ. А то молодежь вѣчно отвлекается отъ дѣла удовольствіями... Правда? — Хе, хе, хе!

Онъ засмѣялся, вздрагивая всѣмъ своимъ объемистымъ тѣломъ. Доктору тоже удалось сложить губы въ улыбку. Глядя на нихъ засмѣялся и подвижной господинъ Майеръ.

— У меня вѣдь тоже есть сынъ — въ технологическомъ! — продолжалъ толстякъ.—Знаю я, каково дается это ученіе. Поди и вамъ, докторъ, приходилось изучать разныя геометріи да геодезіи? Трудныя это науки! Посмотришь книжку — одни цифры да чертежи!.. Бѣда! Мой сынъ готовится въ землемѣры. Онъ не старше васъ, господинъ докторъ; а годика черезъ два будетъ уже коронным чиновникомъ на жалованьи! Онъ у меня молодецъ. А вы не на службѣ, докторъ?

— Нѣтъ еще...

Толстякъ опять засмѣялся, колыхаясь всей своей тушей. Этимъ перерывомъ воспользовался коммиссіонеръ, захотѣвшій показать, что онъ образованнѣе своего то-

варища, и проговорилъ на ломанномъ шведскомъ языкѣ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ:

— Смѣшные эти мужички! Не правда-ли?

Докторъ не успѣлъ ничего возразить, когда толстякъ пересталъ смѣяться и сказалъ съ достоинствомъ:

— По моему, разъ ужъ вы въ Финляндіи, господа, могли бы вы говорить по фински... Такъ я полагаю.

Докторъ поспѣшилъ извиниться, хотя не успѣлъ еще произнести ни слова по шведски. Коммиссіонеръ только закивалъ головой, привѣтливо улыбаясь толстяку. Тотъ этимъ не удовлетворился и готовъ уже былъ сказать что-то о чужестранцахъ и шведахъ, когда въ комнату вернулся хозяинъ съ стаканомъ и новой бутылкой въ рукахъ, вслѣдствіе чего вниманіе гостей было отвлечено отъ жгучихъ партійныхъ вопросовъ.

— За ваше здоровье! — провозгласилъ Августъ Харваненъ, когда стаканы были налиты, и такъ энергично чокнулся о стаканъ доктора, что красноватая жидкость съ сильнымъ запахомъ спирта частью выплеснулась на столъ.

— Охо! — произнесъ онъ вмѣсто всякаго извиненія и вытеръ столъ рукавомъ.

Послѣ этого ледъ былъ проломленъ, всѣ стали весело чокаться и пить, уже нисколько не стѣсняясь и давая волю поднимающемуся хмѣльному веселью. Прежде, чѣмъ бутылка была допита, доктора уже стали считать своимъ человѣкомъ и посвятили въ разные маленькіе секреты. Прежде всего ему сообщили, что торгующій мѣщанинъ

Какріайненъ только-что проигралъ шестьдесятъ марокъ наличными деньгами господину Майеру и молодому хозяину въ стуколку, но что онъ надѣялся еще «вздуть» ихъ съ лихвой. Затѣмъ ему повѣдали, что господинъ Майеръ главнымъ образомъ агентъ одной нѣмецкой виноторговли. но что кромѣ того онъ скупаетъ хлѣбъ для различныхъ судоотправителей, съ какой цѣлью и разъѣзжаетъ по странѣ. Только-что имъ былъ закупленъ весь запасъ зерна въ Монола и собственно этой покупкой и объяснялись «вспрыски».

Когда всѣ эти сообщенія не произвели на доктора ни малѣйшаго впечатлѣнія, разговоръ принялъ другой оборотъ, и господинъ Майеръ произнесъ на исковерканномъ финскомъ языкѣ рѣчь въ честь «своихъ друзей». При этомъ Какріайненъ и молодой хозяинъ смѣялись до слезъ, такъ ихъ потѣшали языкъ и выговоръ иностранца.

Предложенный господиномъ Майеромъ тостъ былъ выпитъ и докторъ поднялся съ мѣста, намѣреваясь уйти. Но изъ этого ничего не вышло, потому что трое остальныхъ хоромъ начали его упрекать въ нарушеніи обычаевъ страны—пока посуда, не опустѣла порядочные, люди не уходятъ!—и уступчивый докторъ остался.

Послѣ этого хозяинъ сталъ къ нему почти также любезенъ, какъ къ остальнымъ гостямъ, и чтобы выразить ему свою благосклонность, началъ говорить о предстоящей въ будущее воскресенье популярной лекціи доктора. Какріайненъ и Майеръ, которымъ какъ-разъ приходилось возвращаться въ воскресенье черезъ Монола,

разсыпались въ похвалахъ патріотическому усердію доктора и обѣщались быть на его лекціи.

Затѣмъ господинъ Майеръ затянулъ какую-то нѣмецкую пѣсню, а хозяинъ и толстякъ стали подпѣвать ему, въ особенности въ припѣвѣ, въ которомъ было лишь одно слово «ррромъ», повторявшееся несчетное число разъ.

«Ррромъ, ромъ, ромъ!» — гудѣло повади доктора, когда ему удалось наконецъ вырваться изъ разгулявшейся компаніи, и эти звуки стояли еще въ его ушахъ, когда онъ былъ уже въ своей комнатѣ, усердно полоща себѣ ротъ, чтобы избавиться отъ противнаго спиртоваго вкуса.

X.

Наступилъ день чтенія. Доктору Удде пришлось вынести немало мелкихъ огорченій, чтобы добиться осуществленія своего намѣренія; но такъ какъ дѣло шло объ общественномъ благѣ, онъ стойко выдержалъ всѣ испытанія. Во первыхъ не смотря на обѣщаніе молодого хозяина, сходку не удалось устроить въ большой залѣ, по той простой причинѣ, что хозяйка не позволила, и это не смотря на сдѣланное уже въ церкви оповѣщеніе. Она даже не пожелала объяснить причину своего отказа, а просто-напросто сказала, что не можетъ этого допустить. Идѣ она объяснила дѣло очень просто, сказавъ, что ей одной принадлежитъ право распоряжаться въ домѣ и что не

мѣшаетъ внушить это какъ доктору, такъ и молодому хозяину. Но вѣрнѣе было, что она боялась за свои крашенные полы...

Впрочемъ, вмѣсто залы доктору дана была для сходки людская, гдѣ и сдѣланы были необходимыя приготовленія: лишніе столы были вынесены, а для слушателей были поставлены скамьи, стулья и табуретки, позади которыхъ было устроено еще нѣсколько рядовъ изъ обледенѣлыхъ плахъ, положенныхъ на поваленныя на бокъ дровни. Явилось-было новое затрудненіе по поводу освѣщенія. Но когда докторъ великодушно пожертвовалъ ради общаго блага двумя, тремя фунтами стеариновыхъ свѣчей, и это затрудненіе было устранено.

Прямо противъ печи были поставлены небольшой столъ и стулъ; это была кафедра. Свѣчи были прилѣплены вездѣ, гдѣ это оказалось удобнымъ и безопаснымъ.

Передъ обѣдомъ докторъ осмотрѣлъ поле предстоящаго сраженія съ тьмою народнаго невѣжества. При этомъ въ дверяхъ толпились и почтительно ежились передъ героемъ дня нѣсколько крестьянскихъ ребятишекъ. Они стояли, заложивъ палецъ въ ротъ и пугливо поглядывая на «барина», расхаживавшаго по неузнаваемой людской. Они ожидали чего-то необычайнаго и страшнаго.

Докторъ остался доволенъ приготовленіями и сердечно поблагодарилъ Иду, которая все устроила «незатѣйливо, но вполнѣ цѣлесообразно». Затѣмъ онъ вернулся въ свою комнату, просмотрѣлъ приготовленныя замѣтки

и началъ упражняться въ необходимой жестикуляціи и въ произнесеніи наиболѣе трудныхъ мѣстъ рѣчи. При этомъ онъ поминутно съ тревогой оглядывался на дверь, боясь, что кто-нибудь войдетъ и приметъ его за помѣшаннаго.

Онъ пообѣдалъ съ нервной торопливостью, а послѣ чернаго кофе почувствовалъ даже сердцебіеніе. Положительно онъ волновался больше, чѣмъ въ тотъ день, когда прочелъ свое знаменитое разсужденіе объ этикѣ въ сочиненіяхъ Ибсена! Дѣло въ томъ, что онъ не зналъ своей публики и не полагался на свое произношеніе въ финскомъ языкѣ; при томъ его мучило сознаніе, что онъ будетъ чужой среди всѣхъ своихъ слушателей... Ужъ лучше бы и въ самомъ дѣлѣ пришло на лекцію хоть нѣсколько человѣкъ изъ интеллигенціи!..

Впрочемъ всѣ эти малодушныя колебанія покинули его, когда онъ сообразилъ патріотическое значеніе своего подвига.

Начинало уже смеркаться. Докторъ порывисто шагалъ взадъ и впередъ по своей залѣ. Онъ уже былъ въ черномъ сюртукѣ и дожидался извѣщенія, что слушатели собрались. Онъ то называлъ себя жирондистомъ и начиналъ раскаяваться въ этой новой попыткѣ сблизиться съ якобинцами, то увѣрялъ себя, что исполняетъ только свою обязанность, дѣлясь своими познаніями съ народомъ, на счетъ котораго пріобрѣлъ познанія. Наконецъ его размышленія были прерваны появленіемъ Иды, пришедшей сказать, что сходка въ сборѣ и что пора начинать чтеніе.

Переходя дворъ онъ увидѣлъ нѣсколько крестьянскихъ саней, у которыхъ привязанныя къ забору лошади мирно пожевывали сѣно, отъ времени до времени позвякивая бубенцами. У дверей людской онъ отдалъ свое пальто Идѣ и вошелъ. Прежде всего его поразили потемки мрачнаго помѣщенія, для освѣщенія котораго нѣсколькихъ стеариновыхъ свѣчей оказалось недостаточнымъ. Смутно разглядѣлъ онъ ряды сидящихъ на лавкахъ фигуръ и скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, что при его появленіи всѣ головы повернулись къ нему. Онъ учтиво раскланялся и началъ пробираться къ своему столу, на которомъ красовались двѣ зажженныя свѣчи и стаканъ воды.

Добравшись до стола и оглянувшись въ комнатѣ, онъ вдругъ почувствовалъ отсутствіе всякаго напряженія. Онъ самъ не зналъ, чего ожидалъ отъ такого собранія крестьянъ, но во всякомъ случаѣ то, что онъ увидѣлъ, не имѣло въ себѣ ничего внушительнаго. Присутствующихъ было человѣкъ тридцать, не больше. Присмотрѣвшись онъ увидѣлъ прямо противъ себя свою хозяйку, которая сидѣла, какъ въ церкви, со сложенными на животѣ руками и съ носовымъ платкомъ въ рукѣ. Правѣе ея оставлено было три мѣста незанятыми; лѣвѣе виднѣлась Аманда изъ Ханкала, одѣтая по городскому, даже съ муфтой. Далѣе были цѣлыхъ два ряда незнакомыхъ доктору господъ и дамъ—очевидно мѣстная интеллигенція. Настоящіе его слушатели, т. е. бѣдные мужики, въ очень ограниченномъ числѣ, жались въ самой глубинѣ комнаты

и совсѣмъ потонули въ потемкахъ. У болѣе ярко освѣщенной печи и на самой печи мелькали головы тѣхъ самыхъ ребятишекъ, которые еще днемъ прибѣгали взглянуть на ученаго доктора изъ Гельсингфорса.

Лекторъ сдѣлалъ большой глотокъ изъ своего стакана и еще разъ окинулъ взглядомъ публику, какъ бы упрямо отыскивая тѣхъ, которыхъ ему было нужно. Такихъ не оказывалось... Зато его строгій и пытливый взглядъ произвелъ на собраніе впечатлѣніе и устремленные на него взоры стали почтительнѣе.

Наконецъ онъ откашлялся и началъ говорить:

— Уважаемые сограждане! Я позволилъ себѣ пригласить васъ сюда, чтобы коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, которые должны интересовать каждаго финляндца, но главнымъ образомъ народъ, какъ основу нашего дорогого отечества. Не забывайте, что вы соль земли финской и что на васъ основаны всѣ надежды отечества. Къ вамъ я обращаюсь потому, что за будущность страны передъ Богомъ и лицемъ исторіи будете въ отвѣтѣ вы одни!

Послѣ этого энергичнаго вступленія онъ дѣлаетъ небольшую выдержку и съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что слушатели смотрятъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Аманда изъ Ханкала даже забыла свою муфту на колѣняхъ ближайшаго кавалера и смотритъ на доктора слегка разинувъ ротъ.

Докторъ начинаетъ настраиваться восторженно. Въ его воображеніи число слушателей разростается и ему представляется, что онъ имѣетъ передъ собой цѣлую

толпу. Теперь онъ уже не простой народный лекторъ, а борецъ, предпринявшій борьбу на жизнь и смерть съ неподвижностью народныхъ массъ, съ ихъ невѣжествомъ и съ недальновидностью образованныхъ сословій. И онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, потому что снова вѣритъ въ народъ!

Въ немъ подымается удалое чувство. Нѣтъ, нѣтъ, онъ уже не прежній жалкій скептикъ! Онъ передъ лицемъ своего народа и чувствуетъ, что народъ понимаетъ его!

Его рѣчь возобновляется и голосъ звучитъ смѣло, звонко, побѣдоносно. Онъ уже не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на свои замѣтки и говоритъ, какъ по вдохновенію. Лишь смутно припоминается ему общая программа рѣчи; но это ничего не значитъ, потому что его голова полна новыхъ, блестящихъ мыслей и онъ чувствуетъ, что изливаетъ эти мысли съ краснорѣчіемъ непосредственнаго увлеченія. Даже трудности финскаго языка исчезаютъ для него. Рѣчь льется плавно и гладко, какъ рѣка...

Онъ только-что покончилъ съ поэтическими примѣрами изъ Рунеберга и перешелъ къ тому, чего ожидаетъ отечество отъ нынѣшняго мужика въ деревнѣ, когда въ сѣняхъ раздается шумъ и всѣ слушатели оборачиваются, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Въ то же время дверь распахивается и въ людскую шумно входятъ молодой хозяинъ, торгующій мѣщанинъ Какріайненъ и коммиссіонеръ Майеръ. Они опоздали, доигрывая начатую партію

и допивая откупоренныя бутылки. Но это ихъ нисколько не смущаетъ и они входятъ съ надменнымъ видомъ подвыпившихъ деревенскихъ богатѣевъ.

Докторъ пріостановился въ своемъ потокѣ краснорѣчія и дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе рукой, какъ бы призывая слушателей къ порядку. Но никто не замѣчаетъ этого, потому что всѣ смотрятъ на вновь вошедшихъ, пробирающихся къ оставленнымъ для нихъ мѣстамъ возлѣ хозяйки.

Когда они занимаютъ наконецъ свои мѣста, Какріайненъ ободрительно киваетъ доктору головой, приглашая его продолжать рѣчь.

Докторъ чувствуетъ порывъ негодованія и начинаетъ рыться въ своихъ бумагахъ, нарочно затягивая перерывъ. Но это неблагоразумно, такъ какъ господинъ Майеръ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы шепнуть Амандѣ какой-то смѣлый комплиментъ, отъ котораго она прыскаетъ со смѣху, и въ то же время среди дѣтей у печки началось совсѣмъ нежелательное оживленіе. Замѣтивъ свою ошибку докторъ сразу начинаетъ продолженіе рѣчи и голосъ его звучитъ такъ гнѣвно, что всѣ вздрагиваютъ. Господинъ Майеръ отодвигается отъ Аманды съ видомъ комически преувеличенной пристыженности; сама она просто задыхается отъ сдерживаемаго смѣха; на печкѣ дѣти хихикаютъ. Но вотъ все приходитъ въ порядокъ, и докторъ продолжаетъ свою лекцію, вставивъ нѣсколько высокопарныхъ фразъ, которыми какъ бы предаетъ забвенію весь неприличный перерывъ.

Понемногу онъ снова разгорячается и начинаетъ говорить почти съ такимъ же увлеченіемъ, какъ до перерыва. Онъ гремитъ противъ равнодушныхъ, взываетъ къ ихъ любви къ отечеству, и съ умиленіемъ говоритъ о близкомъ будущемъ, когда всякій финляндецъ будетъ одинаково горячо относиться къ общественнымъ дѣламъ, когда голосъ народа будетъ голосомъ всей страны и когда даже крестьянскія женщины примутъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Однако какъ докторъ ни горячится, а прежняго энтузіазма онъ въ себѣ уже не находитъ и его воображеніе отказывается рисовать передъ нимъ густую толпу внимательно слушающихъ финскихъ крестьянъ. Объемистая фигура господина Какріайнена и раскраснѣвшееся лицо господина Майера невольно лѣзутъ ему въ глаза, а позади ихъ больше всего замѣтны пустыя скамейки съ нѣсколькими унылыми мужиками, представляющими собой дѣйствительный народъ. И докторъ чувствуетъ, что краснорѣчіе его не достигаетъ цѣли, точно между нимъ и народомъ появилась песчаная насыпь, въ которую и зарываются всѣ его снаряды.

Онъ не присматривается къ выраженію лица молодого хозяина, иначе бы онъ сразу примирился съ передними рядами своихъ слушателей. Августъ слушалъ его рѣчь съ пылавшими энтузіазмомъ глазами и жадно ловилъ каждое слово доктора. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца фанатическую приверженность своему сословію и больше всего гордился чистотой своего финскаго происхож-

денія. И вотъ, въ демократическихъ воззрѣніяхъ доктора, въ его апологіи финскаго крестьянина, онъ находилъ цѣлое откровеніе, готовую систему всему, о чемъ онъ самъ иногда думалъ... Выпитое съ гостями вино конечно содѣйствовало его возбужденію...

Рѣчь доктора окончена. Въ людской водворяется мертвая тишина. Слушатели очень довольны рѣчью, которую находятъ превосходной, въ особенности если принять во вниманіе, что докторъ лишь начинаетъ овладѣвать финскимъ языкомъ... Но аплодировать ему, какъ какому-нибудь актеру, они находятъ неприличнымъ и лишь почтительными взглядами выражаютъ ему свое одобреніе. Дѣти съ шумомъ бросаются къ выходу изъ избы; старики у задней стѣны, кряхтя, расправляютъ свои застывшіе члены; начинаютъ расходиться и слушатели съ переднихъ скамеекъ... Тогда только поднимается со своего мѣста Августъ Харваненъ и, повинуясь лишь своему энтузіазму, подходитъ къ доктору, сверкая глазами.

— Каждое ваше слово чистая правда, докторъ!— говоритъ онъ хватая доктора за руку.—Пусть меня поберетъ сатана, если это не такъ!

Къ сожалѣнію докторъ такъ недоволенъ концомъ своей рѣчи и отсутствіемъ аплодисментовъ, что не можетъ понять истинныхъ побужденій молодого хозяина и, предполагая его пьянымъ, лишь холодно отвѣчаетъ на его рукопожатіе. Въ свою очередь этимъ оскорбляется Августъ Харваненъ. Онъ бросился къ доктору... съ непри-

вычной и невольной откровенностью... поблагодарить его за все слышанное... а тотъ едва смотритъ на него! Это ли не спѣсь?—Но молодой хозяинъ овладѣваетъ собой, не даетъ дурному чувству разсѣять прекрасное впечатлѣніе, полученное отъ рѣчи доктора и, принуждая себя быть справедливымъ, приглашаетъ оратора къ себѣ, чтобы выпить въ кругу большинства изъ только-что присутствовавшихъ здѣсь слушателей стаканъ вина за осуществленіе всего, что докторъ такъ прекрасно пророчилъ. Но докторъ раздраженъ и съ каждой минутой раздражается еще больше. Ни за какія блага въ мірѣ не хочетъ онъ вторично увидѣть ухаживанье молодого хозяина за Амандой изъ Ханкала и его друзей, торговца и коммиссіонера! Онъ сухо извиняется, ссылаясь на утомленіе и спѣшныя дѣла, категорически отклоняетъ приглашеніе и поспѣшно уходитъ въ свои комнаты. Тамъ, стараясь даже не вспоминать о лекціи, которую считаетъ совершенно неудавшейся, онъ проводитъ вечеръ за работой.

Между тѣмъ на половинѣ хозяевъ многочисленные гости недоумѣваютъ по поводу странностей доктора, провозглашаютъ тосты за его здоровье и поговариваютъ о томъ, что онъ прекрасно понимаетъ народное дѣло, а самаго народа не знаетъ.

XI.

Послѣ своей великой битвы за будущность финскаго народа докторъ ушелъ въ себя, какъ раненая улитка, и всецѣло занялся своимъ большимъ трудомъ объ эстетикѣ. Зато этотъ трудъ сталъ быстро подвигаться впередъ и можно уже было предвидѣть, что въ апрѣлѣ диссертація будетъ окончена.

Дни становились все длиннѣе и длиннѣе; снѣжные сугробы таяли и покрывались по утрамъ темной корой; мартовское солнце начинало уже порядкомъ пригрѣвать; а докторъ все работалъ не покладая рукъ, и его ненависть къ французскимъ натуралистамъ къ концу сочиненія съ каждой страницей лишь распалялась. Громя натуралистовъ онъ точно боролся за самаго себя и дѣйствительно укрѣплялся въ своихъ возвышенныхъ стремленіяхъ ко всему благородному и прекрасному. При томъ онъ испытывалъ особенное злорадство, точно мстилъ натуралистамъ за всѣ огорченія, которыя вынесъ въ столкновеніяхъ съ дѣйствительностью. За своимъ письменнымъ столомъ онъ по крайней мѣрѣ дышалъ полной грудью въ чистой атмосферѣ идеала! Здѣсь его не достигали ни человѣческія немощи, ни разочарованія дѣйствительности!

Во все это время его сношенія съ остальнымъ міромъ ограничивались разговорами съ Идой да перепиской съ

друзьями. Хозяевъ онъ почти не видѣлъ; съ приказчикомъ говорилъ о погодѣ лишь разъ или два.

Еще до своей лекціи, онъ выписалъ изъ города множество народныхъ книгъ, для раздачи этихъ книгъ крестьянамъ. Но ящикъ съ книгами полученъ былъ лишь послѣ лекціи, когда докторъ уже совсѣмъ оставилъ намѣреніе поучать народъ въ личныхъ сношеніяхъ. Поэтому книги были переданы Идѣ, добрая треть въ полную ея собственность, а остальныя для раздачи кому она найдетъ нужнымъ. Ида приняла подарокъ и порученіе съ выраженіями благодарности, но въ то же время съ замѣчательнымъ смущеніемъ, точно съ какими-то опасеніями.

Впрочемъ докторъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и остался въ отношеніяхъ къ Идѣ совершенно такимъ же, какимъ былъ съ нею съ первыхъ дней. Въ сущности она ничего бы не имѣла противъ кое-какого ухаживанья съ его стороны, даже противъ такихъ попытокъ, которыя пришлось бы отклонять. Все это подвинуло бы ея дѣла съ Августомъ Харваненомъ. Но сколько она ни улыбалась и ни подвертывалась доктору въ самыя благодушныя минуты, его вольности не шли дальше товарищескаго щипка за подбородокъ и пришлось отказаться отъ всякой надежды вскружить ему голову.

Наступилъ апрѣль. Снѣгъ почти совсѣмъ стаялъ, оставивъ возлѣ дорогъ и домовъ лишь полоски грязнаго льда. Солнце грѣло уже совсѣмъ по весеннему. Диссертація доктора была вчернѣ окончена и первые листы

уже печатались. Докторъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ деревнѣ. Положимъ, сближеніе съ народомъ, на которое онъ надѣялся отправляясь въ деревню, не произошло; зато диссертація написана вдвое скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, а кромѣ того онъ успѣлъ порядочно напрактиковаться въ финскомъ языкѣ.

Былъ теплый денекъ въ половинѣ апрѣля. Докторъ только-что исправилъ первые корректурные листы своей диссертаціи и отправилъ въ типографію послѣднія части рукописи. Трудъ можно было считать оконченнымъ, такъ какъ то, что̀ оставалось сдѣлать, было ничто въ сравненіи съ сдѣланнымъ.

Съ чувствомъ работника, хорошо выполнившаго свое дѣло и вполнѣ заслужившаго отдыхъ, докторъ прохаживался по своей залѣ. Онъ особенно гордился тѣмъ, что не измѣнилъ своимъ идеаламъ, не смотря на обстановку, въ которой нѣсколько разъ ему приходилось бороться, съ всевозможными сомнѣніями! Да, онъ сохранилъ свои вѣрованія, тѣ самыя вѣрованія, которыя стараются подорвать натуралисты, и вотъ эти вѣрованія даютъ ему силы разгромить натуралистовъ! Эти люди не въ силахъ понять всего, что̀ не поддается измѣренію и вычисленію... Но это уже просто глупо! Развѣ онъ не чувствуетъ въ себѣ особенной силы—вдохновенія, и особеннаго наслажденія — чувства выполненнаго долга? Какъ же онъ могъ бы отрицать эти чувства? Только этими силами и придается жизни цѣнность; только ими и облагороживается она, поднимая человѣческую душу

*

выше мелочей и не давая ей погрязнуть въ болотѣ повседневныхъ заботъ. Эти силы дѣлаютъ человѣка царемъ вселенной, тогда какъ иначе онъ былъ бы лишь жалкій рабъ!

Пусть всѣ современные натуралисты доказываютъ, что подобныя силы существуютъ лишь въ воображеніи. Онъ гордо отвѣтитъ имъ, что если это мечта, она цѣннѣе всѣхъ ихъ доказанныхъ истинъ, потому что всегда была двигательной силой, приводившей къ научнымъ открытіямъ, которыми теперь ее же стараются побороть, точно стремясь пріостановить движеніе человѣчества впередъ!

Раздумывая такимъ образомъ, докторъ взялъ фуражку и вышелъ изъ своихъ комнатъ, намѣреваясь прогуляться. Но въ сѣняхъ онъ остановился. Тамъ солнце свободно проникало черезъ большія итальянскія окна и было тепло, какъ въ оранжереѣ, тогда какъ на дворѣ дулъ холодный вѣтеръ. Докторъ опустился на ступеньку лѣстницы и сталъ смотрѣть вдаль черезъ настежь раскрытыя двери.

Передъ нимъ разстилался большой дворъ, почти совсѣмъ уже безъ снѣга и весь изборожденный ручейками сбѣгавшихъ весеннихъ водъ. Докторъ весело поглядывалъ на сверкавшіе ручейки и беззаботно помахивалъ передъ собой тростью. Онъ былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, что готовъ былъ сердечно пожать руку первому попавшемуся прохожему. Жизнь казалась ему такой же свѣтлой, и теплой, и ликующей, какъ этотъ весенній день. Въ первый разъ за послѣдніе два мѣсяца

доктору стало жаль, что не съ кѣмъ подѣлиться своими радостными впечатлѣніями.

Вдругъ онъ увидѣлъ молодого хозяина, направлявшагося черезъ дворъ прямо къ сѣнямъ, но круто повернувшаго въ сторону, вѣроятно, замѣтивъ доктора. Но тотъ не обидѣлся, а всталъ и окликнулъ хозяина. Августъ Харваненъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ или не вѣритъ своимъ ушамъ; однако когда докторъ окликнулъ его вторично и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ его сторону, онъ обернулся, раскланялся и остановился, вопросительно поглядывая на доктора.

— Я окончилъ свою работу значительно раньше, чѣмъ предполагалъ! — сказалъ докторъ, весело улыбаясь.—Теперь мнѣ нечего здѣсь больше дѣлать и на-дняхъ я уѣзжаю обратно въ городъ.

— А мы-то надѣялись не лишаться нашего жильца до самой осени! — отвѣтилъ молодой хозяинъ со свойственной ему едва замѣтной ироніей.

— Ну, надѣюсь вы быстро утѣшитесь!—разсмѣялся докторъ. — Мы не особенно близко сходились, и объ этомъ я сожалѣю,—прибавилъ онъ серьезно.

— Что же дѣлать, мы поневолѣ держались каждый своей стороны. Человѣкъ съ такимъ огромнымъ образованіемъ, какъ вы, докторъ, не нуждается въ нашемъ обществѣ... Это мы хорошо понимали и не хотѣли вамъ надоѣдать.

— Напротивъ, мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если-бы мы сблизились. Вѣдь я пріѣхалъ главнымъ образомъ

для того, чтобы основательнѣе познакомиться съ крестьянами... Изъ этого ничего не вышло; значитъ и говорить нечего. Зато я былъ прилеженъ и одолѣлъ полугодовую работу въ два мѣсяца!

— Что и говорить! Вы были удивительно прилежны...

— Не хотите-ли присѣсть, господинъ Харваненъ? Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ вами. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы у насъ съ вами не нашлось даже темы для разговора!

Докторъ проговорилъ это со своимъ обычнымъ покровительственнымъ видомъ, и тотчасъ же молодой хозяинъ почувствовалъ желаніе уйти. Ужасно ему не нравился этотъ самодовольный, учительскій тонъ доктора! Онъ даже оглянулся по сторонамъ, какъ бы подыскивая предлогъ, чтобы улизнуть, но потомъ раздумалъ и сѣлъ на ступеньку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ доктора.

— Ида мнѣ говорила, что вы пробыли нѣсколько лѣтъ въ лицеѣ?— началъ докторъ.

— Гмъ!..

Августъ Харваненъ откашливается въ сторону, а докторъ съ удивленіемъ смотритъ на него, не зная какъ понять этотъ непонятный отвѣтъ.

— Развѣ это не правда? — спрашиваетъ онъ наконецъ.

— Положимъ... это правда.

— И вы покинули лицей, чтобы заняться хозяйствомъ по смерти вашего отца?

— У меня было много причинъ покинуть лицей.

— Какія же причины?

— Да мало-ли какія...

— Вамъ трудно было заниматься?

— Ну, не труднѣе, чѣмъ другимъ, положимъ...

Опять кашель и опять пауза. Докторъ находитъ неудобнымъ продолжать разспросы, на которые молодой человѣкъ видимо не желаетъ отвѣчать, а тотъ очень доволенъ, что «заткнулъ доктору глотку» своими уклончивыми отвѣтами и едва удерживается отъ смѣха. Однако черезъ минуту онъ самъ поясняетъ:

— Городъ, видите-ли, очень скоро надоѣдаетъ, когда приходится тамъ жить поневолѣ. То ли дѣло отъ времени до времени заѣзжать въ городъ и поболтаться тамъ съ горожанами, чтобы не перезабыть всѣ ихъ штуки! Это мнѣ больше по душѣ.

Такой отвѣтъ совсѣмъ не нравится доктору. Терпѣть онъ не можетъ такой залихватской грубости! И онъ молчитъ, поглядывая на молодого Харванена съ видомъ полнѣйшаго разочарованія.

— Такъ Ида выболтала вамъ, что я побывалъ въ школѣ? — опять начинаетъ молодой хозяинъ. — Поди, не только объ этомъ вы разговаривали съ нею?

— Конечно, нѣтъ. Мы разговаривали съ нею о многомъ

— То-то вотъ... Еслибы вы еще немножко позанимались ею, она окончательно бы превратилась въ благовоспитанную гельсингфорскую барышню... Я видѣлъ, она уже читаетъ романы и получила этакія возвышенныя идеи... раздаетъ людямъ душеполезныя книжки...

— Она получила изъ моихъ рукъ лучшія книги, какія есть на финскомъ языкѣ, господинъ Харваненъ! По моему, священный долгъ каждаго грамотнаго финляндца прочесть эти книги, если только мы дѣйствительно хотимъ чего-нибудь добиться.

— Ну, ну... Кое-что и я вѣдь читалъ! — шутливо отвѣчаетъ молодой хозяинъ.—Книги, конечно, хорошія... И разумѣется съ вашей стороны было очень великодушно заняться воспитаніемъ Иды...

Доктору вдругъ приходитъ въ голову, что теперь онъ можетъ разрѣшить одно сомнѣніе. Ироническаго тона Августа Харванена онъ по обыкновенію не замѣтилъ.

— Вотъ что, господинъ Харваненъ!—сказалъ онъ.— Скажите кстати, могу ли я, не оскорбивъ Иды, сдѣлать ей небольшой подарокъ послѣ отъѣзда? Вѣдь только благодаря ей, я кое-чему научился по фински. Но удобно ли это? Она не служанка, а ваша родственница. Съ другой стороны мнѣ извѣстно, что она бѣдная дѣвушка и не получаетъ опредѣленнаго жалованья...

— А что вы хотите ей подарить?—спросилъ молодой хозяинъ, даже не пытаясь скрыть вдругъ овладѣвшаго имъ сильнѣйшаго любопытства.

— Если вы полагаете, что это удобно... Можно, напримѣръ, подарить ей часы? Разумѣется, все это должно остаться между нами...

Августъ вздрогнулъ и подозрительно посмотрѣлъ на доктора.

— Часы? — протянулъ онъ иронически. — Что же

тутъ неудобнаго! Часы по здѣшнимъ понятіямъ великолѣпнѣйшій подарокъ... невѣстѣ и то можно.

— Видите-ли, она была мнѣ здѣсь настоящимъ другомъ! — простодушно пояснилъ докторъ. — Я положительно привязался къ ней. Это славная и неглупая дѣвушка! Такихъ встрѣчаешь не каждый день. И какая она хорошенькая!

Необдуманныя слова доктора объ Идѣ показались Августу чудовищной обидой. Онъ весь поблѣднѣлъ и въ глазахъ его появилось выраженіе непреодолимой ненависти. Онъ выпрямился и первымъ его побужденіемъ было уйти прочь... отъ грѣха. Но тотчасъ же имъ овладѣло мучительное любопытство узнать все, до послѣдняго слова, все, что было между Идой и докторомъ. И не смотря на то, что разговоръ объ этомъ являлся для него настоящей пыткой, такъ что приходилось прикусывать губу, чтобы не выдать своего мученія, онъ сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе и сказалъ даже посмѣиваясь:

— То-то, красивая! Поди вы трепали ее по утрамъ, когда она приносила вамъ кофе, хе... хе... Такъ вѣдь?

Докторъ даже не понялъ сначала.

— Трепалъ? Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ разсѣянно. — Кого я трепалъ?

Молодой хозяинъ принялъ разсѣянность доктора за гнусное пренебреженіе къ совращенной имъ дѣвушкѣ и готовъ былъ ударить совратителя по лицу. Но онъ опять овладѣлъ собой, стараясь не выдать себя и добиться подробностей.

— Иду конечно! — пояснилъ онъ, заставляя себя смѣяться, но въ дѣйствительности задыхаясь.

Докторъ остолбенѣлъ.

— Я трепалъ... Иду?—переспросилъ онъ съ недоумѣніемъ.—По утрамъ когда она приносила кофе?.. Что это за чушь? Да за кого вы меня принимаете?

Августъ Харваненъ собралъ всѣ силы и пробормоталъ съ видомъ повѣсы, говорящаго о заурядныхъ пустякахъ:

— Ну, ну... не притворяйтесь, пожалуйста! Знаемъ мы, какъ относятся молодые холостяки къ хорошенькимъ горничнымъ!..

Докторъ вскипѣлъ.

— Такъ вотъ вы что хотите сказать!—съ негодованіемъ вскричалъ онъ поднимаясь.—На это могу вамъ только сказать, что это низость! Да, да—низость! Неужели вы полагаете, что я способенъ на такіе поступки, да еще по отношенію къ родственницѣ семьи, въ которой я живу? Какъ вы смѣете?... Чтобы доказать вамъ нелѣпость вашихъ выдумокъ, мнѣ стоитъ только сказать, что я не пью кофе въ постели... Да что съ вами говорить! Я привыкъ относиться съ уваженіемъ къ прислуживающимъ мнѣ людямъ; они не виноваты, что бѣдны... Но вамъ все это, разумѣется, непонятно!

Негодованіе доктора сразу успокоило и развеселило Августа.

— Ну, ну, не сердитесь, докторъ! — сказалъ онъ примирительнымъ тономъ.—Я вѣдь только пошутилъ...

Почему я зналъ, что вы такой праведникъ! Обыкновенно молодые господа смотрятъ на это совсѣмъ иначе.

— Я свои обязанности къ людямъ знаю!—проговорилъ докторъ съ удареніемъ.

— Съ вами и пошутить нельзя... Не сердитесь же, господинъ докторъ.

— Къ такимъ грубымъ шуткамъ я не привыкъ! Есть вещи, которыя составляютъ для меня вопросъ чести, а честью а не шучу. Совѣтую и вамъ научиться порядочности! Можете передать это всякому, кто будетъ распространять подобную ложь объ Идѣ! За что вы пятнаете честь этой бѣдной дѣвушки?

— Да вѣдь я только пошутилъ и все это останется между нами! — еще разъ завѣрилъ порядкомъ пристыженный хозяинъ.

— Не понимаю! Она вѣдь ваша родственица и вамъ бы слѣдовало быть ея заступникомъ. Такъ бы поступилъ всякій порядочный человѣкъ! А вы черните ее только ради шутки...

Молодой хозяинъ почувствовалъ, что неблагоразумно пытаться обратить дѣло въ шутку и что въ концѣ концовъ онъ только самъ опозорился. Но онъ не ощущалъ ни малѣйшаго зла къ строгому доктору.

— Простите меня, господинъ докторъ, — сказалъ онъ кротко.—Не думайте обо мнѣ слишкомъ худо... Право не въ моихъ намѣреніяхъ причинять Идѣ зло...

Говоря это онъ протянулъ доктору руку. Но тотъ брезгливо спряталъ свои руки въ карманы и ушелъ въ

свои комнаты даже не простившись съ молодымъ хозяиномъ. Господинъ Харваненъ сдѣлался ему антипатиченъ.

Между тѣмъ въ сѣняхъ все еще стоялъ и тихо улыбался этотъ самый господинъ Харваненъ, до такой степени обрадованный сдѣланнымъ имъ открытіемъ, что докторъ начиналъ казаться ему симпатичнымъ. Но о догадливости доктора въ дѣлахъ любви онъ остался весьма невысокаго мнѣнія.

XII.

Была уже глубокая осень, въ концѣ сентября. День выдался ясный, но холодный. По небу быстро неслись бѣлыя облака; въ воздухѣ чувствовалось уже приближеніе зимы. Только-что закончена была отправка сноповъ съ большого ржаного поля въ гумно, и послѣдній возъ колыхаясь тронулся по полю въ путь. Но присматривавшій за этой работой молодой хозяинъ не послѣдовалъ за возомъ, а остался на полѣ, задумчиво расхаживая по межѣ и глубоко засунувъ руки въ карманы.

Пока возъ выбирался на дорогу и медленно удалялся по направленію къ гумну, молодой хозяинъ дѣлалъ видъ, что занятъ осмотромъ поля и кое-гдѣ поврежденной изгороди. Но вотъ возъ своротилъ на осиновую аллею, листва которой сильно порѣдѣла и въ этотъ день осыпалась особенно обильно, а немного погодя совсѣмъ скрылся изъ

вида. Августъ тотчасъ же поднялъ голову, оглянулся по сторонамъ и, убѣдившись, что ни на полѣ, ни на дорогѣ никого изъ рабочихъ не оставалось, быстро перелѣзъ черезъ изгородь. На дорогѣ онъ еще разъ оглянулся, окончательно увѣрился, что никто не можетъ его видѣть и рѣшительными шагами направился къ густому лѣску позади кузницы.

Защищая лицо локтемъ пробрался онъ черезъ чащу и вышелъ на маленькую полянку, поросшую травой и сплошь окруженную густой, какъ стѣна, еловой чащей. На полянѣ онъ остановился и началъ прислушиваться. Но такъ какъ ничего, кромѣ лѣсного шума, онъ не услышалъ, пришлось вооружиться терпѣніемъ. Онъ бросился на траву возлѣ большого круглаго камня и началъ досадливо покусывать длинную соломинку.

Ему пришлось ждать довольно долго. Наконецъ послышался звукъ раздвигаемыхъ и хлеставшихъ въ лѣсу вѣтвей. Очевидно кто-то пробирался... Но молодой хозяинъ чувствовалъ нѣкоторую досаду противъ опоздавшей и не обернулся, дѣлая видъ, что не слышитъ приближенія Иды. Онъ поднялъ голову лишь когда Ида была уже возлѣ него.

— Я не могла придти раньше, Густи!—начала она оправдываться.—Твоя мать не давала мнѣ ни минуты покоя. Съ каждымъ днемъ она становится ко мнѣ взыскательнѣе...

— Ну, ты тоже... ты любишь преувеличивать!— пробормоталъ онъ пренебрежительно.

— Я преувеличиваю? Хотѣла бы я, чтобы ты побылъ хоть день на моемъ мѣстѣ! Тогда бы ты узналъ.

— Поди и безъ этого я могу понять, что она не балуетъ тебя. Но любишь кататься, люби и саночки возить, Ида. Нельзя сдѣлаться хозяйкой въ Монола такъ себѣ, за здорово живешь! То-то! Поди и ты не очень-то уступчива съ матушкой! Знаю я тебя.

— Я не уступчива? Какъ ты можешь это говорить, Густи! Я-ли не сносила всякія обиды... цѣлый годъ уже?.. Да тебѣ и не понять всего, что мнѣ пришлось вытерпѣть!

— Ну, ну... ладно! Зато теперь дѣло подходитъ къ концу... Черезъ два мѣсяца, не дальше...

— Ты все утѣшаешь меня близкимъ концемъ, Густи. А вѣдь Господь еще знаетъ, какъ все это кончится. За два мѣсяца твоя мать успѣетъ еще совсѣмъ отворотить твои мысли отъ меня! И то ужъ я примѣчаю, что ты со мною не прежній...

Эта жалоба вырвалась у Иды съ нѣкоторой горечью. Августъ взглянулъ на нее съ нетерпѣніемъ.

— По твоему огорчаться приходится тебѣ одной?— сказалъ онъ рѣзко.—Мнѣ небось хорошо? Ни заботъ, ни досады!—Такъ что-ли по твоему?

— Кто говоритъ, есть и у тебя заботы, Августъ. Но не сравнить же ихъ съ тѣмъ, что приходится выносить мнѣ... Наконецъ, развѣ я кого попрекаю? Если-бы... если бы я только знала навѣрное, что ты не послушаешь всего, что наговариваетъ на меня твоя мать, я была бы спокойна. А то вѣдь самъ ты долженъ понимать.. Развѣ я

не знаю, сколько она плететъ обо мнѣ? А ты уже не такой, какъ бывало прежде...

Хорошенькая Ида говорила это печально, подавленнымъ голосомъ. По ея лицу видно было, что за послѣднее время жилось ей не особенно хорошо. Ея щеки уже не имѣли того яркаго румянца, которымъ любовался бывало докторъ. Въ движеніяхъ и въ голосѣ появилось что-то строптивое, недовѣрчивое. Она стала точно на нѣсколько лѣтъ старше.

Зато молодой хозяинъ ни въ чемъ не измѣнился. Теперь онъ продолжалъ лежать на травѣ и молча слушалъ жалобы Иды, которая стояла прислонившись къ камню. Его лице сохранило свойственное ему выраженіе озабоченности; прибавилось лишь что-то недовольное и раздражительное.

— Старыя пѣсни! — протянулъ онъ кисло. — Ты поешь это уже много мѣсяцевъ и право не очень-то мнѣ весело слушать тебя!

Ида дожидалась отъ него только нѣсколькихъ словъ увѣренія въ неизмѣнности его любви. Но когда онъ отвѣтилъ ей лишь пренебреженіемъ, вся ея гордость сразу поднялась въ ней, и она приняла крутое рѣшеніе. Въ ея глазахъ загорѣлись недобрые огоньки. Ея терпѣнье лопнуло. Теперь она не хотѣла уже просить, и задабривать, и унижаться! Она намѣревалась требовать и угрожать!

Она сѣла на камень и окинувъ Августа холоднымъ взглядомъ проговорила съ спокойной твердостью точно объявляя приговоръ:

— Я должна сказать тебѣ, Августъ, что дѣло со мной стало похуже, чѣмъ ты думаешь.

Молодой хозяинъ невольно вздрогнулъ и приподнялся.

— Ну что тамъ еще?—спросилъ онъ, стараясь казаться равнодушнымъ.

— А то, Густи, что теперь... теперь тебѣ уже нельзя меня покидать... Я это поняла давно... а теперь знаю навѣрное... и скрывать дѣло удастся не долго... Я не хотѣла это говорить, пока сомнѣвалась. Ну, теперь дѣло вѣрное и по крайней мѣрѣ ты будешь знать!

Говоря это она смотрѣла на него съ выраженіемъ строгаго укора, почти съ ненавистью. Слишкомъ уже много страдала она одна. Пусть-ка и онъ помучается немножко! Тогда не будетъ онъ небось валяться на травѣ такимъ безчувственнымъ истуканомъ!

Молодой хозяинъ вскочилъ на ноги и смотрѣлъ на нее съ испугомъ, но въ то же время чувствуя въ себѣ приливъ какого-то новаго, гордаго чувства. Онъ точно сразу возмужалъ. Его устремленный на дѣвушку взглядъ сдѣлался вдругъ почтительнымъ. Ему хотѣлось разспросить ее, но ни слова не сходило съ его губъ и онъ только молча взялъ ее за руку.

Она отдала ему руку, совсѣмъ озадаченная дѣйствіемъ своего признанія. Готовясь сдѣлать это признаніе, она ожидала, что вызоветъ лишь гнѣвную вспышку и готовилась къ борьбѣ. Къ ея удивленію произошло нѣчто совсѣмъ противное. Августъ стоялъ передъ нею

почтительный, ласковый и пожималъ ея руку съ такимъ выраженіемъ, точно больше радовался, чѣмъ пугался.

Наконецъ онъ проговорилъ:

— И когда же?.. т. е. давно ты замѣтила это, Ида?

Въ свою очередь смутилась Ида. Съ минуту она точно колебалась, потомъ произнесла нерѣшительно:

— Я поняла это... еще лѣтомъ.

— Почему ты не сказала мнѣ раньше?

— Я не хотѣла... я не рѣшалась! — пробормотала она отворачиваясь.

— Господи, чего же тутъ пугаться! —вскричалъ онъ весело и гордо. Въ немъ не оставалось и тѣни испуга, вызваннаго только неожиданностью ея важнаго сообщенія.

Зато Ида смущалась все больше и больше. Она не знала куда глядѣть и густая краска стыда заливала ей лицо. Но это ему чрезвычайно нравилось.

— Ты понимаешь, конечно, что теперь уже тебѣ нечего опасаться моей матери! — сказалъ онъ торжественно и обнялъ ее со всѣмъ пыломъ своей прежней любви.

Этому свиданію предшествовали нѣкоторыя обстоятельства, и о нихъ необходимо сказать два три слова. Нужно замѣтить, что Августъ Харваненъ любилъ Иду, какъ вообще любятъ въ его годы, пылко, но въ то же время крайне нетерпѣливо. Во время пребыванія въ Монола доктора, въ другихъ случаяхъ очень сдержанный,

Августъ доходилъ даже до настоящей страстности: ревновалъ, не спалъ по ночамъ и чѣмъ только могъ мучилъ Иду. Но еще до отъѣзда доктора, убѣдившись въ неосновательности своихъ ревнивыхъ чувствъ, онъ сразу успокоился, пересталъ обращать вниманіе на Аманду изъ Ханкала и принялъ свой обычный, флегматичный видъ.

Идѣ онъ ни слова не говорилъ о своемъ объясненіи съ докторомъ.

Но вотъ, приблизительно черезъ недѣлю послѣ отъѣзда доктора, на имя Иды была получена изъ Гельсингфорса посылка. Въ посылкѣ оказались хорошенькіе часы съ цѣпочкой, а при нихъ визитная карточка доктора Удде. Это составило цѣлое происшествіе. Сохранить полученіе часовъ въ тайнѣ не было ни малѣйшей возможности, такъ какъ посылка на имя Иды возбудила общее любопытство. Бѣдная дѣвушка даже испугалась, такія нареканія ожидала она вынести послѣ этого, и больше всего, не смотря на свою чистую совѣсть, она боялась молодого хозяина. Тѣмъ не менѣе она сочла необходимымъ тотчасъ же показать подарокъ хозяйкѣ и всѣмъ служанкамъ и, принеся посылку въ кухню, съ притворной беззаботностью открыла футляръ передъ всѣми.

Со всѣхъ сторонъ посыпались выраженія насмѣшливаго восхищенія.

— Глядите, глядите, какіе свадебные подарки получаетъ Ида изъ Гельсингфорса!—восхищалась одна изъ столпившихся вокругъ стола служанокъ.

— Господи, какая роскошь!—умилялась другая.—

И подумать, что Ида даже не сказала никому о своей помолвкѣ съ докторомъ!

— Дѣлать нечего, приходится готовиться къ свадьбѣ! — пошутила сама хозяйка.

Ида стояла съ часами въ рукахъ и крѣпилась, сколько могла, но вся дрожала отъ сдерживаемыхъ рыданій и не смѣла взглянуть на насмѣшницъ. Отъ ея притворной беззаботности неосталось и слѣда.

Неожиданно къ столу подошелъ слышавшій все изъ сосѣдней комнаты хозяинъ, и насмѣшкамъ сразу былъ положенъ конецъ.

— Оставьте вы Иду въ покоѣ! — сказалъ онъ внушительно. — Этотъ подарокъ сдѣланъ докторомъ съ моего разрѣшенія. Передъ отъѣздомъ онъ самъ приходилъ спросить, удобно-ли это сдѣлать.

Всѣ смотрѣли на молодого хозяина разинувъ ротъ, потому что въ его устахъ эти слова были столь же неожиданны какъ и вѣски. Сама Ида окончательно растерялась отъ изумленія и съ тревогой смотрѣла на Августа, ожидая, что неожиданная защита служитъ ему лишь предисловіемъ для особенно злой выходки. Но молодой хозяинъ остался спокоенъ, взялъ часы изъ рукъ Иды, внимательно осмотрѣлъ ихъ, приложилъ даже цѣпочку къ груди Иды, чтобы посмотрѣть, хорошо-ли выходитъ на платьѣ, и выглядѣлъ очень довольнымъ.

— Вотъ, что значитъ дружить съ вѣжливыми людьми! — сказалъ онъ смѣясь. — Мнѣ и безпокоиться нечего: они за меня посылаютъ тебѣ подарки! Однако шутки въ

*

сторону, теперь надо написать доктору хорошее письмо, потому что никогда ты не получала болѣе безобиднаго и почетнаго подарка. За это я ручаюсь!

Никогда прежде молодой хозяинъ не выказывалъ публично своихъ отношеній къ Идѣ. Поэтому теперь его замѣчаніе насчетъ того, что докторъ сдѣлалъ свой подарокъ какъ бы за него, было почти равносильно провозглашенію помолвки. Хозяйка прикусила себѣ губу и съ досадой отошла въ сторону; служанки почтительно притихли. Теперь всѣ видѣли, что намѣренія молодого хозяина относительно Иды были совершенно серьезны, и всѣмъ, кромѣ самой хозяйки, это очень понравилось.

Дольше всѣхъ не могла опомниться сама Ида. Вмѣсто позора и насмѣшекъ, которыхъ она ожидала, ей пришлось выслушать провозглашеніе того, что она желала больше всего въ жизни! Все еще не вѣря своимъ ушамъ, она подняла взглядъ на Августа. Но въ его глазахъ она увидѣла столько горячей и торжествующей любви, что сомнѣній въ ней сразу не стало...

И она вдругъ заплакала громко, навзрыдъ, передъ женихомъ и всей прислугой.

Лѣто прошло въ безмолвной, но ожесточенной борьбѣ на жизнь и смерть между старухой и Идой. Дѣло шло о томъ, которая изъ нихъ перетянетъ на свою сторону молодого хозяина. Ида была недостаточно опытна и слишкомъ опрометчива, чтобы равномѣрно поддерживать въ женихѣ огонь, подогрѣвавшій его любовь. Его трезвая привязанность часто казалась ей недостаточно пыл-

кой, и тогда она начинала сердиться на него, вздыхая о тѣхъ дняхъ начала ихъ любви, когда она могла дѣлать изъ него, что хотѣла, и платя ему равнодушіемъ за равнодушіе. Потомъ, когда оказалось, что этимъ она ничего кромѣ холодности добиться отъ него не могла, она вдругъ измѣнила тактику, приняла видъ напрасно обижаемой страдалицы и стала дѣйствовать на его природное великодушіе. Сначала это подѣйствовало. Жалобы Иды, которая всегда была прежде тверда и ни на что не жаловалась, трогали его и принуждали выступать ея защитникомъ. Но она стала злоупотреблять этимъ способомъ, поминутно требуя его вмѣшательства въ свои раздоры съ хозяйкой; вскорѣ онъ замѣтилъ вдобавокъ, что ея жалобы были очень часто преувеличены, а требованія—неосновательны. Тогда онъ снова сталъ очень сдержанъ и на всѣ ея жалобы началъ отвѣчать лишь спокойными совѣтами вооружиться терпѣньемъ, тѣмъ болѣе, что до его совершеннолѣтія оставалось уже недолго.

Это опять раздосадовало Иду. Не могла она выносить его спокойствія! Развѣ не онъ былъ причиной всей войны? Ясно, что ему слѣдовало принять на себя по меньшей мѣрѣ равную часть огорченій! Раздраженіе такъ ослѣпляло ее, что она утратила всю свою природную тактичность и стала положительно донимать его своими упреками, перемѣшанными съ жалобами на всякія огорченія, переносимыя изъ-за него.

Однако такая тактика оказалась еще неудачнѣе прежней и такъ надоѣла молодому хозяину, что онъ на-

чалъ даже избѣгать Иды. Онъ слишкомъ искренно любилъ ее и былъ слишкомъ честенъ, чтобы серьезно думать о разрывѣ съ нею. Но терпѣнія у него было мало, и въ ожиданіи лучшаго настроенія въ расположеніи духа Иды, онъ предпочиталъ не имѣть съ нею дѣла.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда однажды мать позвала его въ свою комнату.

Безъ предисловій заговорила она о его отношеніяхъ къ Идѣ и посовѣтовала во-время одуматься. Самъ вѣдь онъ видѣлъ, каковъ характеръ этой Иды... Что же будетъ потомъ, когда ей нечего будетъ опасаться? А вѣдь Аманда изъ Ханкала еще не замужемъ, хотя и поговариваютъ, что торговецъ изъ пастората засылаетъ къ ней сватовъ... Неужели Августъ Харваненъ допуститъ этого селедочника слизнуть передъ носомъ такое имѣнье, какъ Ханкала, а самъ женится на капризной работницѣ?

Молодой хозяинъ вышелъ отъ матери очень задумчивый. Онъ и не замѣтилъ Иды, которая подслушала весь разговоръ изъ сосѣдней комнаты...

Въ тотъ же день, видя, что онъ остается задумчивъ, Ида шепнула ему, чтобы онъ приходилъ на слѣдующее утро на обычное мѣсто ихъ свиданій, въ еловую рощу. Такихъ свиданій не бывало уже болѣе двухъ недѣль; оба дулись одинъ на другого. Но молодой хозяинъ принялъ приглашеніе... Послѣ разговора съ матерью онъ хотѣлъ сдѣлать еще попытку урезонить Иду и предупредить ее, что если она... гмъ!.. если она не намѣрена смягчиться характеромъ... Ну, словомъ, поговорить съ нею серьезно.

И вотъ, все опрокинуто неожиданнымъ сообщеніемъ Иды! Молодой хозяинъ стоитъ передъ нею взволнованный, гордый, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. О разрывѣ не можетъ быть и рѣчи... Да и есть ли смыслъ въ разрывѣ, когда ихъ любовь запылала яснѣе и жарче, чѣмъ когда-либо! Теперь Ида уже не простая любовница для него; это возлюбленная и другъ на всю жизнь; это жена!

Августъ Харваненъ чувствуетъ себя на десять лѣтъ старше, чѣмъ былъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. И сколько въ немъ теперь бодраго мужества, сколько устойчивости! Вчерашній день представляется чѣмъ-то давно минувшимъ, послѣ чего прошло много, много лѣтъ. Вспоминать даже не хочется!

Еще разъ пытается онъ заглянуть ей въ глаза, но она опять въ смущеніи отворачивается. И опять онъ находитъ, что это прекрасно, что именно такъ и слѣдуетъ. Затѣмъ онъ беретъ ее за руку, и они медленно направляются домой.

Вдругъ раздается надъ ними рѣзкій хохотъ сороки, которая взвилась между кустами и громко хлопая крыльями полетѣла противъ вѣтра, не переставая хохотать.

Молодые люди оба вздрагиваютъ, пораженные непріятными звуками.

— Вѣдь прилетѣла же опять эта проклятая птица!—съ досадой произноситъ молодой хозяинъ и посылаетъ сорокѣ вслѣдъ тяжелый камень наудачу.

— Вѣчно она предвѣщала намъ однѣ напасти!—съ огорченіемъ соглашается Ида.

Оба суевѣрны, а сороки, какъ извѣстно, считаются въ народѣ вѣщуньями всякаго зла.

XIII.

Приближался знаменательный день, когда управленіе имѣніемъ Монола должно было перейти въ руки молодого хозяина. Полевыя работы были окончены, хлѣбъ—вымолоченъ и ссыпанъ въ закромы. Всѣ отдыхали послѣ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ; зимнія еще не начинались. И въ длинныя осеннія ночи всѣмъ спалось какъ-то спокойнѣе.

Въ продолженіе всей молотьбы молодой хозяинъ и приказчикъ ежедневно сталкивались въ ригахъ и на гумнѣ, всецѣло занятые своимъ дѣломъ и обмѣниваясь лишь необходимѣйшими словами. Молодой хозяинъ работалъ, какъ батракъ, такъ ему хотѣлось показать людямъ, на что онъ способенъ и насколько онъ не бѣлоручка. Со своей стороны приказчикъ только мягко улыбался и хвалилъ трудолюбіе хозяина, больше всего заботясь, чтобы люди не подумали, что онъ огорченъ предстоящимъ своимъ увольненіемъ и золъ противъ хозяина. Только разъ они обмѣнялись мнѣніями о хозяйствѣ вообще. Съ цѣпомъ въ рукахъ и обливаясь потомъ послѣ горячей мо-

лотьбы, молодой хозяинъ какъ-то выпрямился и съ досадой замѣтилъ, что пора бы оставить ручную молотьбу въ такомъ большомъ имѣніи, какъ Монола, и что прямой расчетъ завести молотилку. На это приказчикъ мягко и покровительственно отвѣтилъ, что молотилка одно изъ нововведеній господъ помѣщиковъ, но что помѣщики вѣдь разоряются... Стоитъ-ли брать съ нихъ примѣръ?

— Вотъ хоть бы надняхъ — слыхали вы можетъ быть? — объявленъ несостоятельнымъ владѣлецъ Имола,— продолжалъ онъ.—Такъ вотъ, самымъ крупнымъ его кредиторомъ оказался продавецъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, которыхъ въ Имола заведена пропасть и которыя совсѣмъ неудобны, потому что стоютъ дорого и требуютъ постоянныхъ починокъ. То ли дѣло у крестьянъ! Земледѣліе идетъ ровнымъ ходомъ безъ всякихъ машинъ и затѣй.

Молодой хозяинъ началъ возражать и завязался споръ, въ которомъ оба чувствовали, что высказываютъ въ сущности программу своего управленія имѣньемъ. Но именно по этой причинѣ оба говорили очень сдержанно, съ преувеличеннымъ спокойствіемъ и отнюдь не повышая голоса. Молодой хозяинъ не хотѣлъ обнаружить въ присутствіи рабочихъ своего злораднаго торжества надъ приказчикомъ, а тотъ не желалъ показаться огорченнымъ. И оба разсуждали самодовольно, съ величайшимъ чувствомъ собственнаго достоинства, но отнюдь не горячась и только пристально присматриваясь въ выраженію лица противника.

Приближалось первое ноября, день всѣхъ святыхъ, съ котораго считаются всѣ сельскіе договоры по найму. Но даже хозяйка, которой въ этомъ случаѣ одинаково повѣряли свои чувства Августъ и приказчикъ, не могла сказать, чтобы тотъ или другой сказалъ о противникѣ хоть одно дурное слово. Съ тѣхъ поръ, какъ объявлено было, что молодой хозяинъ самъ берется за управленіе имѣньемъ, его отношенія къ приказчику стали даже менѣе натянутыми, хотя ихъ взаимная ненависть достигла теперь своего полнаго развитія.

Тихо жилось въ усадьбѣ, гдѣ любовь и ненависть таились одинаково тщательно. Открытыхъ дѣйствій здѣсь никто не желалъ, какъ не желалъ всего шумнаго и безпокойнаго. Здѣсь привыкли любить и ненавидѣть безъ проявленій своихъ чувствъ, но стойко, цѣлую жизнь. Суровая природа отражалась на характерѣ людей, которые примѣнялись къ ней и тѣломъ и душой.

Ненависть молодого хозяина къ увольняемому приказчику получила оттѣнокъ презрѣнія. Со своей стороны приказчикъ чувствовалъ себя глубоко униженнымъ, хотя давно уже привыкъ къ мысли, что долженъ будетъ уйти, когда хозяинъ достигнетъ совершеннолѣтія. Но высказывать такія чувства не полагалось. Приказчикъ даже въ разговорахъ съ женой постоянно высказывалъ мысль что его увольненіе въ порядкѣ вещей и не имѣетъ въ себѣ ничего несправедливаго. Но въ дѣйствительности и мужъ и жена были глубоко огорчены... Въ сознаніи своего великаго,но тщательно затаеннаго горя они стали

еще благочестивѣе прежняго. Все чаще и чаще доносилось изъ ихъ флигеля пѣнье псалмовъ; ниже прежняго склоняли они голову при всякомъ упоминаніи о Всевышнемъ; а жена приказчика ходила уже не иначе, какъ потупившись и со сложенными крестъ-на-крестъ руками.

Само собою разумѣется, что хозяйка была тронута такой выдержкой и такимъ смиреніемъ своихъ друзей и дѣлала все, что могла, чтобы смягчить ихъ огорченіе. Ей приходило даже въ голову наградить увольняемаго приказчика нѣсколькими билетами изъ числа хранившихся въ ея комодѣ. Но эту мысль она покинула въ первый же разъ, какъ взглянула на свои билеты, порѣшивъ, что не стоитъ тратить денегъ тамъ, гдѣ можно обойтись безъ этого, и что уваженіе друзьямъ можно выразить въ болѣе дешевой формѣ.

Вмѣсто награды приказчикъ и его жена получили приглашеніе на вечеръ въ послѣднее воскресенье ихъ пребыванія въ Монола.

Всѣ знали, что увольняемый приказчикъ не успѣлъ еще пріискать себѣ другого мѣста и что вся семья рискуетъ впасть въ крайнюю нужду, если онъ долго пробудетъ безъ заработка. Это увеличивало общее сочувствіе къ уходившему приказчику.

Въ дѣйствительности приказчикъ сообщилъ своей женѣ нѣчто другое. Онъ имѣлъ свѣдѣнія, что конкурсное правленіе въ имѣніи Имола было очень недовольно своими дѣлами и начинало приходить къ убѣжденію, что

такъ какъ нѣтъ возможности выгодно продать имѣнье, лучше всего сдать всю землю въ аренду. Единственнымъ же надежнымъ арендаторомъ въ округѣ могъ быть только онъ, восемь лѣтъ управлявшій имѣніемъ Монола, которое было конечно значительно меньше, но зато не было запущено... Приказчикъ признавался даже, что имѣлъ уже объясненіе съ предсѣдателемъ конкурсного правленія и что дѣло повидимому устраивалось Такимъ образомъ они могли надѣяться, что и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ, что скоро въ ихъ вѣдѣніи будетъ еще большее имѣнье, чѣмъ было, и что впослѣдствіи, можетъ быть, благодаря своимъ сбереженіямъ и умѣлому распоряженію въ имѣніи, они сдѣлаются владѣльцами Имола. Такъ-то Господь возстановляетъ то, что злые люди принижаютъ!

Однако ни мужъ, ни жена не выдавали своихъ честолюбивыхъ замысловъ ни единымъ взглядомъ и держали себя смиреннѣе, чѣмъ когда-либо. Хозяйка даже снова вынула было, свои билеты, но подумавъ и поборовъ въ себѣ сильное чувство состраданія, вторично положила билеты на мѣсто. Къ этому ее побудило и то, что именно въ этотъ день Августъ пришелъ къ ней и усмѣхаясь сообщилъ довольно странное открытіе, сдѣланное имъ при повѣркѣ хлѣбныхъ амбаровъ. Оказалось, что приказчикъ имѣлъ привычку встряхивать мѣру при насыпкѣ ржи для пріемки, но не допускалъ встряхиванья при сдачѣ... Такимъ образомъ получалась разница въ добрыхъ семь четвертей на сто, причемъ разницы этой въ

книгахъ нигдѣ не было показано... «Гмъ!.. конечно, не стоитъ теперь говорить объ этомъ, такъ какъ приказчикъ уходитъ! Но принять это къ свѣдѣнію не мѣшаетъ, такъ какъ за восемь лѣтъ!...».

Хозяйка согласилась, что говорить объ этомъ не слѣдовало, но долго не могла забыть о сдѣланномъ открытіи и больше не вынимала своихъ билетовъ.

Передъ отъѣздомъ приказчикъ и его жена начали выказывать Идѣ особенно много участія. Они вѣдь сами находились «наканунѣ бѣдствій» и, конечно, сочувствовали всѣмъ страждущимъ! Въ страданіяхъ же Иды они не сомнѣвались... Ихъ участіе выразилось сначала въ томъ, что жена приказчика стала приглашать Иду на свои псалмопѣнія. Ида была тронута такимъ вниманіемъ, добрыхъ два часа пѣла псалмы на одномъ изъ благочестивыхъ собраній приказчика и внимательно прослушала его проповѣдь на дневной текстъ. Послѣ этого жена приказчика начала при каждомъ случаѣ зазывать Иду, пускаясь съ нею въ длинные разговоры, и наконецъ однажды прямо спросила, нѣтъ-ли у нея какого-нибудь горя, которое могли бы облегчить ей друзья, хотя бы только искреннимъ сочувствіемъ.

Ида не была избалована сердечностью людей. Въ домѣ тетки чувствительностью никто не отличался. Меньше всѣхъ былъ чувствителенъ самъ молодой хозяинъ... Поэтому участіе жены приказчика произвело на нее очень сильное впечатлѣніе и вызвало порывъ горячей благодарности. Но откровенничать она не привыкла.

— Я вовсе не горюю о чемъ-нибудь особенномъ!— пробормотала она потупившись.—Но жизнь бываетъ тяжела... У всякаго свои огорченія...

— Да, да!.. Жизнь прожить не поле перейти?—кивая головою съ убѣжденіемъ замѣтила женщина, приготовляясь выслушать признанія Иды.

Однако многаго она не узнала. Ида уклончиво отвѣчала на самые ловко поставленные вопросы и ускользала изъ рукъ, какъ вьюнъ. Выяснилось лишь, что страдаетъ Ида «отъ любви». Но это жена приказчика знала и безъ того, какъ знала, что возлюбленнымъ Иды былъ самъ молодой хозяинъ. Во всемъ округѣ распространилась уже эта вѣсть.

Чтобы добиться чего-нибудь существеннаго, она сдѣлала прямой вопросъ:

— Стало быть у васъ скоро состоится и свадьба? Вѣроятно, какъ только молодой хозяинъ достигнетъ совершеннолѣтія?..

— Этого еще нельзя сказать навѣрняка,—отвѣтила Ида, отворачиваясь.

— Развѣ хозяйка противится?

— Кто ее знаетъ... Прямо она еще не высказывалась, да и мы ее не спрашивали...

Дальше этого, при всемъ своемъ желаніи, жена приказчика проникнуть не могла и въ отвѣтъ на самые смѣлые вопросы получала отъ смущенной Иды только:

— Почемъ я знаю... Право, не знаю какъ и сказать!..

Въ концѣ концовъ благочестивая женщина потеряла терпѣніе, и, оставивъ надежду добиться чего-нибудь важнаго, произнесла въ видѣ заключенія:

— Во всякомъ случаѣ, помните, Ида: если съ вами случится какая-нибудь бѣда, или вамъ станетъ не подъ силу переносить огорченія въ домѣ тетки, у васъ есть друзья, на которыхъ вы можете положиться!

Ида поспѣшила увѣрить, что никакихъ особенныхъ несчастій ей не предвидится, но при этомъ такъ глубоко вздохнула, что жена приказчика сочла необходимымъ напомнить ей, что у всѣхъ страждущихъ есть заступникъ и утѣшитель, къ которому не мѣшаетъ обращаться почаще.

Такимъ же способомъ приказчикъ и его жена расположили въ свою пользу всѣхъ прочихъ обитателей Монола. Съ хозяйкой они говорили о спасеніи души, сначала пугая ее размышленіями о скоротечности жизни и затѣмъ утѣшая надеждой на вѣчное блаженство въ Царствіи Небесномъ. Съ рабочими они ловко заговаривали о заработкѣ и трудѣ, давая понять, что были бы готовы и впредь оставаться защитниками бѣдныхъ людей въ Монола, но что Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ судилъ иначе... Теперь существованіе рабочихъ будетъ зависѣть не отъ нихъ, а отъ молодого хозяина!.. Впрочемъ, они надѣются, что несмотря на свою неопытность и легкомысліе, молодой хозяинъ съ Божьей помощью будетъ исполнять свои обязанности удовлетворительно!—И слушая ихъ рѣчи, уснащенныя красивыми

словами и благочестивыми замѣчаніями, каждый невольно начиналъ думать, что съ уходомъ приказчика теряетъ очень много.

Молодой хозяинъ началъ чувствовать, что настроеніе людей становилось противъ него. Ида, не объясняя даже причины, опять стала къ нему холодна. Рабочіе поглядывали на него изподлобья. Даже мать начала относиться къ нему чрезвычайно сдержанно. Не было человѣка, который взялся бы объяснить, что именно ставилось ему въ вину, но по общей холодности онъ видѣлъ, что общественное мнѣніе было противъ него. Онъ былъ одинокъ и чувствовалъ, что можетъ полагаться только на самаго себя. Впрочемъ этого онъ нисколько не пугался.

Наступило первое ноября. Утро было пасмурное; небо заволакивали тяжелыя, темныя тучи; по временамъ моросилъ мелкій дождь. Въ Монола настроеніе царило самое погребальное.

Послѣ завтрака, къ величайшей досадѣ молодого хозяина, его мать приказала созвать всѣхъ рабочихъ и ближайшихъ арендаторовъ. Затѣмъ всѣхъ пригласили въ большую залу, гдѣ уже сидѣли на почетномъ мѣстѣ приказчикъ и его жена, и началось угощеніе кофеемъ. Хозяйка желала выказать, что не выгоняетъ своихъ друзей, а разстается съ ними поневолѣ, вполнѣ понимая сколько она при этомъ теряетъ.

Послѣ кофея водворилось тяжелое безмолвіе. Всѣ поглядывали на молодого хозяина, какъ бы ожидая, что

онъ скажетъ приказчику хоть нѣсколько прочувствованныхъ словъ о его полезной дѣятельности. Но молодой хозяинъ ушелъ въ свою комнату и вернулся лишь нѣсколько позже съ закуренной папиросой въ зубахъ. Тотчасъ же всѣ почувствовали, что ихъ торжественное настроеніе разсѣивается, и рабочіе зашевелились, какъ бы собираясь разойтись. Тогда поднялся со своего мѣста самъ приказчикъ, и торжественность проводовъ была спасена.

Онъ заговорилъ немного печальнымъ, но мягкимъ и пріятнымъ голосомъ, при чемъ его благожелательныя слова сопровождала еще болѣе благожелательная улыбка. Прежде всего онъ поблагодарилъ хозяйку за многіе годы, проведенные у ней на службѣ и за то, что, собравъ теперь рабочихъ, она дала ему возможность торжественно проститься съ людьми, съ которыми онъ такъ долго работалъ. Затѣмъ онъ обернулся къ рабочимъ и простился съ ними сердечно, назвавъ ихъ своими дорогими сослуживцами.

И только.

Ни слова не сказалъ онъ о молодомъ хозяинѣ! Ни словомъ не обмолвился о будущемъ управленіи имѣньемъ! И это не смотря на все, что онъ вытерпѣлъ отъ строптивости молодого хозяина! Да, это человѣкъ, который умѣетъ владѣть собою, потому что совѣсть у него чиста!

Такъ думали почти всѣ присутствовавшіе. Самъ молодой хозяинъ понялъ, что въ умолчаніи о нёмъ приказчика было тяжелое обвиненіе. Но онъ не захотѣлъ воз-

ражать, утѣшая себя мыслію, что приказчикъ досаждаетъ ему въ послѣдній разъ, и не сталъ портить торжественныхъ проводовъ.

Между тѣмъ приказчикъ вынулъ изъ кармана псалтырь, окинулъ собравшихся такимъ взглядомъ, какимъ окидываетъ свою паству пасторъ передъ проповѣдью, и прибавилъ понижая голосъ.

— Друзья мои! Прежде чѣмъ мы разстанемся, пропоемъ хваленіе Господу Богу, давшему намъ силы выполнить наши обязанности до конца.

Псаломъ былъ пропѣтъ съ благоговѣніемъ. Настроеніе опять явилось приподнятое. Всѣ были тронуты и восхищены великодушіемъ благочестиваго приказчика. Только молодой хозяинъ съ раздраженіемъ подумывалъ о «разныхъ проклятыхъ ханжахъ, которые морочатъ людей и выставляютъ себя мучениками, а въ дѣйствительности они только ловкіе плуты и притворщики». Самые проводы съ рѣчью къ рабочимъ и съ псалмопѣніемъ, онъ называлъ въ душѣ «комедіей».

Однако никто не раздѣлялъ такихъ взглядовъ. Всѣ находили, что приказчикъ держалъ себя съ достоинствомъ и поступалъ великодушно, платя добромъ за зло.

Началось прощаніе. Всѣ пожимали уѣзжавшимъ руки, причемъ женщины низко присѣдали и утирали глаза уголкомъ передника. Сама хозяйка была такъ растрогана, что должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не сходить за своими уже дважды вынимавшимися изъ комода билетами.

Затѣмъ всѣ вышли на дворъ, провожая уѣзжающихъ до почтовой телѣжки. Молодой хозяинъ съ досадой смотрѣлъ на все это «представленіе»; но когда телѣжка уже трогалась съ мѣста, приказчикъ и его жена взглянули на него съ такимъ достоинствомъ, что и онъ на минуту растерялся, соображая ужъ не обидѣлъ-ли онъ ихъ въ самомъ дѣлѣ... Каково, если онъ ошибся и напрасно добивался удаленія приказчика?

Въ слѣдующую минуту онъ былъ уже опять спокоенъ и даже повеселѣлъ, когда телѣжка выѣхала за ворота.

— И подумать, что мы добровольно лишаемся такого человѣка!—вздыхая проговорила хозяйка.

— Ну, теперь дѣло сдѣлано!—отвѣтилъ сынъ улыбаясь.

Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ плакавшую Иду; глядя на нее расплакалась и сама хозяйка. Весь домъ непритворно оплакивалъ уѣхавшихъ, и никто не радовался тому, что молодой хозяинъ вступаетъ наконецъ въ управленіе своимъ имѣніемъ. Въ концѣ концовъ опечалился даже онъ самъ,—такъ тяжело было видѣть общее уныніе.

XIV.

Не смотря на свою наружную холодность молодой хозяинъ положительно страдалъ отъ угнетеннаго состоянія духа Иды, и вскорѣ послѣ отъѣзда приказчика, онъ

отправился къ матери, чтобы объясниться съ нею напрямки. Онъ надѣялся, что когда будетъ объявлена ихъ помолвка, Ида опять сдѣлается такой, какой была до нынѣшняго лѣта.

Все послѣднее время заботы объ имѣніи отвлекали его отъ сердечныхъ дѣлъ. Съ Идой ему приходилось видаться лишь мелькомъ, при чемъ всякій разъ ея печальный видъ огорчалъ его, но раскаянія онъ не чувствовалъ; наоборотъ, онъ по прежнему гордился приближавшимся событіемъ... Удивляло его только, что въ наружности Иды не происходило никакой перемѣны. Можетъ быть даже было неблагоразумно скрывать свое положеніе такъ искусно?.. Но теперь мать узнаетъ всю правду и по крайней мѣрѣ Идѣ не надо будетъ калѣчить себя разными шнуровками!

На объясненіе съ матерью онъ рѣшился только, чтобы скорѣе избавить Иду отъ тягостнаго положенія. Самъ онъ разумѣется предпочелъ бы дождаться своего совершеннолѣтія и сдѣлать оглашеніе въ церкви, ни слова не сказавъ матери. Этого она заслужила своими придирками къ Идѣ и тѣмъ, что постоянно унижала его самого. Такъ онъ и предполагалъ сдѣлать сначала. Во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ поръ, какъ Ида сообщила ему о своемъ положеніи, онъ не допускалъ ни малѣйшихъ колебаній въ вопросѣ о женитьбѣ. Покинуть мать своего ребенка было бы грѣшно и позорно; даже мысленно допускать, такой поступокъ было бы грѣшно!

Когда онъ вошелъ къ матери, она тотчасъ же уга-

дала по выраженію его лица, о чемъ онъ пришелъ переговорить. По нѣкоторымъ соображеніямъ она всѣ послѣдніе дни ожидала объясненія и даже была этому очень рада. Но не въ ея привычкахъ было выдавать свои чувства какими бы то ни было наружными проявленіями. Поэтому она встрѣтила сына совершенно безстрастнымъ взглядомъ и не выказала ни волненія, ни удивленія, когда онъ не менѣе спокойно объявилъ, что намѣренъ въ ближайшее же воскресеніе потребовать оглашенія его помолвки съ Идой.

Выслушавъ сына, старуха только пристально посмотрѣла на него и легонько вздохнула, какъ бы считая дѣло сдѣланнымъ.

— Стало быть ты наконецъ согласна?—необдуманно вскричалъ онъ, не дождавшись другого отвѣта.

— Да что я подѣлаю, сынокъ? Черезъ мѣсяцъ ты совершеннолѣтній человѣкъ и можешь поступать, какъ тебѣ угодно!

Это она проговорила сдержанно, но съ такимъ видомъ, точно ей не легко было давать такое вынужденное согласіе. Однако Августъ не въ состояніи былъ скрыть своей радости.

— Ну, наконецъ-то ты!—вскричалъ онъ весело.— Стало быть теперь...

Его рѣчь вдругъ оборвалась, когда онъ замѣтилъ, что губы матери сложились въ злую усмѣшку и что она смотрѣла на него съ величайшимъ презрѣніемъ.

— Теперь, мнѣ остается только сказать тебѣ,

Августъ,—продолжала она за него,—что жениться ты конечно воленъ, но что жениться на дѣвкѣ, валандавшейся съ господами, очень стыдно!

Къ концу рѣчи голосъ ея повысился и послѣднее слово она выговорила съ особеннымъ удареніемъ.

— Постой, мать. Этого ты не должна мнѣ говорить! Небось я знаю, какова Ида!

— Ты знаешь? Въ твои-то годы?.. Пфу! Можешь быть покоенъ, всякая неглупая дѣвченка проведетъ тебя за носъ куда угодно! На то ты еще молокососъ... Такъ-то, мой мальчикъ!

Въ словахъ матери было столько самоувѣренности и столько глубочайшаго презрѣнія къ «молокососу», что молодой господинъ Харваненъ невольно смутился. Ни чувства собственнаго достоинства, ни обычной самоувѣренности не было уже въ немъ, когда онъ торопливо пробормоталъ:

— Не станешь же ты утверждать, что Ида и докторъ...

— Я говорю только, что ты глупъ, мой бѣдный паренекъ!

— Этого ты не имѣешь права говорить!—вскричалъ Августъ, стараясь ободрить себя.

— Небось, имѣю! Кто можетъ запретить мнѣ смѣяться надъ дурачкомъ?

— Ладно, смѣйся, сколько хочешь. А я сдѣлаю по своему!—объявилъ сынъ, принимая безпечный тонъ.

— Да развѣ я сомнѣваюсь въ этомъ? Только меня-

то ужъ не зови на такую свадьбу. Я знаю то, что̀ знаю, и зря говорить не люблю... А ты дѣлай, какъ хочешь.

— Что ты знаешь объ Идѣ?

— Да то-же, что и всѣ! Только ты не знаешь, кажется...

— Въ чемъ же дѣло? Говори прямо.

— Фу ты, Господи! Что толку говорить съ тобой, когда ты все-таки намѣренъ жениться на ней! Не стоитъ и языкъ мозолить. Бросимъ лучше весь этотъ разговоръ... Ты упрямъ, мой милый сынокъ.

— Я хочу знать, что вы плетете объ Идѣ!—настойчиво повторилъ онъ.—Если ты желаешь мнѣ добра, ты не станешь же таить отъ меня.

Ревность сразу одушевила его и теперь онъ опять говорилъ твердо, а глаза его засверкали.

— Ахъ, Августъ, тебѣ вѣдь всего двадцать лѣтъ, а Идѣ уже больше. Въ этомъ возрастѣ дѣвушка не дитя и можетъ морочить настоящаго мужчину. А ты какъ былъ мальчишкой, такъ мальчишкой и остался, не смотря на все твое ученье, и всѣ твои мерзкія привычки, и все твое пьянство съ горожанами! Самъ ты этого не замѣчаешь, конечно, но въ глазахъ умныхъ людей ты щенокъ!

— О—хо!—вырвалось у Августа.

— Да, да, мой мальчикъ. Ты скоро будешь совершеннолѣтнимъ—это такъ. Но ума у тебя отъ того не прибавится, потому что человѣкомъ ты сдѣлаешься еще не скоро.

— О—хо!—немножко тише отозвался молодой хо-

зяинъ и невольно заморгалъ подъ острымъ взглядомъ матери.

Между тѣмъ старуха сама разгорячилась и продолжала уже безъ своего напускного спокойствія:

— Но я-то вѣдь еще жива, сынокъ, и пока я буду въ силахъ, я сдѣлаю все, чтобы спасти нашъ домъ отъ позора. Если же ты все-таки женишься, не жди, чтобы я стала жить въ домѣ, гдѣ дѣвка сдѣлалась хозяйкой! Небось и ты потомъ поймешь, да будетъ поздно... Когда дѣвушки добиваются чего-нибудь, онѣ всѣ бываютъ очень милы, а Ида добивается не малаго: она хочетъ быть хозяйкой въ Монола! Но потомъ, когда дѣло будетъ сдѣлано, тогда ты ее узнаешь. Да! Тогда она будетъ посвистывать, а тебѣ придется плясать! Всегда такъ было, и всегда такъ будетъ, пока на свѣтѣ будутъ водиться пройдохи и такіе глупые щенки, какъ ты. Взрослый мужчина понялъ бы это, но ты не взрослый мужчина—ты молокососъ; за ушами у тебя еще не просохло!—Ну, довольно объ этомъ! Я сказала, что слѣдовало, и теперь ты можешь жениться на комъ хочешь и смѣшить людей, сколько тебѣ угодно! Любопытно только, какъ будетъ чувствовать себя Ида, когда станетъ хозяйкой въ томъ самомъ домѣ, гдѣ она путалась съ этимъ господиномъ изъ Гельсингфорса!

— Все это потому, что докторъ прислалъ Идѣ часы?—вставилъ Августъ какъ можно спокойнѣе. Но мать тотчасъ же услышала по его голосу, что ея слова подѣйствовали на него.

— Примѣтъ было довольно... да и часы тоже!— сказала она съ презрѣніемъ.—Послѣдній дуракъ, и тотъ могъ бы понять, что не станетъ же чужой господинъ дарить часы съ цѣпочкой простой деревенской служанкѣ! Да и не водится у насъ, чтобы дѣвушка принимала такіе подарки иначе, какъ отъ любовника. Смекни хорошенько, тогда и тебѣ станетъ ясно! Во всякомъ случаѣ съ меня довольно и больше я не хочу говорить объ этомъ.

Молодому хозяину было всего двадцать лѣтъ. Не мудрено, что онъ не былъ достаточно стоекъ!.. Его намѣреніе смѣло объясниться съ матерью и открыть ей, въ какомъ положеніи Ида, разсѣялось. Онъ увѣрялъ себя, что ни въ чемъ не перемѣнилъ мнѣнія о ней и вовсе не вѣритъ разнымъ сплетнямъ; но въ то же время онъ находилъ неудобнымъ откровенничать именно теперь. И онъ вышелъ, отложивъ свое признаніе до другого раза.

Между тѣмъ зароненныя матерью мысли стали въ немъ копошиться и постепенно распалили ревность, а ревность породила подозрѣнія. «Вѣдь Ида въ самомъ дѣлѣ стала совсѣмъ не та, что прежде... Что, если она въ самомъ дѣлѣ?.. Что если ребенокъ не отъ него, а отъ доктора?..»

Такія ядовитыя мысли совсѣмъ подавили его; онъ сдѣлался мраченъ и задумчивъ. Идѣ не пришлось даже выпытывать у него, такъ ясно было выражено въ его лицѣ и въ его смущеніи при первой же встрѣчѣ съ ней, что матери удалось поколебать его рѣшимость. Ида по-

чувствовала при этомъ глубокое презрѣніе къ нему и поняла, что онъ еще дитя, которое не съумѣетъ постоять за себя, если она не принудитъ его силою.

Къ этому времени отъ прежней веселой и беззаботной Иды не оставалось и слѣда. Въ добавокъ она заразилась фанатизмомъ жены приказчика и въ свободныя минуты усердно посѣщала сходки мѣстныхъ читальщиковъ. Работала она попрежнему очень усердно, но временамъ напѣвая себѣ подъ носъ отрывки разныхъ благочестивыхъ пѣсенъ; по воскреснымъ же днямъ, когда всѣ бывали свободны и молодому хозяину представлялась возможность поговорить съ нею, объ этомъ нечего было и думать: утро она проводила въ церкви, а послѣ обѣда, если не уходила на сходку читальщиковъ, то устраивала псалмопѣнье съ прочими служанками въ кухнѣ. При этомъ, если молодой хозяинъ входилъ въ кухню, пѣнье смолкало, всѣ женщины угрюмо потуплялись надъ своими молитвенниками, а Ида бросала жениху взглядъ, полный укора.

Все это обижало молодого хозяина и удаляло его отъ Иды. Онъ почувствовалъ даже охоту отомстить Идѣ и показать ей свою независимость. Въ одинъ ясный холодный денекъ, когда установился первый санный путь, онъ даже съѣздилъ въ Ханкала и вечеромъ привезъ домой точь-въ-точь, какъ бывало прошлой зимой, попрежнему поминутно прыскавшую со смѣха Аманду. И вотъ опять пришлось Идѣ стоять съ подносомъ въ рукахъ передъ Амандой, опять молодой хозяинъ посмѣивался на-

шептывая что-то своей гостьѣ, опять хозяйка съ торжествомъ поглядывала на свою принижениую племянницу.

Но это повело только къ тому, что Ида, хотя и не выказала этого, почувствовала себя смертельно оскорбленной. Послѣ того, какъ она сообщила ему о своемъ положеніи!.. Она находила поступокъ Августа безобразнымъ. Но въ томъ-то и было ея горе, что положеніе, которое она такъ торжественно объявила жениху, начинало пугать ее своей неопредѣленностью. Не только оно не подтверждалось, а даже наоборотъ, какъ будто разсѣявалось, точно мечта...

Въ слѣдующее воскресенье Ида по обыкновенію вмѣстѣ со всѣми отправилась въ церковь. Но на церковномъ дворѣ она подъ какимъ-то предлогомъ отстала отъ своихъ спутниковъ, а когда раздались звуки органа и началось богослуженіе, поспѣшно выбралась за церковную ограду. Робко озираясь по сторонамъ и съ тревожно бьющимся сердцемъ побѣжала она впередъ по большой дорогѣ. Не останавливаясь пробѣжала она мимо двухъ хуторовъ, своротила на проселочную дорогу и скоро добралась до бѣдной избушки, ютившейся въ сторонѣ отъ большой дороги, между небольшимъ полемъ и лѣсомъ. У самой избушки Ида почувствовала такое мучительное сердцебіеніе, что принуждена была сѣсть на камень чтобы перевести духъ.

Въ этой избушкѣ жила извѣстная во всемъ округѣ

знахарка, которая считалась отчасти колдуньей и которой поэтому всѣ боялись. Въ болѣзняхъ и въ бѣдѣ мужики часто обращались къ этой знахаркѣ; но Идѣ не доводилось еще имѣть съ нею дѣла, и она даже не видала ея... Не думала она, что придется и ей обращаться къ ужасной старухѣ, да еще въ воскресенье, во время богослуженія!..

Однако надо было войти. Передохнувъ она встала и вошла не постучавъ.

Изба была тѣсна, но чрезвычайно опрятна, и ничто не обнаруживало богопротивныхъ занятій жилицы. Въ горницѣ никого не было; торопливо позвякивали только простые стѣнные часы. Но вотъ изъ-за перегородки послышался голосъ, спрашивавшій кто пришелъ.

Ида перевела духъ и замирающимъ голосомъ отвѣтила, что хочетъ поговорить съ бабушкой Марьей-Леной.

Марья-Лена вышла. Это была старуха, какъ старуха, не безобразнѣе и не страшнѣе большинства другихъ старухъ ея лѣтъ. Только черныя брови при совершенно сѣдыхъ волосахъ и на старческомъ, сморщенномъ лицѣ придавали ей что-то странное и зловѣщее.

— Что тебѣ, дѣвушка, нужно?—спросила старуха неторопливо.—Ужъ не заболѣлъ ли у васъ кто-нибудь?

— Нѣтъ,бабушка,—съ смущеніемъ отвѣтила Ида.—Это я сама...

— Ты сама? Что же у тебя такое?

— Простите, бабушка, что я потревожила васъ въ церковное время. Иначе мнѣ никакъ нельзя было придти къ вамъ...

— Ничего, ничего, касатка.

— Мнѣ нужно... мнѣ нужно, бабушка Марья-Лена... попросить у васъ... такъ сказать, совѣта.

— Отчего же, дѣвушка, не посовѣтоваться? Дѣло хорошее! Я всегда готова помочь человѣку, конечно, если могу...

— Навѣрное можете, бабушка Марья-Лена! Я много слышала о васъ...

— Можетъ быть, могу, а можетъ—и нѣтъ! Ты не робѣй, дѣвушка, и говори прямо.

— Вы меня, поди, не знаете, бабушка? Я Ида Харваненъ изъ Монола.

— Вотъ оно что!—протянула старуха, изъ вѣжливости притворяясь удивленной, хотя отлично знала Иду въ лицо.—Такъ вотъ вы кто! И вы говорите, что у васъ всѣ здоровы? Въ чемъ же ваше дѣло?

— Правда-ли, бабушка, будто вы можете... Люди говорятъ, что вы можете помочь... т. е. можете пособить, если кому-нибудь нужна ваша помощь?..

— Гмъ... конечно! Только нелегко сказать могу-ли я въ чемъ-нибудь помочь, когда неизвѣстно чего отъ меня хотятъ. Лучше всего садитесь, Ида, и потолкуемъ, какъ слѣдуетъ. Понимаю вѣдь я, что вы пришли не съ пустяками... Изъ-за пустяковъ ко мнѣ не приходятъ въ церковное время!

Старуха многозначительно усмѣхнулась и опустилась на лавку рядомъ съ начинавшей ободряться дѣвушкой.

— Да, я пришла не по пустякамъ,—сказала Ида

задумчиво.—Вѣдь вы не выдадите меня, бабушка Марья-Лена? Могу ли я положиться на васъ?.. Не доводилось мнѣ еще...

— Старая Марья-Лена хранитъ не одну тайну,—вотъ что я тебѣ скажу, касатка!—внушительно проговорила старуха.—Хвастаться мнѣ нечего, но сказать я всегда могу, что довѣряли мнѣ люди, не тебѣ чета. Бывали въ этой горницѣ даже важные господа, которымъ я ворожила по картамъ и на гущѣ. Такъ-то, дѣвушка! Ну, и то сказать, что нынче люди стали какіе-то самоувѣренные, обращаются ко мнѣ больше въ болѣзняхъ, да въ родахъ, да при погребеніяхъ... А впрочемъ, приходятъ, случается и за другимъ...

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ... въ самомъ дѣлѣ умѣете... колдовать?

— Ужъ умѣю-ли, нѣтъ-ли, а доводилось мнѣ неразъ указывать людямъ сокрытое!—сказала Марья-Лена торжественно и посмотрѣла на Иду такимъ проницательнымъ взглядомъ, что та невольно покраснѣла, предполагая, что колдунья видитъ ее насквозь. Въ то же время въ ея сердце прокралась большая радость вслѣдствіе надежды, что старуха поможетъ ей.

На нѣкоторое время водворилось безмолвіе. Ида все не могла собраться съ духомъ и только краснѣла все гуще и гуще, такъ что щеки ея сдѣлались одного цвѣта съ губами. Наконецъ на выручку ей пришла сама Марья-Лена.

— Понимаю,—сказала она,—дѣло у васъ очевидно

любовное! Да, да, приходилось мнѣ не разъ помогать въ этомъ дѣвушкамъ. Одно только говорю вамъ напередъ: въ худыя дѣла старая Марья-Лена не впутывается. Нѣтъ, этого никто обо мнѣ не скажетъ! Не разъ приходили ко мнѣ съ просьбами помочь въ грязномъ дѣлѣ, но такъ и уходили со своимъ стыдомъ! Я не занимаюсь такими дѣлами. Этого и не ждите!

— Да я вовсе не за чѣмъ нибудь такимъ, бабушка!—торопливо и жалобно пояснила Ида.

— Не за такимъ? Ну и хорошо, и отлично! Такого и не замѣтно по тебѣ, дѣвушка. Я бы и говорить съ тобою не стала... Никто не скажетъ, что старая Марья-Лена прикрываетъ срамныя дѣла.

Старуха производила на Иду отнюдь не устрашающее впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что въ ней, не смотря на ея профессію, не было ничего таинственнаго. Довольно обыкновенная и ласковая старушка, съ которой можно было говорить не стѣсняясь... Чего же тутъ бояться?—Но дѣвушка все еще не могла побороть своей стыдливости.

— Не разложить-ли карты?—предложила Марья-Лена.

— Н... н... да... нѣтъ... какъ хотите! Конечно, если это нужно...

— А развѣ тебѣ не любопытно узнать, получишь-ли ты того, котораго желаешь?

— Нѣтъ!—протянула Ида.—У меня другое дѣло...

— Какое же такое дѣло, касатка?

— Я хочу удержать лю... любовника, котораго уже имѣю.

— Ахъ вотъ оно что!

Старуха замѣтно повеселѣла, понявъ наконецъ въ чемъ дѣло. До сихъ поръ она была довольно сдержанна, не желая ронять своего значенія слишкомъ большой угодливостью и опасаясь запутаться въ какую-нибудь бѣду. Но теперь она сразу успокоилась и приняла дѣловое выраженіе лица, дѣлая видъ, что раздумываетъ о подходящихъ средствахъ, но вовсе не затрудняется въ столь легкомъ и обыденномъ случаѣ своей практики. Именно своимъ спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу и непоколебимой вѣрой въ свое искусство она и сохранила репутацію колдуньи въ такой вѣкъ, когда суевѣрія начинали уже исчезать. Если бы она фокусничала, слава ея давно бы уже погибла, потому что молодые мужики подняли бы ее на смѣхъ.

Пока старуха перебирала въ умѣ извѣстныя ей средства, Ида вдругъ оживилась.

— Только пожалуйста, — сказала она торопливо, — не придумывайте ничего дорогого. У меня только двадцать марокъ — это всѣ мои сбереженія! Но если средство подѣйствуетъ, вы можете разсчитывать на гораздо большее... пожалуй даже на полное обезпеченіе на старости лѣтъ. Я вѣдь буду обязана вамъ всѣмъ моимъ богатствомъ!

— Вотъ оно что... гмъ! Значитъ, это богатый женишекъ?

Старуха лукаво подмигнула Идѣ, давая понять, что кое-что смекаетъ, а Ида вся похолодѣла, спохватившись, что проболталась о самомъ главномъ. Но Марья-Лена не дала ей опомниться и сочла необходимымъ сразу озадачить ее всѣмъ своимъ волшебствомъ. Она взяла дѣвушку за руку, заглянула ей въ глаза и внимательно стала разглядывать ея руку, морщась, точно разбирая неясную надпись.

— У тебя большія надежды, дитя мое,—медленно заговорила она,—и многое тебѣ удастся. Тебя любитъ владѣлецъ цѣлаго большого имѣнія, но его мать не позволяетъ ему жениться на тебѣ. Однако, утѣшься, касатка: путь къ счастію идетъ у тебя черезъ несчастія и страданья. Въ свое время ты получишь любимаго человѣка и все его богатство—это отмѣчено вотъ здѣсь, у мизинца, этой поперечной извилинкой. Можешь сама посмотрѣть.

Ида смотрѣла на старуху, выпучивъ отъ страха глаза.

— Почемъ вы все это знаете?—пробормотала она растерянно.

— И это, и многое другое отмѣчено у тебя на рукѣ!—торжественно провозгласила старуха.

Больше уже Ида не могла сомнѣваться и смотрѣла на ворожейку какъ на пророчицу. Умная старуха умѣла убѣждать людей, увѣряя только то, во что и безъ того людямъ хотѣлось вѣрить и ловко пользуясь доходившими до нея сплетнями.

— Но ты достигнешь своего не безъ борьбы! — продолжала она съ важностью. — Пріѣдетъ или уже пріѣзжалъ одинъ чужой господинъ, изъ-за котораго у тебя будутъ всякія хлопоты, даже огорченія. Это хорошій господинъ изъ какого-то большого города, вѣрнѣе всего изъ Гельсингфорса... А все таки ты его всячески остерегайся. Изъ-за него у тебя была уже досада и будетъ еще больше. Молодой хозяинъ имѣнія не любитъ этого господина и вообще не любитъ господъ... Онъ имъ не довѣряетъ. Впрочемъ, за тобой вины нѣтъ, хотя и выходитъ, будто ты виновата. Скоро самъ молодой хозяинъ убѣдится въ этомъ. Вообще, можешь не тревожиться, касатка!

Ида была такъ поражена, что сидѣла съ полураскрытымъ ртомъ и съ трудомъ переводила духъ. Ни одна разумная мысль не могла уже прійти ей въ голову, до такой степени подавляло ее колдовство старухи. Ей не пришло въ голову даже такое простое соображеніе, какъ то, что о богатыхъ владѣльцахъ Монола должны были ходить постоянные толки среди крестьянъ и что нѣтъ ничего мудренаго, если Марья-Лена слышала о докторѣ изъ Гельсингфорса. При томъ слова старухи навели ее на цѣлое открытіе, относительно своего возлюбленнаго. Она знала, что мать поселила въ немъ какія-то сомнѣнія, но не догадывалась какія именно. Теперь она ясно поняла, что хозяйка оклеветала ее и снова подняла старую сплетню о докторѣ.

Невольно всплеснула она руками.

— Господи Боже мой!—вскричала она въ отчаяніи.—Что, если онъ подумалъ, что ребенокъ отъ доктора!

Старуха пожевала губами, не зная какъ отнестись къ этому новому открытію и на всякій случай подтвердила:

— Да, таковы его мысли!

— Но въ томъ-то и дѣло, что я вовсе не беременна, бабушка! Я ошиблась... Я поторопилась объявить ему, когда сама думала... а потомъ ничего не оказалось.

— Да... гмъ... конечно!—бормотала совсѣмъ сбитая съ толку старуха и хлопала глазами, отчаяваясь разобрать путаницу. Но Ида и не замѣтила ея смущенія.

— Никакого ребенка нельзя больше ждать!—продолжала она въ сильнѣйшемъ возбужденіи.—Напрасно я только призналась тогда молодому хозяину! Онъ и теперь еще думаетъ, что у насъ будетъ ребенокъ. А какъ я скажу ему правду, когда ясно, что теперь насъ связываетъ только ожиданіе этого ребенка? Теперь его мать такъ настроила, что узнай онъ правду, онъ съ досады женился бы на Амандѣ изъ Ханкала. А вѣдь любитъ-то онъ меня, а вовсе не Аманду и только чтобы позлить меня онъ путается съ нею!—Господи, развѣ я не понимаю, что если бы у меня въ самомъ дѣлѣ родился ребенокъ отъ него, никакихъ препятствій къ нашей свадьбѣ не было бы. Прогнать меня съ ребенкомъ на рукахъ они и не подумали бы, потому это былъ бы для нихъ позоръ. Я не какая-нибудь наемная работница, я двоюродная

*

сестра молодого хозяина. Развѣ не такъ, бабушка Марья-Лена?

Старуха слушала эти признанія съ напряженіемъ и мигомъ поняла все, что̀ дѣлалось въ Монола. При томъ она сразу взглянула на дѣло съ практической стороны. Еще никогда не давалась ей въ руки такая богатая добыча! Дѣвушкѣ съ такими видами на будущность можно было пособить, хотя бы пришлось нарушить свое правило невмѣшательства въ опасныя дѣла. Тутъ можно было заработать побольше, чѣмъ гадая крестьянкамъ по картамъ да на кофейной гущѣ!

— Ну, ну, успокойся же, дитятко!—ласково проговорила она и даже погладила дѣвушку по рукѣ.—Мы вотъ подумаемъ, да обсудимъ все, какъ слѣдуетъ... Гляди и придумаемъ, что̀ дѣлать!—прибавила она, не зная еще съ какого конца взяться за дѣло.

Ида не только поддалась ласкѣ старухи, но даже прижалась къ ней, какъ перепуганное дитя. Своими собственными словами и перенесеннымъ потрясеніемъ она была совсѣмъ подавлена и потому была особенно чувствительна къ ласкѣ.

— Такъ-то, дѣвушка! — продолжала между тѣмъ Марья-Лена. — Стало быть, я должна тебѣ сначала помочь укрѣпить его любовь, а потомъ въ этомъ дѣлѣ съ ребенкомъ, котораго на дѣлѣ не оказалось? Такъ вѣдь, Ида?

— Такъ, бабушка! Иначе со мной случится бѣда. Не могу я видѣть этой Аманды изъ Ханкала, и если молодой хозяинъ женится на ней, я утоплюсь.

Ида пробормотала это тихо и глаза ея наполнились слезами. Она отвернулась при этомъ къ окну и стала тупо смотрѣть въ пространство.

— Стоитъ-ли говорить такія страсти, когда все еще можетъ наладиться, касатка?

— Да можетъ-ли? Беретесь ли вы мнѣ помочь, бабушка Марья-Лена?

— А вотъ попробуемъ. Извѣстны мнѣ нѣкоторыя любовныя снадобья, которыя помогли въ горѣ не одной доброй дѣвушкѣ. Стало быть объ этомъ безпокоиться нечего. Положимъ, лучшія снадобья можно приготовить только лѣтомъ изъ живыхъ растеній. Но есть и такое, которое можно сварить теперь. Кстати на дворѣ отепель и земля обнажилась... Такъ вотъ, запомни все, что я скажу и сдѣлай все по аккуратнѣе. Если что перепутаешь, дѣйствія не будетъ; это ты знай напередъ. Слушай же внимательно. Въ первое полнолуніе—это, значитъ, будетъ въ концѣ недѣли—ступай ты къ полуночи на кладбище и возлѣ какой-нибудь свѣжей могилы нарви семью-семь травинокъ одинаковой длины. Потомъ сорви по семи прутиковъ отъ березы, ольхи и осины, все это тоже конечно на кладбищѣ. На травкахъ и на прутикахъ свари ты на слѣдующую ночь воду, а когда вода вскипитъ, прежде чѣмъ снять котелокъ съ огня, брось въ него семь волосковъ съ собственной головы. Не забудь же! И при этомъ приговаривай для каждаго волоска отдѣльно:

Свяжи, слѣпи!
Кого слѣдъ, ослѣпи!

— Господи, какія страсти! — вскричала Ида въ ужасѣ.

— Конечно оно страшновато... Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ изъ любви!

— На кладбище идти... въ полночь... это тоже, конечно, очень страшно. Но еще хуже приговоръ. Что, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ ослѣпнетъ?

— Кто ослѣпнетъ? — съ недоумѣньемъ спросила старуха.

— Да молодой хозяинъ! Вы же велите приговаривать: кого слѣдъ, ослѣпи.

— Ахъ, ты вотъ о чемъ!.. Нѣтъ, это не опасно. Ослѣпнетъ только его любовь къ тебѣ. Къ тому же это только слова заклинанія, а въ заклинаньяхъ мало-ли что говорится.

Успокоенная Ида попросила еще разъ повторить весь рецептъ приготовленія любовнаго снадобья. Старуха охотно исполнила эту просьбу и закончила свои предписанія словами:

— Затѣмъ, когда наступитъ утро, на этой водѣ ты свари кофе для молодого хозяина.

Ида запомнила все, но чувствовала себя не совсѣмъ удовлетворенной. У нея дрожь пробѣгала по спинѣ при мысли о ночномъ посѣщеніи кладбища, а заклинаніе ей попрежнему казалось ужаснымъ.

— А что, если все это не поможетъ? — спросила она черезъ минуту.

— Конечно... гмъ! Небось, поможетъ! Это испытанное средство.

— А нѣтъ ли у васъ, бабушка, болѣе вѣрнаго средства на случай, если бы не помогло?—настаивала Ида.

Старуха задумалась. Она старалась тщательно взвѣсить всѣ шансы и такъ работала мозгами, что даже вспотѣла. Въ концѣ концевъ, не смотря на свою осторожность, она рѣшилась пробормотать:

— Да... гмъ!.. да... конечно, если такъ... то есть тогда придется подумать объ этомъ возможномъ ребенкѣ...

— По моему тоже, это единственное вѣрное средство, — отозвалась Ида задумчиво и тотчасъ же прибавила оживляясь: — Но откуда же мы достанемъ ребенка?

— Гмъ... конечно это нелегко... и опасное это дѣло! дѣвушка!.. Однако, если ужъ надо будетъ, можетъ быть и найдемъ...

— Милая бабушка Марья-Лена,—вскричала просіявшая Ида.—Я такъ и знала, что вы поможете!

Старуха не раздѣляла восторга дѣвушки.

— Гмъ!—откашливалась она съ видомъ нѣкоторой озабоченности.—Никто не можетъ сказать, что я впутываюсь въ нехорошія дѣла... Этого небось не скажутъ!.. Вотъ только съ тобой... гмъ!.. Впрочемъ, что же тутъ нехорошаго, когда мы стараемся устроить миръ да согласіе между двумя влюбленными? Только, нелегко это будетъ устроить, касатка! Боюсь тоже, что твоихъ двадцати марокъ на это не хватитъ.

— У меня есть часы съ цѣпочкой, которые можно продать!—горячо вступилась Ида.

— Все-таки маловáто... Придется вѣдь обезпечить ребенка.

— Конечно, бабушка! Да вѣдь я буду богата и готова обязаться чѣмъ угодно!—вскричала Ида не раздумывая.

— Въ такомъ случаѣ пожалуй и устроится. Попытаемся сначала съ снадобьемъ. Авось, поможетъ. Если же не поможетъ, приходи ко мнѣ въ другой разъ и потолкуемъ еще. Главное, ничего не проболтай!

Старуха сморщила все лицо и покачала головой, какъ бы давая понять важность не проболтать довѣренной тайны.

Пора было уходить, и Ида стала отыскивать кошелекъ въ карманѣ своей юбки. Найдя кошелекъ, она вынула свои двадцать мáрокъ и подала деньги старухѣ.

— Не знаю, какъ и поблагодарить васъ, добрая бабушка Марья-Лена!—сказала она горячо.—Вотъ все, что у меня есть! Какъ только урвусь изъ дому, занесу вамъ мои часы съ цѣпочкой...

Марья-Лена оттолкнула деньги, конфузливо улыбаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ! — сказала она. — Никогда я не возьму такой кучи денегъ за простой совѣтъ!—Спрячь деньги, касатка, и хорошенько прибереги ихъ. Могутъ еще намъ понадобиться!

— Но возьмите, бабушка, хотя что-нибудь! Такіе совѣты даромъ не даютъ... А вы вѣдь, прямо сказать, устраиваете мое счастіе.

— Ну хорошо, хорошо! Положимъ марку или двѣ, Ида... Этого будетъ болѣе, чѣмъ достаточно! Никто не можетъ сказать, что старая Марья-Лена готова на что угодно изъ-за денегъ... Этого небось не скажутъ!

Идѣ удалось всунуть старухѣ въ руку три марки, и она была непритворно огорчена, что нельзя было дать больше. У нея снова явились надежды, съ которыми она чувствовала себя обладательницей всѣхъ земныхъ богатствъ. Какъ же было не подѣлиться съ доброй старушкой, оживившей ея надежды?

Наконецъ она оказалась на большой дорогѣ. Голова у нея такъ и кружилась отъ только-что испытанныхъ сильныхъ ощущеній. Но на душѣ было легко и весело. Разъ сама Марья-Лена взялась за ея дѣла, эти дѣла были въ надежныхъ рукахъ и опасаться уже было нечего!

У старухи Ида ни разу не вспомнила о времени. Теперь ей вдругъ пришло въ голову, что обѣдня можетъ быть отошла и что могли уже хватиться ея исчезновенія изъ церкви. Со страха она начала бѣжать къ церкви изо всѣхъ силъ, поднимая юбки до самыхъ колѣнъ и то и дѣло попадая ногами въ лужи оттаявшаго снѣга, но не обращая на нихъ вниманія.

Добѣжавъ до церковной площадки она увидѣла ряды крестьянскихъ лошадей, попрежнему спокойно жевавшихъ сѣно у ограды и тотчасъ же успокоилась, понявъ, что служба очевидно еще не кончилась. Съ благодарностью подумала она о старомъ пасторѣ, который всегда затягивалъ обѣдню своими длинными проповѣдями, и

оправившись поспѣшила къ входнымъ дверямъ. На паперти она остановилась и внимательно посмотрѣла въ сторону кладбища. Тамъ зіяла большая желтая могила, въ которую должны были опустить послѣ обѣдни покойника, стоявшаго теперь въ церкви. Она содрогнулась, но внимательно замѣтила мѣсто могилы, чтобы отыскать ее потомъ... ночью.

Черезъ минуту она тихонько проскользнула въ церковь и опустилась на ближайшую къ входу скамейку. Ея отсутствіе не было даже замѣчено.

Въ это время только-что окончилась проповѣдь и священникъ читалъ молитвы. Ида склонила голову и набожно приняла участье въ молитвахъ, жадно ловя каждое слово священника. Потомъ, когда загремѣлъ органъ и началось пѣнье псалмовъ, она съ такимъ же благочестивымъ увлеченіемъ присоединилась къ поющимъ и пѣла такъ хорошо, что съ ближайшихъ скамеекъ люди оглядывались на нее. И она молилась непритворно, съ восторгомъ благодаря Бога за снова явившуюся надежду. Ей и въ голову не приходило, что она серьёзно согрѣшила, обратившись къ содѣйствію колдуньи. По ея мнѣнію, какимъ бы путемъ ни явилась ей помощь, такая помощь была отъ Бога. Потому-то она и пѣла хвалу Богу, нисколько не сомнѣваясь, что ея посѣщенье бабушки Марьи-Лены, да еще во время богослуженія, было поступкомъ неприличнымъ, но вовсе не кощунственнымъ.

XV.

Послѣ свиданія съ колдуньей Ида стала еще болѣе замкнута въ самой себѣ и сдѣлалась еще недоступнѣе прежняго, хотя была въ гораздо лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ до свиданія. При томъ она начала еще усерднѣе прежняго распѣвать псалмы и молиться. Съ ея стороны это не было ханжествомъ; это было наивное задобриванье Господа Бога, вслѣдствіе смутнаго сознанія неправильности избраннаго пути къ своимъ цѣлямъ, и еще болѣе наивное выпрашиванье содѣйствія самого Бога. Въ то же время она была глубоко благодарна Богу, не мѣшавшему ей «позаботиться о своемъ счастіи» и нисколько не сомнѣвалась, что Онъ и впредь не станетъ ее карать въ виду ея искренняго благочестія.

Въ концѣ недѣли наступило полнолуніе. Ида не измѣнила своей рѣшимости и была готова на самые смѣлые подвиги. У нея была отдѣльная маленькая комнатка, что давало ей возможность выбраться изъ дома незамѣченной; болѣе тревожило ее опасеніе встрѣтить кого-нибудь на дорогѣ или возлѣ кладбища. По счастію, предсказаніе Марьи-Лены относительно того, что снѣга къ этому времени совсѣмъ не останется, сбылось, такъ что набрать травинокъ было не трудно, да и на дорогѣ стало темнѣе.

Всѣ эти дни Ида столько думала о заколдованномъ числѣ семью-семь, что она во всемъ стала отыскивать

семерки. Когда ей приходилось увидѣть на кухонномъ столѣ семь тарелокъ, она чувствовала мистическое волненіе, а разъ, когда ей удалось насчитать семь трясогузокъ на березѣ передъ своимъ окномъ, она увидѣла въ этомъ таинственное указаніе. Ни на минуту не переставала она думать о предстоявшемъ ночномъ посѣщеніи кладбища, о всевозможныхъ сочетаніяхъ изъ семерокъ и о затверженномъ наизусть заклинаніи.

Наступилъ наконецъ вечеръ полнолунья. Дождавшись ужина, Ида тихонько засунула комокъ бумаги въ колокольчикъ у парадныхъ дверей, черезъ которыя ей удобнѣе всего было выбраться на большую дорогу. Потомъ, когда въ домѣ всѣ поужинали и служанки удалились спать, она ушла въ свою комнату, но не стала раздѣваться и, сѣвъ на свою кровать, вся превратилась въ ожиданіе. Было всего девять часовъ; въ домѣ далеко еще не всѣ улеглись спать... Она съ напряженіемъ прислушивалась къ каждому звуку и слегка дрожала отъ страха.

Ей приходилось не впервые потихоньку выходить ночью изъ своей комнатки... Но когда бывало прежде она собиралась на ночное свиданіе съ молодымъ хозяиномъ и сидѣла, какъ теперь, совсѣмъ одѣтая на кровати, ожидая, когда въ домѣ все утихнетъ—она не трусила. Напротивъ, тогда въ ней поднималось какое-то смѣлое чувство и она готова была мужественно постоять за свое счастіе. Теперь было не то! Въ эту ночь она собиралась на страшное, таинственное дѣло, при мысли о которомъ по тѣлу пробѣгали мурашки и зубы начинали стучать...

У нея пересохло во рту. Въ колѣняхъ появилась какая-то страшная слабость. Ей даже пришло въ голову, что она непремѣнно заболѣетъ не добравшись даже до кладбища и свалится гдѣ-нибудь на дорогѣ. Эта мысль ужаснула ее. Тѣмъ не менѣе, когда на часахъ въ столовой пробило половину десятаго, она встала и приготовилась идти.

Конечно неблагоразумно было выходить изъ дому ранѣе, чѣмъ всѣ уснули; но до кладбища было цѣлыхъ десять верстъ, а къ полуночи надо было быть на мѣстѣ. И она тихонько прокрадывается черезъ столовую, благополучно открываетъ визгливую дверь передней и попадаетъ наконецъ въ сѣни. Колокольчикъ у парадныхъ дверей не издаетъ ни звука; позади не слышно какого-либо подозрительнаго движенія... Еще секунда, и она на дворѣ, довольная своей удачей и даже немножко озадаченная, что все обошлось такъ легко.

На дворѣ темновато. Луна спряталась за тучи, снѣга нѣтъ. Зато морозитъ, и свѣжій вѣтерокъ сразу освѣжаетъ лице дѣвушки. Она ободряется и направляется черезъ дворъ легкими, едва слышными шагами. Она хочетъ идти къ церкви прямикомъ, черезъ поля и для этого бѣжитъ въ сторону гумна. Вдругъ позади нея раздается отрывистый лай и неузнавшая ее собака бросается за нею съ злобнымъ рычаніемъ. Это такъ пугаетъ Иду, что она совсѣмъ теряется и вмѣсто того, чтобы остановиться и успокоить собаку, пускается бѣжать быстрѣе прежняго. Того и жди, что лай окончательно освирѣпѣвшей

собаки, поднимет на ноги кого-нибудь изъ рабочихъ! Но вотъ собака догнала Иду и, получивъ отъ нея порядочный тычекъ за свое излишнее усердіе, сконфуженно возвращается назадъ. Въ домѣ все остается спокойно. Ида продолжаетъ свой путь смѣлѣе. Слабости въ колѣняхъ она уже не чувствуетъ; ей уже почти вовсе не страшно.

Ида взяла съ собой свои часы, чтобы не пропустить полуночи и сорвать семью-семь травинокъ какъ разъ въ надлежащее время. Она вообще боялась отступить отъ полученныхъ указаній. Въ такихъ опасныхъ дѣлахъ небрежность была бы непростительна.

Послѣ двухъ часовъ быстрой ходьбы она увидѣла наконецъ остроконечную колокольню церкви, ясно вырѣзавшуюся на освѣщенномъ луною облакѣ. Въ пути она вовсе не думала о предстоявшемъ ей страшномъ дѣлѣ, нарочно стараясь развлекать себя разными обыденными мыслями. Но теперь, при видѣ церкви, она вдругъ содрогнулась всѣмъ тѣломъ и размышленія о кладбищѣ сразу овладѣли ею, какъ она ни старалась противостоять. Ни одной живой души не встрѣтила она на всемъ пути и до сихъ поръ этому радовалась; но теперь ей стало страшно мертвыхъ на кладбищѣ, такъ страшно, что она предпочла бы имѣть дѣло съ живыми людьми.

Только теперь она вполнѣ поняла, что предпринимаетъ нѣчто богопротивное и кощунственное, въ чемъ она не можетъ ожидать помощи отъ Бога. Тогда ужасъ ея сдѣлался еще больше, еще мучительнѣе.

Стрѣлка подаренныхъ докторомъ часовъ показывала только половину двѣнадцатаго, а до кладбища оставалось менѣе версты. Цѣлыхъ полчаса предстояло Идѣ бороться со своимъ страхомъ!

Быстрая и продолжительная ходьба разгорячила ее, а раздраженное воображеніе и безъ того было склонно рисовать всякіе ужасы. Странныя мысли, одна мрачнѣе другой, кружились въ ея головѣ. Невольно припоминались ей всѣ разсказы о привидѣніяхъ и нечистой силѣ, какіе только приходилось ей слышать.

Особенно пугала ее теперь одна припомнившаяся ей исторія, разсказанная когда-то молодымъ хозяиномъ:

Жилъ былъ однажды гордый господинъ, похвалявшійся, что онъ никакихъ привидѣній не боится, и какъ-то пируя съ друзьями, побившійся объ закладъ, что онъ въ ту же ночь пойдетъ на кладбище и трижды обѣжитъ самую свѣжую могилу, громко предлагая мертвецамъ поймать его, если они въ силахъ это сдѣлать. Чтобы провѣрить, сдѣлаетъ-ли онъ это на самомъ дѣлѣ, друзья послѣдовали за нимъ и остановились у воротъ кладбища; самъ же гордый господинъ перескочилъ черезъ ограду и направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ погребенъ какой-то покойникъ. Вскорѣ друзья услышали, какъ онъ въ первый разъ крикнулъ свой вызовъ мертвецамъ; немного погодя послышался и второй вызовъ... И вдругъ, вмѣсто третьяго вызова раздался отчаянный вопль, отъ котораго всѣ просто замерли отъ страха, и затѣмъ на кладбищѣ водворилась тишина.

Опомнившись товарищи, побѣжали толпой къ тому мѣсту, откуда донесся вопль, и нашли гордеца безъ чувствъ, распростертымъ возлѣ могилы, при чемъ полы его сюртука оказались защемленными между сучьями стараго терноваго куста. Его подняли и привели въ чувство; но едва онъ пришелъ въ себя, какъ началъ рваться изъ рукъ окружавшихъ его людей и кричать, что мертвецы поймали его и хотятъ стащить къ себѣ въ могилы.

Несчастный окончилъ свои дни въ домѣ умалишенныхъ...

Этотъ анекдотъ молодой хозяинъ разсказывалъ слегка посмѣиваясь и въ видѣ примѣра тому, до чего можетъ довести человѣка испугъ и невполнѣ поборотое суевѣріе. Но Ида и тогда еще подумала, что вѣдь могло быть и такъ, что высокомѣрнаго господина погубилъ не случай, а нѣчто другое... Развѣ не могли мертвецы отомстить нарушителю ихъ священнаго покоя, запутавъ его полы въ сучьяхъ куста? Мало-ли, что люди сваливаютъ на случайность!

Теперь ей приходило въ голову, что она сама намѣревается сдѣлать нѣчто похожее на поступокъ того господина. Она вѣдь осмѣливается тревожить мертвецовъ какъ разъ въ ихъ часъ свободы! Впрочемъ она тотчасъ же успокоила себя соображеніемъ, что не идетъ дерзко дразнить покойниковъ, а намѣрена смиренно просить ихъ помощи въ своемъ горѣ.

Это размышленіе подѣйствовало на нее чрезвычайно благотворно. Она даже начала думать о своихъ покой-

ныхъ родителяхъ, старалась припомнить ихъ наружность и понемногу пришла къ убѣжденію, что имѣетъ право обратиться къ содѣйствію покойниковъ, потому что она сирота, и что въ сущности она обращается именно къ своимъ родителямъ, хотя они погребены совсѣмъ не здѣсь, а верстахъ въ ста двадцати отсюда. Но что значатъ разстоянія для духовъ? Души усопшихъ не прикованы вѣдь къ могиламъ!

При этой мысли ей показалось, что вокругъ нея витаетъ что-то въ воздухѣ. Чтобы ободриться она стала увѣрять себя, что вокругъ нея витаютъ души ея родителей, которыя пришли ей на встрѣчу, и будутъ оберегать ее, и очень рады ей, потому что она выказала имъ довѣріе и не побоялась придти къ нимъ въ такой часъ.

Вдали послышался лай собаки. Это еще больше утѣшило Иду. Все-таки она была не совсѣмъ одна съ мертвецами! Она тихо подвигалась впередъ и наконецъ присѣла возлѣ дороги на повалившуюся изгородь. До полуночи оставалось еще четверть часа.

Чтобы снова не поддаться страху она попыталась думать объ Августѣ и о своемъ будущемъ. Но мысли упрямо возвращались къ покойникамъ и пришлось вернуться къ испытанному способу успокоивать себя, раздумывая объ усопшихъ, какъ о своихъ друзьяхъ, и признавая ихъ представителями только своихъ покойныхъ родителей.

Просидѣвъ у дороги минутъ десять, она встала и мужественно направилась къ кладбищу, отыскивая суще-

ствовавшій съ этой стороны кладбища перелазъ черезъ ограду. Когда она выбралась наконецъ на тропинку и подошла къ перелазу, она невольно зажмурилась и стала торопливо читать молитвы. Но кругомъ все было тихо; только оголенныя, мэрзлыя вѣтки деревьевъ издавали легкій шорохъ, покачиваясь отъ вѣтра и постукивая другъ о дружку. Луна попрежнему мягко освѣщала предметы, оставаясь за легкими облаками. Ничего таинственнаго кругомъ не было. И дѣвушка почувствовала спокойствіе, хотя не переставала сознавать, что панической страхъ точно подстерегаетъ ее и что достаточно какого-нибудь необычайнаго звука, какой-нибудь неожиданной мысли, чтобы она потеряла всякое самообладаніе и обратилась въ бѣгство, не выполнивъ своего предпріятія.

Однако жаль было отступать, когда уже было сдѣлано такъ много! Ида посмотрѣла на часы, убѣдилась, что до полуночи осталось не болѣе минуты и, призвавъ себѣ на помощь все свое мужество, рѣшительнымъ движеніемъ переступила черезъ ограду. Затѣмъ, склонивъ немного голову, какъ она дѣлала въ церкви, и не оглядываясь по сторонамъ, она направилась прямо къ свѣжей могилѣ, которую намѣтила еще въ воскресенье.

Она была сама поражена своей смѣлостью и почувствовала такое самодовольство, что подумала, какъ восхитился бы ею молодой хозяинъ, если бы засталъ ее теперь на мѣстѣ преступленія. Не всякая дѣвушка способна на такой подвигъ ради своей любви! Небось, Аманда изъ Ханкала не рѣшилась бы и подумать о чемъ-нибудь подобномъ.

При мысли объ Августѣ и Амандѣ изъ Ханкала она невольно вспомнила все, что̀ перенесла за послѣднее время, и въ сердцѣ ея поднялась горечь. Мертвецы, кладбище, заклинаніе — все показалось ей вдругъ ничтожнымъ въ сравненіи съ ея обидами, и она почувствовала, что теперь могла бы пойти въ огонь и въ воду, чтобы отстоять свое счастье и чтобы вырвать своего Августа изъ рукъ его матери да этой ничтожной хохотушки Аманды. Въ слѣдующее мгновеніе она уже была возлѣ новой могилы и, не рѣшаясь взглянуть на часы, чтобы не оставаться на кладбищѣ ни одной лишней минуты, нагнулась къ пожелтѣвшей отъ морозовъ и прибитой къ землѣ травѣ. Въ то же время ею овладѣло странное состояніе: она была точно во снѣ и едва сознавала, что̀ дѣлаетъ. Машинально, помня только, что ей надо сорвать семью-семь травинокъ, она стала рвать, считая въ полголоса, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ обыкновенно молилась. Двадцать четыре... двадцать пять... двадцать шесть... Ей вдругъ представилось, что позади ея стоитъ мертвецъ въ саванѣ съ косой въ рукахъ. Она не смѣетъ оглянуться, но ясно чувствуетъ, что коса уже взвилась надъ нею. Тѣмъ не менѣе она продолжаетъ рвать травинки и считаетъ прежнимъ молитвеннымъ шепотомъ:... тридцать семь... тридцать восемь... тридцать девять...

Порывъ вѣтра съ шумомъ поворачиваетъ заржавѣлый флюгеръ на кровлѣ колокольни. Визгливый, непріятный звукъ точно острымъ ножемъ проходитъ по ея тѣлу. Но она не оглядывается... Она только ниже скло-

няетъ голову и перестаетъ сбирать травинки, вполнѣ увѣренная, что сейчасъ коса опустится и разрубитъ ее пополамъ. По спинѣ непрестанно пробѣгаютъ мурашки, снизу вверхъ, до самаго затылка, терясь въ волосахъ и точно пытаясь поднять ихъ дыбомъ.

Однако, коса не опускается и машинальнѣе прежняго, тупо, какъ въ столбнякѣ, глядя прямо передъ собой, Ида снова принимается за свою работу. Теперь ее не оттащили бы отъ могилы. Она не помнитъ вполнѣ ясно, для чего рветъ травинки, но дѣлаетъ это съ такимъ чувствомъ, точно защищается этимъ отъ смерти... Сорокъ семь... сорокъ восемь... сорокъ девять!..

Наконецъ-то!..

Но она поднимается медленно, боясь сдѣлать какое-либо рѣзкое движеніе, точно тайкомъ. Затѣмъ она нѣкоторое время стоитъ неподвижно и оборачивается съ сознаніемъ, что сейчасъ увидитъ передъ собой нѣчто ужасное. Но передъ нею ничего не оказывается, и тогда она направляется тѣмъ же путемъ, какимъ пришла, не переставая тупо смотрѣть прямо передъ собой и ожидая, что вотъ-вотъ ее схватитъ холодная рука или надъ нею раздастся ужасный голосъ, который велитъ ей остановиться.

Уже у самаго перелаза она вдругъ вспоминаетъ о вѣткахъ, которыя должна сорвать по семи съ трехъ различныхъ породъ деревьевъ. Тѣмъ же автоматическимъ движеніемъ, какимъ она собирала травинки, притягиваетъ она къ себѣ большую вѣтвь березы и начинаетъ отламывать вѣтки. Но перемерзшія вѣтки только надламываются

и отрываются лишь съ трудомъ; при томъ онѣ производятъ какой-то странный звукъ; точно незримые мертвецы тихонько хохочутъ вокругъ дерева и пощелкиваютъ своими костлявыми пальцами...

Но вотъ сорваны двадцать одна вѣтка Положимъ, она сорвала всѣ вѣтки съ одной березы, тогда какъ слѣдовало нарвать съ трехъ разныхъ древесныхъ породъ. Но она не въ силахъ разыскивать еще ольху да осину: она чувствуетъ, что сойдетъ съ ума, если останется на кладбищѣ еще хоть минуту... И то уже ея шея точно одервенѣла и голова не ворочается, да и во всемъ тѣлѣ начинаетъ появляться такая же одервенѣлость.

Крѣпко сжавъ въ рукахъ свою добычу и съ широко раскрытыми глазами, она съ трудомъ направляется дальше къ изгороди, смутно опасаясь, что ей уже не перелѣзть черезъ изгородь и что сейчасъ она приростетъ къ землѣ. Но черезъ минуту она уже за изгородью — какъ она перелѣзла, этого она и сама не знаетъ — и шагаетъ уже по большой дорогѣ.

Она все еще движется впередъ медленно, и неестественно, какъ истуканъ. Голова ея попрежнему не ворочается. Впрочемъ, она и сама бы ни за что не оглянулась, потому что не хочетъ превратиться въ соляной столбъ, какъ это было съ женой Лота на пути изъ Содома и Гоморры. Но вотъ по всему ея тѣлу пробѣгаетъ освободительная дрожь, одервенѣніе изчезаетъ и чары, околдовавшія ее на кладбищѣ разсѣиваются. Въ то же время ей становится такъ холодно, что зубы ея начинаютъ стучать

какъ въ лихорадкѣ. Но это не бѣда и она не замедлитъ согрѣться, потому что въ то же мгновеніе, какъ она почувствовала, что оживаетъ, она пустилась бѣжать и не перестаетъ бѣжать, пока у нея не захватываетъ духъ и она едва не лишается чувствъ.

Ничего худого съ нею не случилось. Тѣмъ не менѣе она даетъ себѣ клятвенное обѣщаніе не ходить больше въ полночь на кладбища, хотя бы это потребовалось для спасенія жизни.

Послѣ сильнаго нервнаго напряженія, удесятерявшаго силы Иды, наступила реакція, и на полупути къ дому она такъ ослабѣла, что едва могла идти. Неровными, колеблющимися шагами брела она по дорогѣ и чувствовала себя до такой степени утомленной, что не въ силахъ была даже радоваться благополучно совершенному подвигу. Свою драгоцѣнную добычу она неряшливо держала въ усталой рукѣ и навѣрное растеряла бы свои семью-семь травинокъ, еслибы вдругъ не вспомнила, чего ей стоило добыть эти травинки. Тогда она остановилась, завязала свои драгоцѣнности въ носовой платокъ и спрятала весь свертокъ въ карманъ. Ужасно длиненъ показался ей обратный путь! Но наконецъ она добралась до Монольской усадьбы и посмотрѣла на строенія съ такимъ чувствомъ, точно прошло уже много, много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ дому.

Смутно припоминала она потомъ, что останавливалась на дворѣ и ласкала собаку, что прошла сѣни, какъ во снѣ, безъ всякой осторожности, но не сдѣлавъ ни ма-

лѣйшаго шума, что вспомнила даже о комкѣ бумаги, засунутомъ въ дверной звонокъ, и вынула комокъ, предварительно замкнувъ дверь на ключъ. Но какъ она пробралась затѣмъ въ свою комнату и какъ очутилась полураздѣтая въ своей постели, она уже не помнила. Во всякомъ случаѣ она тотчасъ же уснула, какъ убитая, ни о чемъ не думая, ничего не опасаясь и небрежно засунувъ свою добычу съ кладбища подъ подушку.

Зато утромъ, проснувшись въ обычное время, она сразу сознала громадность совершеннаго ею подвига. И она почувствовала такой приливъ гордости, что тотчасъ же освѣжилась, хотя не вполнѣ выспалась и передъ тѣмъ ощущала еще усталость во всѣхъ членахъ. Въ домѣ никто не замѣтилъ ея отлучки ночью. Это можно было сразу понять по выраженію лица хозяйки, имѣвшей свой обычный спокойный и благожелательный, но немного пренебрежительный видъ. Небось, если бы она подозрѣвала, что Ида выходила изъ дому ночью, она выглядѣла бы иначе! Она непремѣнно бы подумала, что Ида дѣлала какую-нибудь новую попытку завоевать молодого хозяина и заподозрѣла бы ночное свиданіе... Но она ничего не подозрѣвала, благодушно поигрывала пальцами сложенныхъ на животѣ рукъ и поглядывала на Иду съ той пренебрежительной благосклонностью, которая выпадаетъ на долю всякой приживалки изъ бѣдныхъ родственницъ, если она работяща и очень полезна въ домѣ.

Между тѣмъ Ида въ душѣ торжествовала уже побѣду. Теперь, когда она испытала, чего стоитъ набрать

волшебныхъ травъ ночью на кладбищѣ, она уже нисколько не сомнѣвалась въ дѣйствительности своего средства! И она принялась за свои обычныя утреннія занятія съ необыкновенной энергіей, а лицо ея оживлялось такой непоколебимой вѣрой въ свое счастіе и такимъ гордымъ сознаніемъ своего могущества, что даже молодой хозяинъ, встрѣтившись съ нею на дворѣ, былъ пораженъ ея необычной осанкой.

— Что съ тобой, Ида?—спросилъ онъ останавливаясь.—Ты выглядишь какой-то царицей...

Ида тоже остановилась, покачивая въ рукѣ подойникомъ, который несла въ кухню и окинула своего любовника долгимъ, выразительнымъ взглядомъ.

— Будто тебѣ не все-равно, какъ я выгляжу? — сказала она спокойно.

Это былъ первый связный отвѣтъ, полученный отъ нея Августомъ за послѣднія двѣ недѣли! Поэтому онъ улыбнулся и подошелъ къ ней съ видомъ расшалившагося мальчика, намѣреваясь шутками разогнать наконецъ существующую между ними натянутость и не отчаяваясь въ этомъ, особенно теперь, когда самъ онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, да и Ида была не столь сурова, какъ передъ тѣмъ.

— Ну, перестань на меня сердиться, Ида!—сказалъ онъ ласково, овладѣвая ея рукой.—Неужели мы не можемъ столковаться? И зачѣмъ намъ притворяться врагами, когда въ дѣйствительности мы добрые друзья?

Однако Ида сегодня не особенно покладиста! Вида-

ла ужъ она, къ чему ведетъ ея прежняя сговорчивость и теперь намѣрена постоять за себя. Задорно вскинувъ свой порожній подойникъ на плечо, она посмотрѣла на жениха весело, но дерзко и безъ всякой нѣжности, расхохоталась ему въ лицо и, вырвавъ у него руку, удалилась по направленію къ кухнѣ, легкая, стройная и смѣлая, какъ молодая львица.

Августъ Харваненъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нею, но затѣмъ остановился и послалъ ей въ догонку какую-то шутку, на которую она даже не оглянулась. Тогда онъ глубоко засунулъ руки въ карманы и нахохлившись пошелъ въ свою комнату позади залы. Эту комнату онъ тотчасъ же снова занялъ, какъ только докторъ Удде выѣхалъ изъ Монола.

Снова началась въ его душѣ борьба между его сомнѣніями и любовью къ Идѣ, красивѣе которой для него не существуетъ созданья на землѣ. Какъ безобразно несправедливъ онъ къ бѣдной Идѣ, если... если она невинна! Просто не найти даже оправданій... Но такъ-ли, невинна-ли она? Вотъ въ этомъ-то вся загвоздка!

Права-ли Ида, или права его мать? Его ли этотъ нерожденный еще ребенокъ, или это ребенокъ доктора?

Молодой хозяинъ не успѣлъ еще искуситься въ житейской философіи. Онъ совсѣмъ не умѣлъ размышлять о себѣ безпристрастно, соображая лишь обстоятельства дѣла. Онъ относился ко всему непосредственно, какъ дитя... Такъ относятся къ жизни девяносто девять человѣкъ на сто, и молодой хозяинъ не былъ хуже большинства...

Если бы онъ могъ размышлять о себѣ, какъ посторонній человѣкъ, онъ сразу раскаялся бы въ томъ, что повѣрилъ матери, и поступилъ бы справедливо. Еще справедливѣе бы онъ сдѣлалъ, если бы выбросилъ изъ головы дрянную мысль, которой заразился въ городѣ и которая отравляла его существованіе, а именно, что ни одной молодой женщинѣ не слѣдуетъ довѣрять безусловно.

У него были кое-какія побѣды надъ женщинами, побѣды, которыми онъ гордился, какъ молодеческими подвигами. Такъ напримѣръ, онъ обманывалъ однажды своего друга, фельдшерскаго ученика, добиваясь свиданій съ его любовницей!.. Теперь онъ не видѣлъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ свою очередь онъ былъ обманутъ. Превратность судьбы и больше ничего!

Впрочемъ надо отдать ему справедливость, что онъ терзался своими сомнѣніями втихомолку, какъ настоящій мужчина, и это не смотря на его крайнюю молодость, не смотря на мучительность размышленій въ такой области, гдѣ у него не оказывалось ни одной сколько-нибудь устойчивой точки опоры. Всякая мысль точно шаталась во всѣ стороны и ускользала въ сторону, едва онъ намѣревался ухватиться за нее; онъ положительно не зналъ, чему вѣрить, на что надѣяться. Довѣрять сужденію матери объ Идѣ ему казалось столь же опрометчивымъ, какъ и довѣрять самой Идѣ. Развѣ онъ не зналъ, какъ упорно добивалась его мать разстроить его помолвку съ Идой! Тѣмъ не менѣе ея замѣчаніе насчетъ Иды и док-

тора, подѣйствовало, какъ зароненная въ паклю искра, и подожгло всѣ его сомнѣнія. Дѣло усложнялось любовью и ревностью. Въ концѣ концовъ оказывалось, что мать достигла своей цѣли гораздо легче, чѣмъ сама ожидала, такъ какъ вовсе не надѣялась, что сынъ слѣпо повѣритъ ея обвиненію, а могущества ревности не знала, потому что сама никогда въ жизни не любила.

Только бы дождаться ребенка!—думалъ теперь молодой хозяинъ, заключая свои размышленія.—Небось срокъ и поведеніе Иды послѣ рожденія ребенка все покажутъ. Въ крайнемъ случаѣ можно потянуть доктора къ суду и послушать, что онъ покажетъ подъ присягой! И если будетъ очевидно, что я напрасно подозрѣвалъ Иду, да... въ такомъ случаѣ ей будетъ дано самое полное удовлетвореніе! Но никакъ не ранѣе...

— Итакъ ждать!—пробормоталъ онъ въ полголоса и задумался надъ тѣмъ, что Ида все остается такая удивительно стройная. Впрочемъ, мало-ли примѣровъ тому, какъ мастерски дѣвушки скрываютъ свой позоръ, когда это необходимо...

— Будемъ ждать!—повторилъ онъ твердо.

Въ слѣдующую ночь хозяйка была разбужена какимъ-то шорохомъ, доносившимся изъ кухни. Слышался даже трескъ, какъ бы отъ горѣвшей лучины... Перепуганная старуха накинула на себя что попало, и поспѣшила узнать, въ чемъ дѣло. Въ кухнѣ она съ удивленіемъ

увидѣла Иду, что-то усердно варившую на таганкѣ передъ очагомъ.

— Что это значитъ? — спросила она, съ недоумѣніемъ глядя на Иду.

— Я простудилась, тетушка, и хочу сварить себѣ липоваго цвѣта! — торопливо, точно заученный урокъ, отвѣтила Ида.

— Вотъ что!—Гдѣ же ты просудилась такъ?

— Сама не знаю... Но меня лихорадитъ такъ, что зубы стучатъ.

Ида дѣйствительно дрожала и была очень блѣдна, но только не отъ лихорадки, а боясь, что ея колдовство будетъ обнаружено.

— Навѣрное, я продрогла въ кладовой или въ молочной... Мнѣ не бываетъ иногда времени даже одѣться, какъ слѣдуетъ! — прибавила дѣвушка, не отходя отъ своего котелка.

— Долго-ли накинуть на себя платокъ! — проворчала старуха и такъ какъ ей не было ни малѣйшей охоты слушать жалобы на свои порядки, да еще среди ночи, ушла въ свою спальню не добиваясь подробностей.

Между тѣмъ Ида не спускала глазъ съ котелка. Когда вода закипѣла, она торопливо выдернула изъ головы нѣсколько волосковъ и начала кидать ихъ въ котелокъ, гдѣ уже варились травинки и вѣтки, приговаривая;

Свяжи, слѣпи,
Кого слѣдъ, ослѣпи!

Такимъ образомъ были опущены въ котелокъ всѣ семь волосковъ.

Послѣ этого она процѣдила свое варево сквозь сито и выбросила волоски вмѣстѣ съ драгоцѣнными растеніями съ кладбища въ помойный ушатъ. Самый же отваръ она слила въ горшечекъ и тщательно спрятала въ кухонномъ шкафу позади цѣлой груды запасныхъ тарелокъ. Она уже не дрожала, щеки ея снова расцвѣтились румянцемъ и лихорадки какъ не бывало.

Когда все было сдѣлано и посуда прибрана, она проскользнула въ свою комнатку, весело разсмѣялась, предвкушая свое торжество, и черезъ нѣсколько минутъ уже крѣпко спала сномъ невинности. Можетъ быть ей и не снились витающіе надъ землей ангелы; но во всякомъ случаѣ ей не приснились и тѣ чудовищныя существа съ крыльями, какъ у нетопыря, которымъ слѣдовало витать надъ колдуньей, только-что сварившей любовное снадобье. Она не чувствовала ни малѣйшаго угрызенія совѣсти.

На слѣдующее утро прихлебывая кофе въ сѣроватыхъ сумеркахъ зимняго разсвѣта, молодой хозяинъ поморщился и поднесъ свою чашку къ носу.

— Развѣ вы не находите, что сегодня кофе отдаетъ сѣномъ или вѣникомъ?— проговорилъ онъ.— И вкусъ какой-то особенный!..

— Въ самомъ дѣлѣ кофе сегодня какой-то странный!—согласилась хозяйка.

Ида имѣла самое невинное выраженіе лица и тоже дѣлала видъ, что старается разобрать необыкновенный вкусъ кофе.

— Ничего особеннаго я не нахожу,—проговорила она равнодушно.

Но въ душѣ она ужасно трусила. Ей не представилось возможности отдѣльно сварить для молодого хозяина кофе и теперь она побаивалась, что и тетка, и сама она, и молодой хозяинъ, и служанки—всѣ сойдутъ съ ума отъ любви, такъ какъ она вылила свой отваръ прямо въ общій большой кофейникъ. Впрочемъ, она утѣшала себя соображеніемъ, что если тетушка и другіе сдѣлаются немножко любезнѣе и чувствительнѣе, то бѣды отъ этого не будетъ. Главное чтобы молодой хозяинъ получилъ свою порцію напитка въ свѣжемъ видѣ, пока чудодѣйственная сила волшебствъ не успѣла еще умалиться вмѣстѣ съ ущербомъ луны. Что же касалось заклинанія, то вѣдь Марья-Лена увѣряла, что отъ него никто не ослѣпнетъ и худого не произойдетъ.

Во всякомъ случаѣ, она сидѣла, какъ на иголкахъ и даже вздрогнула, когда молодой хозяинъ сдѣлалъ большой глотокъ и сказалъ ворчливо:

— Неужели ты ничего не находишь? Точно не кофе, а коровье пойло!

— Конечно, въ кофе что-то попало,—подтвердила хозяйка и отставила свою чашку.

Ида сообразила, что отрицать то, что̀ для всѣхъ было несомнѣнно, не стоило, и что благоразумнѣе было

придумать какое-нибудь правдоподобное объясненіе. Въ то же время ей пришла въ голову такая удачная мысль, что она даже улыбнулась отъ удовольствія.

— Можетъ быть... можетъ быть въ кофе какъ-нибудь попало немного моего липоваго цвѣта?—проговорила она скромно.

Молодой хозяинъ громко расхохотался и въ свою очередь отставилъ чашку, уже впрочемъ опорожненную. Но въ расчеты Иды не входило, чтобы онъ отдѣлался одной чашкой. По ея мнѣнію такая ничтожная доза не могла произвести надлежащаго дѣйствія. Поэтому она посмотрѣла на него такимъ умоляющимъ взглядомъ, какимъ уже давно не смотрѣла, и пододвинула къ нему кофейникъ.

— Какъ?—съ комическимъ негодованіемъ вскричалъ молодой хозяинъ.—Ты хочешь, чтобы я еще выпилъ этого коровьяго пойла?

— Конечно, выпей... Кофе вовсе ужъ не такой скверный...

— Нѣтъ,—тьфу!—сплюнулъ онъ смѣясь.

— Стыда въ тебѣ нѣтъ, Ида!—вмѣшалась хозяйка.—Еще осмѣливаешься потчивать своимъ липовымъ настоемъ! И какъ могло случиться, что такая гадость попала въ кофейникъ? Въ жизни не видѣла подобнаго неряшества! Гдѣ твои мысли?

Ида потупилась и приняла преувеличенно огорченный видъ. Ей хотѣлось разжалобить Августа, и это ей дѣйствительно удалось. Онъ замѣтилъ ея смущеніе, по-

нялъ, что можетъ нѣсколько смягчить выговоръ матери и рѣшился быть великодушнымъ.

— И въ самомъ дѣлѣ кофе не такъ плохъ, чтобы нельзя было пить! — сказалъ онъ и сталъ наливать себѣ вторую чашку, высоко поднимая кофейникъ, изъ котораго темная струя падала въ чашку большой дугой. Кругомъ распространился сильный запахъ кофея и точно какого-то лѣкарства.

Едва скрывая свой восторгъ смотрѣла Ида, какъ онъ опорожнилъ и вторую чашку. Но третьей — обыкновенно онъ пилъ по утрамъ три чашки — онъ не сталъ пить, категорически заявивъ, что больше не хочетъ.

XVI.

Въ продолженіе всего этого дня и ближайшихъ послѣдующихъ Ида съ напряженіемъ наблюдала за молодымъ хозяиномъ, ожидая дѣйствія своего любовнаго снадобья. Приглядывалась она и къ остальнымъ обитателямъ Монола, такъ какъ и они вѣдь получили свою часть угощенія. Но ни въ самой себѣ, ни въ хозяйкѣ, ни въ служанкахъ перемѣны она не замѣчала. Впрочемъ, это она объясняла тѣмъ, что никто, кромѣ молодого хозяина, не выпилъ больше одной чашки, а многіе не допили даже первой. На немъ, небось, дѣйствіе не замедлитъ проявиться!

Прошло три дня, прошелъ и четвертый, а молодой хозяинъ былъ такой, какъ всегда, усердно наблюдалъ за начинавшимися уже зимними работами и почти не обращалъ вниманія на Иду. Послѣ своей послѣдней попытки задобрить ее онъ рѣшился ничего не предпринимать до полнаго разрѣшенія его сомнѣній. Онъ ждалъ! Онъ тотчасъ-же замѣтилъ, что она стала часто попадаться ему на глаза и что она точно чего-то отъ него ждала. Но теперь онъ хотѣлъ выдержать характеръ. Если ей что-нибудь нужно, она сама можетъ придти къ нему! На то она болѣе слабое существо... Бывало и наоборотъ, но это было неправильно и не должно повторяться!

Но Ида не приходила. Наоборотъ, ея бодрое настроеніе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушалось, надежды ея погасали и понемногу она опять сдѣлалась угрюма, озабочена, раздражительна. Опять ее придавили опасенія и тревоги.

Снадобье оказалось недѣйствительнымъ! Положимъ, ошибокъ было сдѣлано не мало: травинки были нарваны не одинакой длины, а какъ попало; вѣтки взяты не отъ разныхъ породъ деревьевъ, а всѣ отъ березы; наконецъ питье попробовали всѣ, тогда какъ оно должно было достаться одному молодому хозяину!.. Не было ничего мудренаго, что дѣйствія не оказалось! — Все это Ида соображала, но не видѣла въ этомъ утѣшенія, такъ какъ вторично продѣлать опытъ не рѣшилась бы ни за что на свѣтѣ.

Между тѣмъ жизнь текла своимъ чередомъ и до со-

вершеннолѣтія молодого хозяина оставалось не болѣе мѣсяца. Хозяйка, зорко наблюдавшая за отношеніями между сыномъ и Идой, даже повеселѣла, такъ явно казалось ей ихъ взаимное охлажденіе и такъ мало опасеній возбуждало въ ней теперь приближеніе дня рожденія Августа. Не безъ основанія приписывала она происшедшую перемѣну тому, что своевременно поговорила съ сыномъ «какъ слѣдовало».

Самъ молодой хозяинъ до такой степени увлекался управленіемъ имѣньемъ, что мало занимался своими сердечными дѣлами и если не былъ предупредителенъ къ Идѣ, то и не дразнилъ ее ухаживаньемъ за Амандой изъ Ханкала. У него не то было на умѣ. Съ матерью онъ разговаривалъ только о земледѣліи и другихъ, не менѣе серьёзныхъ дѣлахъ; съ прочими держалъ себя настоящимъ хозяиномъ, умѣя заставлять рабочихъ слушаться, а сосѣдей принуждая относиться къ нему съ уваженіемъ Глядя на Августа его мать начинала радоваться за судьбу имѣнья, а Ида—втайнѣ гордиться своимъ женихомъ.

Однажды въ половинѣ ноября молодой хозяинъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и отъ нечего дѣлать поглядывалъ на Иду, которая перемѣняла тарелки, собираясь поставить на столъ второе блюдо. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и взглядъ его такъ и впился въ дѣвушку. Потомъ онъ отложилъ ножъ и вилку въ сторону, порывисто всталъ и вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту онъ вернулся уже нѣсколько успокоенный, сказалъ, что поперхнулся кускомъ хлѣба, и продолжалъ обѣдать уже не поднимая головы.

Дѣло въ томъ, что онъ въ первый разъ замѣтилъ, насколько измѣнилась фигура Иды. Очевидно приближалась развязка и скрывать дѣло не было уже возможности. И то удивительно, какъ до сихъ поръ Ида умудрялась скрывать...

Молодой хозяинъ былъ мягкосердеченъ и не смотря на свои сомнѣнія почувствовалъ къ Идѣ глубокое состраданіе. Подумать, что въ ея положеніи она работаетъ, какъ прежде, по крайней мѣрѣ за двоихъ, и переноситъ все молча, никому не жалуясь... Не даромъ она такая невеселая, почти убитая, и такъ низко опускаетъ голову!—Его сердце просто ныло отъ жалости!

Мать, казалось, ничего въ наружности Иды не замѣчала или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ. Ея взглядъ всегда скользилъ мимо дѣвушки, упрямо избѣгая останавливаться на ней.

Августъ Харваненъ сидѣлъ въ мрачномъ раздуміи. Отчего мать такъ слѣпа или притворяется слѣпой? И почему Ида не придетъ къ нему просить его защиты? Откуда у нея эта страшная гордость, которая не позволяетъ ей даже пожаловаться? Просто съ ума можно сойти со всѣми этими бабьими штуками!

Но Ида и не смотрѣла на него. Она ходила понуривъ голову, и безропотно исполняла свои обязанности, избѣгая встрѣчаться съ нимъ взглядомъ. Когда же ему удавалось поймать ея взглядъ, въ немъ было только выраженіе тоски и упрека...

На слѣдующій день, не будучи въ состояніи оста-

*

ваться дольше въ неизвѣстности, онъ подстерегъ Иду и схватилъ ее за руку въ то время, какъ она входила въ кладовую. Она обернулась и съ печальнымъ недоумѣніемъ посмотрѣла на него, но тотчасъ же отвернулась и ушла въ кладовую, не отвѣтивъ на его привѣтствіе. Онъ послѣдовалъ за нею и терпѣливо сталъ дожидаться у дверей, пока она искала что-то въ полутемной кладовой между мѣшками съ мукой, боченками и разнаго рода мелкой провизіей. Наконецъ она нашла, что искала, и направилась къ дверямъ; но онъ преградилъ ей дорогу.

— Отчего ты не обращаешься ко мнѣ, Ида? — сказалъ онъ неровнымъ голосомъ.

— А зачѣмъ мнѣ обращаться къ тебѣ? — спросила она, не поднимая глазъ, но такимъ голосомъ, отъ котораго его сердце заныло, точно въ него вонзили ножъ.

— Ты могла бы потребовать моей помощи и могла бы сказать мнѣ, что больше не сердишься, Ида.

— Для чего? Обойдусь я и безъ твоей помощи, какъ до сихъ поръ обходилась! Да и не стоитъ дружить съ тобой, потому что я тебѣ опостылѣла и ты меня бросишь — это вѣдь я понимаю. Нѣтъ, Густи, иди ты лучше къ Амандѣ изъ Ханкала, она тебѣ больше подходитъ. Она весела и здорова, да и матери твоей это понравилось бы...

— И ты... ты можешь это говорить?... Теперь!..

— А что мнѣ больше сказать?

Она переложила свою корзину изъ одной руки въ другую и снова попыталась пройти въ двери, но онъ взялъ ее за руку повыше локтя и остановилъ.

— Ида, скажи, что ты этого не думаешь! — заговорилъ онъ съ волненіемъ. — Не можешь же ты считать меня такимъ подлецомъ... и... и думать, что я оставлю тебя, когда ты несчастна!..

Въ глазахъ Иды вспыхнула искра, но тотчасъ же опять погасла. Рѣшительнымъ движеніемъ освободивши свою руку она прошла мимо молодого хозяина. Но переступивъ порогъ и очутившись на дворѣ, она обернулась и проговорила со слезами на глазахъ и въ голосѣ:

— Много ты заботишься о моемъ несчастіи! Небось, ты думаешь, какъ и твоя мать, что я была съ докторомъ...

Августъ Харваненъ совсѣмъ растерялся. Почемъ она знала его сокровеннѣйшія мысли, если... если она невиновата?... Но въ то же время эти непритворныя слезы, это печальное негодованіе?..

Всѣ его сомнѣнія вдругъ разсѣялись и онъ подошелъ къ ней съ протянутой рукой.

— А знаешь-ли, Ида,—сказалъ онъ съ открытымъ выраженіемъ въ лицѣ, — не пора-ли намъ серьёзнѣе отнестись къ этому дѣлу? Не пойти-ли намъ прямо къ моей матери и не сказать-ли ей все, какъ есть? По крайней мѣрѣ ты перестала бы мучиться...

— А почему ты раньше не сказалъ всего твоей матери?

— Да... гмъ!.. По крайней мѣрѣ теперь я не отступлю...

— Въ самомъ дѣлѣ? Положимъ, ты не отступишь... Но потомъ? Твоя мать опять скажетъ обо мнѣ что-нибудь

дурное, и опять ты сейчасъ же всему повѣришь и будешь готовъ бросить меня!..

— Ты почемъ все знаешь, Ида? Можетъ быть я какъ-нибудь?..

— Эхъ, Густи! Не трудно угадывать такія вещи, да и на твоемъ лицѣ все отражается...

Она проронила это беззвучно, какъ бы отчаяваясь въ немъ. Это задѣло его за живое.

— Пожалуй я слишкомъ ужъ подчинялся матери,— сказалъ онъ твердо, — но этого больше не будетъ. Теперь я не хочу, чтобы ты убивала себя и ребенка на работѣ. Я сейчасъ же пойду къ матери и скажу все, какъ есть.

Онъ даже сдѣлалъ шагъ въ сторону крыльца и Ида видѣла, что онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ привести свое рѣшеніе въ исполненіе. Ею овладѣло безпокойство.

— Постой, Густи! — сказала она смиренно. — По моему лучше подождать еще...

— Не понимаю, для чего! Дѣло въ томъ, что надо избавить тебя отъ работы и поберечь тебя... Нѣтъ, какъ хочешь, а я пойду...

— Подожди еще нѣсколько дней. Я съумѣю сама себя поберечь.

— Наконецъ, скоро она сама замѣтитъ, если еще не замѣтила.

— Это другое дѣло! Пусть сама замѣтитъ...

— Но ты тѣмъ временемъ повредишь себя!

— Небось, не повредю... Я крѣпкая!

— Да объясни мнѣ хоть, что ты имѣешь противъ того, чтобы я объяснился съ матерью?

— Ничего! Я просто не хочу, чтобы мы объявляли ей то, что она должна сама замѣтить.

— А если она не станетъ обращать вниманія? Можетъ быть она уже и такъ давно все поняла, но не подаетъ вида... Съ нея хватитъ!

— Ну, во всякомъ случаѣ дай мнѣ самой распоряжаться въ этомъ дѣлѣ, Августъ. Если станетъ мнѣ не подъ силу, я приду просить твоей помощи. Теперь я могу еще обойтись безъ тебя.

— Ты ужасно странная, Ида! — проговорилъ молодой хозяинъ и снова овладѣлъ ея рукой.

— Видишь-ли, въ нѣкоторыхъ вещахъ дѣвушкѣ бываетъ трудно... ужасно трудно признаваться, Густи, въ особенности такой женщинѣ, какова твоя мать. Это дѣлается, когда уже ничего другого не остается дѣлать.

— Гмъ!.. Ну, какъ знаешь; принуждать тебя я не могу, а безъ твоего согласія не стану же я выдавать такое дѣло... По моему слѣдуетъ объявить матери правду. Но если ты этого не желаешь...

— Не наступило еще время, Густи.

— По крайней мѣрѣ будь со мной ласковѣе и откровеннѣе, Ида!

— А ты со мной?..

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза; при этомъ Ида сильно покраснѣла, а имъ овладѣлъ такой же порывъ восхищенія и гордости, какъ однажды на полянкѣ у

камня. Забывшись онъ хотѣлъ обнять ее и увлечь обратно, въ полутемную кладовую. Но Ида увернулась отъ него и посмотрѣла на него съ такимъ ужасомъ, что онъ сразу опомнился.

— Ну, ну... не пугайся! — пробормоталъ онъ въ смущеніи. — Я какъ-то не подумалъ... гмъ!..

Ида торопливо заперла кладовую, вынула ключъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дому, потомъ обернулась, привѣтливо, но съ загадочнымъ выраженіемъ въ глазахъ, кивнула ему нѣсколько разъ и наконецъ скрылась въ кухонныхъ сѣняхъ.

Молодой хозяинъ провелъ себѣ рукой по лицу и пошелъ въ другую сторону вполнѣ успокоенный и довольный. Точно тяжелый камень свалился у него съ души! По крайней мѣрѣ онъ примирился съ Идой и со своей совѣстью, а остальное все устроить не хитро! И какъ онъ могъ въ чемъ нибудь сомнѣваться? Во всемъ мірѣ не найдется болѣе прямодушной и дѣльной дѣвушки, а ужъ о ея красотѣ и говорить нечего!

На слѣдующее воскресенье Ида какъ всегда съѣздила въ церковь, но вернулась домой такая взволнованная и убитая, что всѣ были поражены ея жалкимъ видомъ. Глаза у нея были заплаканы; она видимо страдала и едва держалась на ногахъ. Хозяйка поглядывала на нее ничего хорошаго не предвѣщавшимъ взглядомъ, но молчала. Молодой хозяинъ, понявшій, что наступала развязка, былъ почти также взволнованъ, какъ и Ида.

Только послѣ обѣда ему удалось встрѣтиться съ Идой наединѣ. Съ первыхъ же словъ оказалось, что онъ не ошибся: то, чего они дожидались, должно было случиться въ самомъ непродолжительномъ времени, можетъ быть надняхъ. Тотчасъ же онъ снова повторилъ свое предложеніе объявить правду матери, но она покачала головой и сказала, что рѣшилась поступить иначе.

— Что же ты намѣрена сдѣлать? — спросилъ онъ нетерпѣливо.—По моему лучше всего идти къ матери.

— Нѣтъ, дай мнѣ поступить, какъ я сама хочу, Густи!—отвѣтила она и посмотрѣла на небо такъ печально, что ему вдругъ стало страшно.

— Послушай, Ида... Надѣюсь, ты не задумала чего нибудь худого?—проговорилъ онъ поспѣшно.

— Нѣтъ, нѣтъ... этого не опасайся! Худого я не желаю... Наконецъ, иначе я не могу.

— Да что ты задумала?

— Ты узнаешь это завтра.

— А не лучше ли сегодня же столковаться съ матерью?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Но почему же?

— Потому что я этого не хочу!

Ида объявила это такъ твердо, что онъ не сталъ настаивать. Нельзя же было предполагать, что она погубитъ себя или ребенка, когда онъ предлагалъ ей устроить иначе. Притомъ такая честная, умная дѣвушка, какъ Ида, не сдѣлаетъ ненужныхъ преступленій!.. Только гордость

и стыдъ мѣшаютъ ей открыться своей теткѣ, а его матери — это вѣдь ясно!..

Разставаясь съ нимъ, она подала ему руку, чего прежде не дѣлала, и посмотрѣла на него долгимъ, загадочнымъ взглядомъ. Потомъ она повернулась и направилась въ свою комнату тяжелой перевалистой поступью. Онъ провожалъ ее долгимъ взглядомъ и подумалъ, что теперь конечно всѣ во дворѣ знали столько же, какъ и онъ. Только слѣпой могъ не замѣтить ея положенія! Отчего же мать дѣлала видъ, что ничего не знала?

Впрочемъ онъ успокоился на мысли, что Ида съумѣетъ лучше его придумать, что̀ надо дѣлать, и, считая, что со своей стороны предложилъ все, что̀ могъ, почувствовалъ даже нѣкоторое облегченіе, избавившись отъ необходимости немедленнаго объясненія съ матерью.

На слѣдующее утро, когда рабочіе и горничныя явились въ обычное время въ кухню, тамъ не оказалось ни привѣтливо дымящагося кофейника, ни самой Иды. Не оказалось дѣвушки и въ ея комнатѣ, гдѣ нетронутая постель свидѣтельствовала, что Ида скрылась изъ дома еще съ вечера..

Кухарка направилась увѣдомить объ этомъ хозяйку...

Выслушавъ донесеніе хозяйка подняла голову, но повидимому не особенно удивилась, хотя и сочла необходимымъ сдѣлать нѣсколько восклицаній въ знакъ того, что она не равнодушна къ участи племянницы.

— Господи Іисусе! — вскричала она. — Что могло сдѣлаться съ дѣвочкой?..

— Гмъ!—откашлялась кухарка, которую возмутила холодность хозяйки.—Неужто вы не замѣтили что съ Идой было неладно?

— Нѣтъ... А что съ ней было? Я ничего не знаю.

— Ну, ну!.. Мы-то всѣ давно видѣли, что...

— Да что вы видѣли? Говори толкомъ!

Кухарка нашла, что притворство хозяйки перешло всякія границы приличія и позволила себѣ даже засмѣяться, стянувъ ротъ кисетомъ и прикрывая лице рукавомъ.

— И какъ это вы, хозяюшка, не замѣтили, что Богъ вамъ посылаетъ внучка! — сказала она, не переставая смѣяться.

— Что такое?.. Какъ ты смѣешь говорить это?

Старуха грозно поднялась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ кухаркѣ, которая однако тотчасъ же ускользнула изъ комнаты, даже не подумавъ извиниться. Тогда хозяйка поняла, что слѣдовало немедленно возстановить въ домѣ порядокъ, вооружилась всѣмъ своимъ достоинствомъ и вышла въ столовую.

Тамъ уже толпилось нѣсколько служанокъ и только-что появился молодой хозяинъ, возвращавшійся изъ комнаты Иды, куда онъ ходилъ удостовѣриться въ дѣйствительности случившагося. Онъ былъ ужасно огорченъ но въ то же время золъ и пристыженъ...

Хозяйка вошла неторопливо и величественно, какъ

негодующая царица. Ея холодность сразу подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ на переполошившуюся прислугу. Какъ бы тамъ ни было, а надъ хозяевами нельзя шутить! Бываетъ что люди являясь по дѣлу на домъ къ сельскому судьѣ, забываются и говорятъ ему лишнее; но когда онъ ударитъ кулакомъ по столу и крикнетъ, что не позволитъ говорить дерзости въ его же собственномъ домѣ, тогда умолкаютъ самые дерзкіе, потому что судья является передъ ними хозяиномъ. Уваженіе къ хозяину или хозайкѣ неотъемлемо присуще каждому финну. Онъ можетъ перемѣнить вѣру и сдѣлалъ это уже однажды въ исторіи но обычаи для него святы. Обычаи твердо стоятъ болѣе тысячи лѣтъ и простоятъ еще столько же.

Къ тому же хозяйка въ Монола умѣетъ постоять за себя, когда дѣло идетъ о спасеніи своего авторитета. Въ этихъ случаяхъ она принимаетъ такую неприступную осанку и дѣлается такъ увѣрена въ себѣ, что можетъ смутить кого угодно...

— Отправляйтесь на свои работы! — приказываетъ она сухо, не возвышая голоса, но такимъ тономъ, что никому и въ голову не приходитъ не повиноваться. — Кофею вамъ сегодня не будетъ за то, что вы не умѣете себя вести. Ида забыла долгъ и честь, потихоньку убѣжавъ изъ дома, въ которомъ выросла; а вы умѣете только зубоскалить надъ такимъ поступкомъ. Идите на работы, говорю я вамъ!

Мгновенно столовая опустѣла. Остался только молодой хозяинъ, который смотрѣлъ на мать не сморгнувъ глазомъ.

— Теперь ты самъ видишь, что изъ этого вышло!—сказала мать.—Добился сраму на весь округъ!

— Не вѣрнѣе-ли, матушка, что этого добилась ты своею жестокостью къ Идѣ?

— Что-о? Ты хочешь все свалить на меня?..

— Да, ты одна въ этомъ виновата!

— И ты не стыдишься говорить это своей старой матери въ глаза, мальчикъ? Надѣюсь, я лучше тебя знаю, какъ мнѣ надо себя вести!

— Стало быть, ты замѣчала раньше?

— Что такое замѣчала?

— То, что Ида была въ тягости.

— Это не твое дѣло. Говорю тебѣ только, что если ты осмѣлишься заступаться за дѣвченку теперь, я поступлю съ тобою по своему! Ну, иди теперь на работу и не думай о распутницѣ, которая въ благодарность за то, что ее пріютили и выростили, навела на весь домъ позоръ. Ступай!

Молодой хозяинъ въ свою очередь поднялъ голову и прищурился.

— Ты кажется въ самомъ дѣлѣ хочешь бросить Иду на произволъ судьбы?—сказалъ онъ вызывающимъ голосомъ.—Ты развѣ не знаешь, мать, что ребенокъ у нея отъ меня?

— Отъ тебя?—переспросила она презрительно. — Отъ доктора, а не отъ тебя, мальчишка!

Онъ пожалъ плечами.

— Ну, это даже глупо!—сказалъ онъ.—Припомни,

когда докторъ пріѣхалъ и согласись, что твое обвиненіе несправедливо, мать. Наконецъ мнѣ лучше знать, и если я говорю, что это мой ребенокъ—это вѣрно!

— Въ такомъ случаѣ ты не лучше ея! Вы опозорили семью и весь родъ...

— Да, я былъ неправъ. Но мы любили другъ друга, и я всегда былъ намѣренъ на ней жениться. Ты мнѣ мѣшала, мать! Но теперь говорю тебѣ прямо, что сейчасъ-же женюсь на ней ради нашего ребенка и чтобы поскорѣе исправить причиненное ей зло. Ты этого не понимаешь, что-ли?

— Я понимаю только, что напрасно давнымъ-давно не выгнала ее изъ дому! Тогда-бы она не одурачила такого молокососа, какъ ты.

— Стало быть, — сказалъ сынъ, нисколько не возвышая голоса, — намъ остается только пожениться безъ твоего согласія, мать... Но... но можетъ быть ея уже нѣтъ въ живыхъ...

— Небось, такая не лишитъ себя жизни!—насмѣшливо, но тоже не возвышая голоса замѣтила старуха. — Знаю я и ее, и весь ея родъ... Можешь быть совершенно спокоенъ...

— Теперь я поѣду ее искать и намѣренъ привезти ее домой. Мнѣ все не вѣрится, что ты насъ обоихъ выгонишь...

— Это твое послѣднее слово, Августъ?

— Разумѣется. Тебѣ-бы слѣдовало понять это, не спрашивая. Тебѣ-бы также не слѣдовало думать, что я могу покинуть Иду въ такомъ дѣлѣ!

Онъ проговорилъ это съ такимъ самоувѣреннымъ спокойствіемъ, какого мать и не ждала отъ него.

— А что ты намѣренъ дѣлать потомъ?—спросила она растягивая слова.

— Я намѣренъ жениться на ней. Если ты не хочешь жить съ нами вмѣстѣ, можешь выплатить мою часть наслѣдства и я куплю себѣ другое имѣнье, подальше отсюда... Вотъ и все...

Мать пытливо смотрѣла на него. Теперь она узнавала въ сынѣ характеръ стараго Харванена и по опыту знала, что такія рѣшенія неизмѣнны. Но рано ему было бороться съ родной матерью!

— Дѣлай, какъ хочешь! — сказала она коротко.— Только лучше и не привози сюда Иду и ея ребенка. Видѣть ее не хочу! Она разбила покой моей жизни на старости лѣтъ...

— Ладно, мы не будемъ навязываться!

Они разстались торжественно и спокойно, пожавъ даже руку другъ другу, какъ чужіе. Объ уступкахъ ни съ его, ни съ ея стороны не могло быть и рѣчи.

XVII.

Послѣ того, какъ все было рѣшено, молодой хозяинъ точно переродился. Ему и въ голову не приходило заботиться о позорѣ, который Ида навлекла на его

родъ; ему становилось смѣшно при одной мысли, что «такой вздоръ» могъ побудить его покинуть дѣвушку въ несчастіи. Онъ даже не особенно тревожился за Иду, вполнѣ увѣренный, что найдетъ ее въ одномъ изъ сѣнныхъ сараевъ на лугу, гдѣ она конечно лежитъ теперь на соломѣ.

Бодро вышелъ онъ изъ дому и началъ обходить ближайшіе луга. Было морозное ноябрьское утро. Снѣга было мало. Трава и оголенныя вѣтви деревьевъ были покрыты пушистымъ инеемъ; кое-гдѣ на лугахъ стояли лужи покрытыя ледяной коркой воды; на свѣжемъ воздухѣ дышалось особенно легко.

Однако ни въ одномъ изъ сѣнныхъ сараевъ Иды не оказывалось, и когда онъ обошелъ всѣ луга, ему пришло въ голову, что Ида вѣроятно обратилась за помощью къ чужимъ людямъ. Это омрачило и озаботило его...

Вернувшись домой къ завтраку, онъ прошелъ въ столовую, даже не взглянувъ ни на мать, ни на тревожно поглядывавшихъ на него служанокъ, молча позавтракалъ и тотчасъ-же снова вышелъ на дворъ. Его начинали мучить серьезныя опасенія за Иду. По оставшимся въ ея комнатѣ вещамъ, онъ зналъ, что она ушла изъ дому въ одной легкой кофточкѣ, не накинувъ на себя даже шубки... Что, если, не добравшись до деревни, она осталась больная гдѣ-нибудь въ лѣсу... на морозѣ?

Онъ торопливо запрегъ лошадь въ свои сани и выѣхалъ за ворота, сказавъ, что ѣдетъ на поиски. Но отъ-

ѣхавъ всего сотню шаговъ по аллеѣ, онъ вдругъ повернулъ, рысью вернулся во дворъ и позвалъ нарядчика. Съ нимъ онъ поговорилъ довольно долго, потомъ задумчиво тронулъ возжей и снова уѣхалъ за ворота.

Нарядчикъ получилъ отъ него приказаніе тотчасъ-же разослать четырехъ верховыхъ и двухъ пѣшихъ мужиковъ на поиски дѣвушки по всѣмъ окрестностямъ. Это распоряженіе сдѣлано было самовластно, не спрашивая разрѣшенія хозяйки, но тотчасъ-же было приведено въ исполненіе во имя справедливости и человѣколюбія. Старуха не посмѣла даже противорѣчить, боясь этимъ ничего не добиться и только уронить себя въ глазахъ рабочихъ.

Между тѣмъ Августъ Харваненъ ѣхалъ раздумывая о томъ, къ кому Ида могла обратиться за помощью. Онъ зналъ, что во всей волости у Иды не было близкихъ людей за исключеніемъ жены бывшаго приказчика Монола. Очевидно она обратилась къ нимъ...

Не задумываясь онъ погналъ лошадь, направляясь къ пасторату, возлѣ котораго жилъ уволенный приказчикъ. Онъ ѣхалъ къ своему недавнему врагу безъ всякой горечи въ душѣ. Онъ даже съ благодарностью думалъ о немъ и о его женѣ, нисколько не сомнѣваясь, что они должны были пріютить бездомную больную.

Дорогой онъ началъ соображать, какъ тяжело было Идѣ идти... въ ея положеніи... и такъ далеко. Можетъ быть у нея начинались уже нестерпимыя муки, а она шла одна, за десять верстъ, ночью, плохо одѣтая!.. Чѣмъ

больше онъ думалъ о гордости, и мужествѣ, и желѣзной волѣ дѣвушки, тѣмъ дороже она ему становилась, и горячее чувство къ ней разгоралось въ его душѣ. Онъ началъ представлять себѣ, какъ подойдетъ къ ней и какъ обниметъ ее съ такой любовью, какой еще никогда ни къ кому не чувствовалъ. Но вдругъ ему представилось нѣчто другое, ужасное.

Въ воображеніи онъ вдругъ увидѣлъ Иду на соломѣ, блѣдную, неподвижную, окаменѣвшую, а возлѣ нея маленькое существо, которое еще было живо...

Лошадь получила нѣсколько ударовъ кнута и понеслась во весь опоръ. Черезъ полчаса, не смотря на малоснѣжную дорогу, онъ уже подъѣзжалъ къ деревенькѣ, раскинувшейся возлѣ пастората. Въ сторонѣ виднѣлась церковь съ ея высокой, остроконечной колокольней.

Молодой хозяинъ не зналъ, гдѣ именно помѣщался въ этой деревнѣ ихъ бывшій приказчикъ; какая-то дѣвочка показала ему дорогу. Квартира приказчика оказалась небольшимъ домикомъ на краю деревни, во дворъ котораго Августъ Харваненъ и въѣхалъ такъ быстро, что чуть не опрокинулся на поворотѣ у воротъ.

Приказчикъ самъ былъ во дворѣ. Увидѣвъ молодого Харванена, онъ широко раскрылъ глаза отъ изумленія и не зналъ, что подумать. Между тѣмъ Августъ бросилъ возжи, выскочилъ изъ саней и, торопливо подавая приказчику руку, спросилъ:

— Ида, конечно, у васъ?

— Нѣ-ѣтъ! — протянулъ тотъ, недоумѣвая.

— И вы ее не видѣли... не знаете, гдѣ она?

— Нѣ-ѣтъ...

Молодой хозяинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и пробормоталъ что-то невнятное. Но тотчасъ-же онъ снова овладѣлъ собой и, схвативъ приказчика за руку, спросилъ:

— Не могу-ли я поговорить съ вами?

Они вошли.

Черезъ нѣсколько минутъ приказчикъ и его жена снова выходили изъ дому, провожая молодого хозяина и повидимому совсѣмъ примиренные со своимъ недавнимъ врагомъ, хотя никакого объясненія о своихъ личныхъ дѣлахъ у нихъ съ нимъ не было. Просто, молодой хозяинъ обратился къ нимъ за совѣтомъ относительно Иды, съ неожиданной довѣрчивостью объясняя имъ все дѣло и не скрывая своей мучительной тревоги, а они переглянулись многозначительнымъ взглядомъ и начали говорить съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ...

На крыльцѣ они остановились, соображая, куда направиться на поиски. Какъ и нарядчикъ, они были увѣрены, что Ида направилась въ эту деревню... Надо было поискать ее въ сѣнныхъ сараяхъ, на лугахъ! И они разошлись въ три разныя стороны, намѣреваясь тщательно осмотрѣть каждый свою часть луговъ.

Черезъ часъ они снова собрались, но Иды попрежнему не было. Молодой хозяинъ былъ до такой степени огорченъ и взволнованъ, что приказчикъ не рѣшился оставить его одного и предложилъ ему сопутствовать

въ его дальнѣйшихъ поискахъ. Они сѣли въ сани рядомъ и выѣхали опять за ворота. Августъ угрюмо молчалъ; приказчикъ ободрялъ его и всячески доказывалъ, что еще не имѣется ни малѣйшихъ поводовъ ожидать чего-нибудь худого. Наоборотъ, не найдя дѣвушки въ сѣнныхъ сараяхъ, можно было предположить, что она пріютилась въ какомъ-нибудь хуторѣ, у крестьянъ.

Слова стараго приказчика, говорившаго, какъ всегда, тихо и обдуманно, замѣтно успокоили молодого хозяина. Онъ вдругъ поднялъ голову, обернулся къ старику и сказалъ съ порывомъ сердечности:

— Вы добры и великодушны ко мнѣ!.. Вы говорите, какъ настоящій другъ, и даже не вспоминаете, что я-то не всегда былъ справедливъ къ вамъ...

— Съ чего вы взяли? Вы всегда были справедливы къ намъ!—возразилъ приказчикъ съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, точно никогда другого и не думалъ.

— Нѣтъ, я не былъ справедливъ...

— Будетъ вамъ! И охота вамъ думать о прошлогоднемъ снѣгѣ? Если что-нибудь и было, такъ вѣдь все это давно прошло и быльемъ поросло!

Послѣ этого они снова заговорили объ Идѣ, при чемъ молодой хозяинъ безъ утайки разсказалъ все, что вытерпѣлъ изъ-за своей любви, и, встрѣтивъ со стороны приказчика много сочувствія, кончилъ тѣмъ, что попросилъ позволенія помѣстить къ нему на время Иду и ея ребенка... если... если ихъ удастся найти живыми. Въ поясненіе своей просьбы онъ разсказалъ, какъ

жестко относится къ этому дѣлу его мать и какъ она формально запретила привозить Иду въ Монола.

— Въ такомъ случаѣ ничего другаго не остается, какъ помѣстить дѣвушку къ намъ —отвѣтилъ приказчикъ совершенно просто.—Я вовсе не хочу дѣлать на зло вашей матери. Но въ этомъ дѣлѣ я долженъ поступать, какъ христіанинъ и не имѣю права сообразоваться съ чувствами другихъ людей.

Оба задумчиво помолчали.

— Придется и мнѣ пріискивать себѣ новое жилище,—сказалъ молодой Харваненъ послѣ длинной паузы.—Мать не хочетъ жить подъ одной кровлей съ Идой.

Приказчикъ внимательно посмотрѣлъ на Августа и задумался. Вдругъ въ глазахъ его появились искорки: его осѣнила необыкновенно счастливая мысль, «цѣлое вдохновеніе», какъ онъ потомъ признавался своей женѣ. Однако онъ ни словомъ не обмолвился о томъ, что ему пришло въ голову.

— Да, это непріятная исторія!—сказалъ онъ помолчавъ.—Однако, можетъ быть еще можно будетъ уговорить вашу матушку?

— Не думаю. Я даже вовсе не желаю ее уговаривать...

— Ну, и что же вы думаете сдѣлать?

— Я хочу выдѣлить свою часть и пріискать себѣ новое имѣніе.

— Вотъ какъ! Гмъ... Въ такомъ случаѣ... у меня есть на примѣтѣ имѣніе, которое было бы для васъ настоящей находкой...

Молодой хозяинъ уже снова думалъ объ Идѣ и ничего не отвѣтилъ на слова приказчика. Въ это время они миновали лѣсъ и выѣзжали къ хуторамъ, расположеннымъ на полупути между Монола и церковью.

— А что, если Ида своротила съ дороги къ одному изъ этихъ хуторовъ?—проговорилъ онъ, пристально оглядывая виднѣвшіяся вдали постройки.—Ее могло принудить къ этому утомленіе или нездоровье...

— Да, это возможно!—согласился приказчикъ.

— Надо будетъ разспросить мужиковъ.

— А не будетъ-ли непріятно замѣшивать въ дѣло лишнихъ людей?—спросилъ осторожный приказчикъ.

— Пустяки! И безъ того завтра во всемъ приходѣ будутъ знать, что у насъ случилось!

Въ ближайшемъ хуторѣ однако никто ничего еще не слышалъ объ Идѣ и ея не видали. Зато у слѣдующаго хутора на встрѣчу ѣдущимъ выбѣжала женщина, простоволосая и съ такимъ выраженіемъ лица, что сразу было видно, что у нея было что сообщить.

— Ида у васъ?—взволнованнымъ голосомъ крикнулъ ей молодой хозяинъ.

— Да, она лежитъ съ ребенкомъ у насъ, въ избѣ. На разсвѣтѣ мужики нашли ее за гумномъ, на соломѣ...

— Она жива?

— Конечно жива... и ребенокъ тоже...

Она должна была проворно отскочить въ сторону, потому что Августъ Харваненъ повернулъ лошадь къ хутору и погналъ такъ быстро, что чутъ не переѣхалъ бабу.

Черезъ минуту онъ былъ уже въ избѣ и стоялъ передъ кроватью, помѣщавшейся въ углу за печью. На кровати лежала Ида съ спеленатымъ младенцемъ у груди.

— Наконецъ то мы тебя нашли! — пробормоталъ онъ совсѣмъ растерянно. Ему вдругъ стало ужасно неловко въ присутствіи молча зѣвавшихъ на него бабъ и мужиковъ. Онъ не смѣлъ приблизиться къ Идѣ и чувствовалъ только сильнѣйшее смущеніе.

— Да, я пріютилась здѣсь, Густи!—отвѣтила она слабымъ голосомъ.—Спасибо, что ты разыскалъ меня...

Мгновенно онъ забылъ свое стѣсненіе и окружавшихъ ихъ людей. Онъ торопливо приблизился къ кровати и съ безпокойствомъ наклонился надъ Идой. Она смотрѣла на него испуганнымъ взглядомъ, жалкая, блѣдная.

— Зачѣмъ ты причинила мнѣ столько горя и тревогъ, Ида?—спросилъ онъ тихо.

— Я не могла иначе... прости меня! Ради Бога прости и не сердись, Густи!

— Ты очень больна?

Она отрицательно покачала головой и попыталась даже улыбнуться; но лицо ея, не терявшее выраженіе мучительнаго страха, только перекосилось.

— А ребенокъ?

— Это мальчикъ...

— Живъ?

— Конечно, живъ! Онъ только спитъ...

Августъ Харваненъ успокоился, но тотчасъ же опять почувствовалъ себя крайне неловко. Онъ медленно выпрямился, не находя больше, что сказать Идѣ. Ему приходило въ голову, что онъ долженъ быть жалокъ и смѣшонъ въ глазахъ всѣхъ этихъ стоявшихъ поодаль мужиковъ.

Въ это время къ нему подошелъ приказчикъ.

— Не лучше-ли всего попытаться теперь же увезти ее къ намъ?—предложилъ онъ въ полголоса.

— И по моему такъ...

— Только, въ силахъ-ли она ѣхать съ нами?

— Я ее спрошу.

Когда онъ снова наклонился къ Идѣ и передалъ ей предложеніе приказчика, она точно ожила. Она приподнялась на постели, овладѣла рукой Августа и проговорила съ чувствомъ:

— Какъ вы всѣ добры ко мнѣ!.. Конечно, я въ силахъ ѣхать... Я вовсе не особенно больна...

Увидѣвъ выступившаго въ это время изъ-за полога приказчика, она кивнула ему, но тотчасъ же ужасно застыдилась, покраснѣла и закрыла лицо руками.

Между тѣмъ молодой хозяинъ уже приготовлялъ все къ отъѣзду. Онъ сердечно поблагодарилъ хуторянъ, пріютившихъ у себя больную и всѣмъ пожалъ руки, но не сталъ пускаться въ объясненія, которыхъ и не требовалось, потому что всѣ и безъ того понимали въ чемъ дѣло. Затѣмъ былъ отправленъ гонецъ въ Монола, чтобы извѣстить хозяйку о томъ, что Ида нашлась и чтобы прекратить

розыски, а сама молодая мать и ея ребенокъ были осторожно перенесены въ сани. Молодой хозяинъ сѣлъ рядомъ съ Идой и сталъ ее поддерживать рукой. Приказчикъ умѣстился на облучкѣ и взялся править лошадью. Во избѣжаніе толчковъ обратное путешествіе къ жилищу приказчика было совершенно шагомъ, со всякими осторожностями.

Дорогой всѣ сначала молчали. Ида завязала свой головной платокъ такъ, что лица ея почти вовсе не было видно и совсѣмъ притихла. Сидѣвшій на облучкѣ приказчикъ лишь изрѣдка оглядывался назадъ и благожелательно, но безмолвно посматривалъ, «на троихъ дѣтей». Только самый младшій изъ сѣдоковъ издавалъ по временамъ звуки, такіе слабые, что ихъ нельзя было даже назвать крикомъ.

Но затѣмъ молодой хозяинъ началъ разпрашивать Иду и постепенно узналъ отъ нея все, что случилось за ночь. Она ушла изъ дому, потому что боялась хозяйки, которая сочла бы свой домъ опозореннымъ, если бы незамужняя племянница родила въ Монола. Она сама не знала, куда идетъ, когда вышла ночью на большую дорогу... Когда начались нестерпимыя боли, она была возлѣ хутора, гдѣ ее потомъ нашли, и зашла за гумно, чтобы полежать на соломѣ. Тамъ она и разрѣшилась ребенкомъ... Это было вѣроятно уже подъ утро; но толкомъ она не помнила, потому что по временамъ точно забывалась... Во всякомъ случаѣ, на соломѣ она оставалась не очень долго; ее вскорѣ нашли тамошніе мужики. Мороза

она тоже точно не замѣчала... Не до мороза ей было, когда она мучилась такъ, что ни минуты не надѣялась остаться въ живыхъ.

Наконецъ они пріѣхали. Ида съ ребенкомъ была внесена въ комнату и слабымъ голосомъ поблагодарила хозяевъ, что они согласились пріютить ее у себя. По ея словамъ, это было болѣе, чѣмъ она заслуживала; никогда она не рѣшилась бы надѣяться на такую снисходительность столь уважаемыхъ и почтенныхъ людей...

Послѣ этого она осталась наединѣ съ хозяйкой, пожелавшей помочь ей устроиться и перепеленать ребенка; мужчины удалились въ другую комнату. Къ этому времени напряженіе, съ которымъ молодой Харваненъ добивался возвращенія ему исчезнувшей Иды, прекратилось и дѣйствительность во всей ея сѣренькой непривлекательности начинала подавлять его. Онъ чувствовалъ себя поразительно ничтожнымъ, жалкимъ и безпомощнымъ въ своей неблагодарной роли. Все, что онъ сдѣлалъ, ему и теперь казалось совершенно правильнымъ; тѣмъ не менѣе онъ начиналъ опасаться, что былъ смѣшонъ въ глазахъ всѣхъ, кто видѣлъ его, и что онъ уронилъ свое достоинство, хотя и не могъ поступать иначе въ тѣхъ обстоятельствахъ, какими начался этотъ день. Въ особенности неловко чувствовалъ онъ себя по отношенію къ приказчику и его женѣ, къ которымъ онъ уже не чувствовалъ ни довѣрія, ни благодарности, и предупредительность которыхъ начинала пугать его, точно его запутывали въ какую-то скверную и унизительную исто-

рію. Даже его горячая любовь къ Идѣ не могла уже смягчить охватывавшихъ его теперь непріятныхъ впечатлѣній.

Онъ нехотя и односложными словами отвѣчалъ на длинныя разсужденія приказчика, который старался занять его, и какъ только вышла хозяйка, поблагодарилъ обоихъ за ихъ заботы объ Идѣ, попросилъ и впредь заботиться о ней, пока она не окрѣпнетъ, затѣмъ простился и уѣхалъ домой. Дорогой его настроеніе не улучшилось и пріѣхавъ домой онъ почувствовалъ, что не въ силахъ выдержать новое сраженіе съ матерью. Поэтому онъ не сталъ даже ужинать, пробрался прямо въ свою комнату и тотчасъ же легъ спать, отлагая всякія объясненія съ матерью до слѣдующаго дня.

Но ни на слѣдующій день, ни далѣе, въ теченіе цѣлой недѣли, мать и сынъ ни словомъ не обмѣнялись о томъ, что ихъ обоихъ занимало больше всего. Мать держала себя точно ничего особеннаго не случилось; онъ бралъ съ нея примѣръ и поступалъ точно также.

Каждый день онъ ѣздилъ провѣдывать Иду и всякій разъ она оказывалась бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ наканунѣ. Она уже вставала и выходила къ нему навстрѣчу съ малюткой на рукахъ. Этотъ малютка вызывалъ въ немъ какія-то смѣшанныя чувства. По временамъ онъ чувствовалъ приливъ отцовской нѣжности и гордился ребенкомъ; въ другіе дни ему становилось стыдно отъ сознанія, что этотъ ребенокъ его... Разсматривалъ онъ сына всегда какимъ-то особенно почтительнымъ взглядомъ, но радости

при видѣ ребенка никогда не чувствовалъ; наоборотъ, въ такія минуты онъ всегда вспоминалъ о затруднительномъ положеніи, въ которое его поставило появленіе на свѣтъ этого мальчика, а такія размышленія не имѣли въ себѣ ничего пріятнаго. Особенно непріятны ему были двусмысленныя усмѣшки, съ какими присутствовавшіе посматривали на него, когда онъ подходилъ къ ребенку, и колыбельныя пѣсни собственнаго сочиненія, которыми иногда жена приказчика укачивала малютку. Дѣло въ томъ, что у этой благочестивой женщины не было собственныхъ дѣтей, и на ребенка Иды изливались всѣ ея накопленныя материнскія нѣжности въ слишкомъ слащавомъ видѣ...

Иногда молодому хозяину приходило въ голову, что съ рожденіемъ сына онъ самъ точно опять превратился въ ребенка и во всякомъ случаѣ попалъ въ полную зависимость отъ матери, отъ Иды, отъ приказчика и отъ его жены. Эта зависимость становилась тяжелѣе, чѣмъ когда-либо, а зависимость отъ приказчика являлась какою-то ненужной нелѣпостью. Понятно, что въ такихъ обстоятельствахъ онъ желалъ поскорѣе вырваться на свободу и перемѣнить судьбу съ согласія или безъ согласія матери.

Однажды приказчикъ снова спросилъ его, какъ онъ намѣренъ устроить свою будущность.

— Да пока я только предвижу свадьбу и всякія непріятности со стороны моей матери!—отвѣтилъ Августъ раздражительно. — А потомъ будь, что будетъ!

— А развѣ вы раздумали покупать новое имѣніе?

— Ничего не раздумалъ; но вѣдь ничего еще не опредѣлилось. Сначала надо столковаться о моей части въ наслѣдствѣ съ матерью.

— Дѣло въ томъ,—задумчиво проговорилъ приказчикъ,—что представляется случай купить очень подходящее для васъ имѣніе, и очень выгодно...

— Вотъ какъ?

— Да, конкурсное правленіе въ Имола—вы вѣдь знаете, что это имѣніе все еще не продано—отчаялось продать имѣніе за настоящую цѣну и готово удовольствоваться ста пятидесятью тысячами. При томъ только половина этой суммы требуется наличными деньгами, а остальное можетъ быть выплачено съ десяти-лѣтней разсрочкой. Это такія условія, на которыя можетъ смѣло согласиться всякій, у кого есть семьдесятъ пять тысячъ, чтобы сразу выложить ихъ на столъ, а у васъ, небось, найдется и побольше.

Молодой хозяинъ слушалъ сначала довольно разсѣянно, но понемногу дѣло его заинтересовало, и онъ началъ разспрашивать подробности. Оказалось, что приказчикъ имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія объ имѣніи, зналъ дѣйствительную его стоимость и величину доходовъ по всѣмъ статьямъ, зналъ даже насколько доходность по каждой статьѣ могла быть увеличена. Одно было несомнѣнно, а именно, что огромное и очень хорошее имѣнье продавалось за безцѣнокъ вслѣдствіе какихъ-то раздоровъ между кредиторами, которые желали неме-

дленно отдѣлаться отъ имѣнья, хотя-бы и пришлось понести значительную потерю, а въ странѣ между тѣмъ былъ денежный кризисъ и покупателей пока не оказывалось...

— Признаться, я и самъ былъ-бы не прочь купить Имола,—продолжалъ приказчикъ,—и даже подумывалъ объ этомъ. Но гдѣ-же мнѣ взять цѣлыхъ семьдесятъ пять тысячъ наличными? Если-бы я могъ найти на такую сумму поручителей, я не колебался-бы ни минуты. Но въ томъ-то и дѣло, что поручителей я не нашелъ, а безъ нихъ занять въ банкѣ нельзя. Если-бы хоть отдали Имола въ аренду! Но и на это они теперь не согласны: хотятъ во что бы то ни стало продать! Если покупателя не найдется, они пустятъ имѣнье съ молотка...

Августъ Харваненъ сталъ задумчивъ. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и задалъ приказчику довольно наивный для взрослаго наслѣдника вопросъ:

— Неужели, вы думаете, что моя часть въ наслѣдствѣ больше семидесяти пяти тысячъ. Я этого не думаю...

— Вотъ тебѣ разъ!—удивился приказчикъ.—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что старый Харваненъ оставилъ двѣсти тысячъ помимо Монола, а вѣдь половина всего этого ваша. О чемъ-же тутъ задумываться?

— Такъ вы полагаете, что у моей матери столько денегъ въ бумагахъ? Она вѣдь никогда не говорила мнѣ, сколько у нея... Потому-то я ничего и не знаю.

— Ваша матушка однажды разсказывала мнѣ, что

послѣ стараго Харванена осталось наличными деньгами больше, чѣмъ нужно для покупки двухъ такихъ имѣній, какъ Монола. Такъ какъ Монола стоило семьдесятъ тысячъ, ясно, что у нея было тогда болѣе ста сорока тысячъ, а это было давно. Кромѣ того я знаю, что весь капиталъ Харванена остался въ акціяхъ банковъ, а эти бумаги въ послѣдніе годы не только приносили большой доходъ, но еще сильно повысились въ цѣнѣ. Словомъ нечего и сомнѣваться, что денегъ на покупку имѣнья въ комодѣ вашей матушки втрое больше, чѣмъ надо. Только пожелайте и Имола будетъ ваше.

Молодой хозяинъ сдѣлался еще задумчивѣе, чѣмъ прежде. Выдумка приказчика стоила того, чтобы поразмыслить о ней! Особенно заманчиво было то, что сразу исполнились-бы всѣ мечты молодого хозяина: онъ сдѣлался-бы полновластнымъ хозяиномъ еще бо́льшаго господскаго имѣнья, чѣмъ Монола, освободился-бы отъ материнскаго ига и могъ-бы зажить съ Идой припѣваючи!

Онъ сознавалъ, что со стороны матери не можетъ ожидать никакого содѣйствія въ осуществленіи такого плана, а наоборотъ, встрѣтитъ лишь всевозможныя препятствія. Но это не пугало его и ожиданіе упорной борьбы только возбуждало его энергію. Онъ всегда былъ таковъ. Даже во всемъ этомъ дѣлѣ съ Идой онъ врядъ-ли зашелъ бы такъ далеко, если-бы мать была за его женитьбу на Идѣ. Тоже самое съ Амандой изъ Хапкала: только потому, что она сама вѣшалась ему на

шею, а его мать явно покровительствовала ей, онъ ни разу серьезно не подумалъ жениться на этой дѣвушкѣ.

Теперь онъ разгорался при одной мысли, что можно настоять на выдѣленіи его части насдѣдства и на зло матери сдѣлать Иду хозяйкой въ великолѣпномъ имѣніи Имола.

Къ этому времени Ида была совершенно здорова— по правдѣ сказать, она вѣдь и не бывала больна. Оставлять ее въ квартирѣ приказчика не имѣло смысла, хотя-бы ужъ потому, что весьма неудобно было ежедневно пріѣзжать къ ней за десять верстъ.

Пора повернуть дѣло на ладъ! Иначе надъ нимъ начнутъ люди смѣяться, а онъ и безъ того не очень-то доволенъ всѣмъ, что говорится о немъ и объ Идѣ. И то ужъ приходится откладывать крестины до болѣе благопріятнаго времени, такъ какъ при крещеніи ребенка ему придется оффиціально признать себя отцемъ, а при теперешнихъ обстоятельствахъ это, прямо сказать, неприлично...

Молодой хозяинъ обстоятельно обсудилъ съ приказчикомъ вопросъ о покупкѣ имѣнья, самъ съѣздилъ осмотрѣть Имола и, не дождавшись дня своего совершеннолѣтія, до котораго оставалось еще двѣ недѣли, рѣшился начать переговоры съ матерью.

XVIII.

Вся волость была заинтересована любовью молодого Харванена къ Идѣ. Не оставалось ни одного взрослаго человѣка, который не высказывался-бы за или противъ молодой четы.

Впрочемъ, люди относились къ дѣлу отнюдь не романтично. Больше всего обсуждались самыя практическія стороны предполагавшейся женитьбы. При этомъ ни великодушія, ни особенной симпатіи къ Идѣ не высказывалось, но многіе очень высоко цѣнили проявленную ею энергію.

— Это чортъ, а не дѣвка!—хвалили ее парни и лукаво подмигивали глазомъ.

— Грѣхъ и стыдъ, что все это могло случиться въ нашемъ приходѣ!—вздыхали пожилыя хозяйки и возводили очи къ небу.

Пересудамъ не было конца. Вообще населеніе стосковалось по новымъ темамъ для разговоровъ, такъ какъ за послѣдніе годы не было даже ни новыхъ приходскихъ выборовъ, ни ранняго мороза, ни градобитія. Такимъ образомъ весь запасъ мѣстнаго любопытства обрушился на передряги среди обитателей Монола.

Старуха Харваненъ чуяла, что люди занимаются ея дѣлами больше, чѣмъ слѣдовало, и нигдѣ не показывалась. То, что она сама думала о своемъ сынѣ и объ Идѣ, она никому не высказывала. Но всѣ понимали, что она вы-

жидала только удобнаго случая, чтобы показать строптивымъ дѣтямъ, что̀ значитъ идти противъ ея воли и наводить на нее позоръ.

Само собою разумѣется, что львиная доля осужденій выпадала Идѣ. Больше всего ей вредило обиліе завистницъ, находившихъ, что не только она не заслуживала любви молодого хозяина, но что не стоило даже говорить о ней. Такъ думала и Аманда изъ Ханкала, которая никакъ не могла переварить, что какая-то «служанка» повела такую высокую игру и поработила себѣ одного изъ богатѣйшихъ жениховъ округа. Такого же мнѣнія была даже младшая коровница въ Монола...

Эта коровница всегда находила, что Иду баловали и что разъ ужъ не вполнѣ признавали ее въ домѣ родственницей, такъ не слѣдовало ее ни въ чемъ выдѣлять изъ числа работницъ. И вотъ однажды въ воскресное утро, она повязала себѣ голову новымъ бумажнымъ платкомъ, взяла въ руки носовой платокъ и явилась въ кухню, попросивъ доложить, что желаетъ поговорить съ хозяйкой по частному дѣлу.

Старуха приняла ее не особенно милостиво и остановила ее у дверей, точно та пришла съ какимъ-нибудь донесеніемъ о коровахъ. Но скотница не пала духомъ, проговорила длинное и очень запутанное предисловіе о добродѣтеляхъ вообще и наконецъ приступила къ дѣлу.

— Я пришла къ вамъ главнымъ образомъ потому, что желаю сказать вамъ, какъ я вамъ сочувствую и какъ у меня сердце болитъ глядя на ваше горе изъ-за этой Иды...

— А тебѣ какое дѣло?—рѣзко остановила ее старуха.

Та осѣклась.

— Конечно... конечно, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, но все-таки я думала...

— Ну, что такое?

— Я думала, что вамъ можетъ пригодиться... т. е. что вамъ слѣдуетъ знать то, что̀ я видѣла своими глазами. Признаться, я давно уже чуяла бѣду и присматривалась къ Идѣ. Я ей никогда не довѣряла... Ну вотъ и вышло, что теперь оказывается по моему...

Хозяйка бросила на доносчицу пытливый взглядъ и попыталась угадать по ея лицу, дѣйствительно-ли имѣютъ значеніе ея свѣдѣнія и стоитъ-ли ронять себя, потакая доносамъ. Но по лицу скотницы ничего нельзя было понять толкомъ. Видно было только, что она ужасно чванилась своими «тайнами» и страстно желала поскорѣе получить позволеніе выложить всѣ эти тайны передъ хозяйкой. Она даже раскраснѣлась, такъ у нея чесался языкъ. Впрочемъ, она казалась такой дурой, что опасаться было нечего. «Изъ устъ дѣтей и полоумныхъ ты услышишь истину!»—при этомъ вспомнила хозяйка изъ писанія—и кивнула дѣвкѣ головой, разрѣшая ей говорить.

— Видите-ли, хозяюшка,—заговорила скотница торопливо и таинственно,—дѣло въ томъ, что по моему ребеночекъ у нея вовсе не отъ молодого хозяина, а отъ господина доктора, который квартировалъ у насъ пе-

*

редъ весной. Мало-ли что, срокъ не выходитъ: рожаютъ и на восьмомъ мѣсяцѣ. Я своими глазами видала, какъ докторъ шутилъ съ Идой и бралъ ее за подбородокъ... Я стояла въ коридорѣ и видѣла все своими глазами— не сойти мнѣ съ этого мѣста, если я вру!

Въ подтвержденіе своихъ словъ она для чего-то даже присѣла и выпучила глаза.

Старуха едва удержалась отъ усмѣшки, выслушавъ глупую коровницу. Но она тотчасъ же овладѣла собой и спросила сурово:

— Ты можешь присягнуть въ томъ, что видѣла, если дѣло дойдетъ до суда?

— Какъ Богъ святъ! Лопни мои глаза, если вру!

— Хорошо. Можетъ быть твое показаніе понадобится.

— Мнѣ извѣстно еще, что Ида настоящая обманщица и всячески кружила голову молодому хозяину, и заманивала его, потому что онъ еще молодъ и совсѣмъ невинный. Она умѣетъ притворяться, эта Ида... Господи! Да если бы...

— Ты ничего больше не видѣла?—спросила хозяйка, останавливая потокъ краснорѣчія коровницы.

— Какъ же, какъ же... т. е. своими глазами я, положимъ, не видѣла, но слышала я отъ хорошихъ людей и сама понимаю, что...

— Этого я у тебя не спрашиваю. Я хочу знать только то, что ты сама видѣла. Понимаешь?

— Какъ не понять!..

— Ну?

— Да какъ же это? Я знаю о ней такія дѣла, что... о Господи! Только я не знаю...

— Если все остальное ты не видѣла собственными глазами, можешь идти разсказывать другимъ скотницамъ, а не мнѣ! — строго замѣтила ей старуха. — Мнѣ есть о чемъ подумать въ день воскресенія нашего Господа, и не пристало мнѣ слушать твои разсказы.

— Конечно... и мы понимаемъ это!—пробормотала опѣшившая доносчица.

— То-то вотъ. И не думай, что я что-нибудь забуду. Если потребуется, тебя вызовутъ свидѣтельницей.

— Съ моимъ удовольствіемъ! Я всегда готова свидѣтельствовать за васъ и за господина молодого хозяина..

— Ладно же... ступай!

Старуха взяла въ руки свой молитвенникъ, а скотница завертѣлась у дверей, полагая совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы тѣмъ ея важный разговоръ и кончился. Она сдѣлала еще попытку обратить на себя вниманіе хозяйки и раза два осторожно кашлянула. Но старуха не поднимала головы и не отрывалась отъ молитвенника. Тогда она вздохнула и медленно вышла изъ комнаты, удивляясь неразсудительности хозяйки, которая не пожелала знать всего, что она «угадала» и собрала «отъ людей».

Прошло дня два. Однажды за обѣдомъ молодой хозяинъ объявилъ матери:

— Мнѣ надо потолковать съ тобой, мать. Пора кое-что вырѣшить.

— Да, пора! — согласилась мать.

— Какъ велика моя часть въ отцовскомъ наслѣдствѣ? — спросилъ онъ безъ предисловій.

Старуха не ожидала такого вопроса и была нѣсколько озадачена. Но отвѣтить прямо ей и въ голову не пришло.

— Твоя часть? Небось, твоя часть достаточно велика и съ голоду не помрешь, если будешь жить разсудительно, — сказала она помолчавъ.

— А все-таки? Сколько это въ наличности деньгами?

— Не знаю въ точности...

— Развѣ нельзя сосчитать? Мнѣ надо бы знать сегодня же...

— Такъ скоро? Я не обязана давать тебѣ отчетъ, пока ты несовершеннолѣтній...

— Но вѣдь совершеннолѣтіе мое наступаетъ менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, мать. Неужели тебѣ не все равно сообщить мнѣ размѣры наслѣдства теперь же?

— А для чего тебѣ это?

— Это мнѣ нужно, чтобы знать, какъ устроиться,— отвѣтилъ онъ очень спокойно и почувствовалъ приливъ храбрости.

— Вотъ какъ! На что же ты рѣшился.

— Въ томъ-то и дѣло, что я не могу принять рѣшеніе, не зная, какъ велика моя часть. Во всякомъ случаѣ я долженъ выдѣлиться, такъ какъ ты не можешь ужиться съ Идой.

— Еще бы я могла съ нею ужиться, — согласилась мать, не возвышая голоса.

— Вотъ почему я прошу тебя сообщить, сколько мнѣ приходится получить изъ того, что̀ осталось послѣ отца. И это мнѣ надо знать точно.

— Ишь ты! Цыпленокъ запѣлъ пѣтухомъ...

— Я давно не цыпленокъ, хотя не считалъ нужнымъ хвастаться этимъ передъ родной матерью.

— Возможно, возможно...

— Такъ вотъ... Не пойдемъ-ли мы сосчитать документы и не вырѣшимъ-ли теперь же, какъ велика моя часть?

— Нѣтъ!

Они пристально посмотрѣли другъ другу въ глаза. Молодой человѣкъ чувствовалъ такое напряженіе, что начиналъ даже вздрагивать и спряталъ руки подъ столъ, чтобы мать не замѣтила этого. Зато старуха была совершенно спокойна и хотѣла показать сыну, что сколько бы онъ ни пѣтушился, она не измѣнитъ себѣ, потому что не признаетъ его еще пѣтухомъ.

Послѣ минутнаго молчанія сынъ заговорилъ попрежнему съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Что толку въ томъ, что ты отказываешь мнѣ въ моей просьбѣ, мать?

— Я хочу показать тебѣ, что не стану потакать твоимъ глупостямъ.

— Но вѣдь ты знаешь, что я никогда не откажусь отъ того, что̀ ты называешь глупостями. Въ этомъ могу тебя еще разъ увѣрить!

— Посмотримъ!

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... ничего!

Она проговорила это съ какою-то особенной насмѣшливой беззаботностью и уставилась взглядомъ поверхъ его головы въ пространство.

— Право, ты бы лучше бросила всю эту ссору со мной и съ Идой, мать. Все равно, изъ этого ничего не выйдетъ.

— Посмотримъ, сынокъ... Посмотримъ!

— Ты задумала что-нибудь новое?

— Нѣтъ...

— Такъ отчего ты не уступаешь, хоть настолько, чтобы я получилъ свою законную часть безъ ссоры?

— Въ свое время поймешь!

— Ты что-нибудь затѣяла?

— Ничего особеннаго. Я только написала отцу ребенка Иды, и я надѣюсь, что онъ добровольно признаетъ свою вину, а не станетъ сваливать ее на тебя, мой бѣдный мальчикъ.

— Ты написала доктору?—вскричалъ молодой хозяинъ, теряя всякое самообладаніе и поднимаясь съ мѣста. — Какъ ты могла это сдѣлать! Зачѣмъ ты вмѣшиваешь въ это непріятное дѣло совсѣмъ постороннихъ людей? Кажется, и такъ достаточно болтаютъ о насъ!

— Правда должна оставаться правдой, Августъ, и я не брошу этого дѣла, пока не выведу правду наружу. А это, надѣюсь, выяснится изъ отвѣта доктора. Не то я подамъ на него жалобу въ судъ.

— Ты съ ума сошла, мать! Развѣ я не знаю...

— Ты ничего не знаешь—вотъ что я скажу тебѣ разъ навсегда!—отрѣзала мать, внезапно теряя терпѣнье и сдѣлала движеніе, какъ бы намѣреваясь встать.

Онъ тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Ты такъ несговорчива сегодня, что съ тобой не стоитъ и разговаривать,—сказалъ онъ съ преувеличеннымъ спокойствіемъ.

— Да, въ этомъ дѣлѣ ты меня не переспоришь... Это вѣрно!—проворчала она и, тяжело поднявшись со стула, ушла въ свою комнату, даже не оглянувшись на сына.

«Придется подослать къ ней приказчика! Онъ одинъ умѣетъ говорить съ нею»,—подумалъ молодой хозяинъ вздыхая.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ въ своихъ саняхъ, а два часа спустя возвращался назадъ въ сопровожденіи приказчика.

Пріѣздъ приказчика въ обществѣ молодого хозяина произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ обитателей Монола. Всѣ знали о ихъ примиреніи и о томъ, что Ида жила въ квартирѣ приказчика; тѣмъ не менѣе видѣть недавнихъ враговъ союзниками казалось страннымъ, а то, что пріютившій Иду приказчикъ осмѣливался явиться въ Монола, было еще необыкновеннѣе. Тѣмъ не менѣе всѣ привыкли уважать благочестиваго приказчика, и его смѣлый образъ дѣйствій заставлялъ предполагать, что либо Ида была менѣе виновна, чѣмъ думали, либо, что старая хозяйка согласна на примиреніе...

Между тѣмъ приказчикъ привѣтливо здоровался съ бывшими во дворѣ рабочими, добродушно потрепалъ по плечу мальчика, подбѣжавшаго принять лошадь, и какъ ни въ чемъ не бывало спокойно входилъ вслѣдъ за молодымъ хозяиномъ въ комнаты.

Однако хозяйка не появлялась. Она оставалась въ въ своей комнатѣ и даже не подавала вида, что знаетъ о пріѣздѣ приказчика.

Тотъ этимъ не смутился и послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ молодымъ хозяиномъ пошелъ прямо къ ея спальнѣ. У дверей онъ остановился, но не сталъ стучать, а позвалъ хозяйку черезъ дверь:

— Нельзя-ли поговорить съ вами, хозяюшка?—сказалъ онъ самымъ привѣтливымъ голосомъ.

— Кто тамъ? Кому я нужна?—отозвалась она изъ спальни.

— Это я, вашъ бывшій приказчикъ, госпожа Харваненъ.

— Неужели?..

— Такъ можно мнѣ войти?

— Войдите, войдите! Я не совсѣмъ здорова и потому не выхожу изъ комнаты.

Приказчикъ вошелъ и увидѣлъ старуху на диванѣ. Она кивнула ему головой и протянула руку.

— Вы ужъ простите меня, что не встаю съ дивана,— сказала она.—Но я не совсѣмъ здорова...

— Пожалуйста, не безпокойтесь ради меня! Я пришелъ поговорить съ вами о дѣлѣ...

— Какое это бы могло быть дѣло?

— Неужели вы не угадываете? Нѣтъ? Придется видно говорить съ вами открыто, положа душу на руку... Дѣло въ томъ, что я пришелъ сдѣлать попытку примирить... гмъ!.. гмъ!.. примирить васъ, уважаемая госпожа Харваненъ, съ молодымъ хозяиномъ.

— Это съ вашей стороны лишь суетная мечта, если сынъ не измѣнилъ своего намѣренія! — объявила она и поправилась на диванѣ, какъ бы давая понять, что ее не сдвинуть съ мѣста.

Приказчикъ пожалѣлъ, что не подготовилъ своихъ словъ подходящимъ предисловіемъ, но вовсе не счелъ свое дѣло проиграннымъ. Наоборотъ, онъ придвинулъ себѣ стулъ, усѣлся противъ хозяйки и заговорилъ, ласково ей улыбаясь и какъ бы не сомнѣваясь, что они столкуются.

— Можете быть увѣрены, что я не имѣю намѣренія сердить васъ,—сказалъ онъ мягко,—и если хотите, мы вовсе не станемъ больше говорить объ этихъ молодыхъ людяхъ. Молодежь всегда бѣснуется, это мы съ вами знаемъ — не правда-ли? — Нѣтъ, у меня есть къ вамъ дѣло поважнѣе, которое только случайно пришлось въ связи съ этими передрягами!

Онъ пріостановился и глубокомысленно покачалъ головой.

— Что же это такое? — спросила старуха, любопытство которой было задѣто за живое.

— Это очень выгодное и практичное дѣло. Жаль

только, что приходится затруднять васъ именно теперь, когда вы удручены заботами...

— Какое же это дѣло?

— Видите-ли, я думаю... т. е., мнѣ сдается, что молодой хозяинъ тоже будетъ упорствовать во всемъ этомъ непріятномъ недоразумѣніи. Я говорю это потому, что видѣлъ, какъ онъ несговорчивъ относительно этой Иды. Да, да... любовь не картошка! Ну что же, если онъ будетъ стоять на своемъ... на своемъ безуміи... вамъ, госпожа Харваненъ, не мѣшаетъ позаботиться, чтобы отъ этого не пострадали дѣла—его и ваши, конечно! Легче всего все это устроится, если вы не станете удерживать его здѣсь, а дадите ему возможность устроить свое собственное хозяйство гдѣ-нибудь по сосѣдству.

— Вотъ какъ? Вы полагаете..,

— Я полагаю, что это будетъ самое лучшее, какъ для него, такъ и для васъ. Всякому понятно, что вы не можете быть довольны, если молодая чета поселится здѣсь, въ Монола! Да, да—это понятно! Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки, и нельзя же требовать отъ насъ ангельскаго терпѣнія. Но все-таки, надо устраивать дѣла поудобнѣе и повыгоднѣе, а не какъ попало. Вотъ тутъ-то и можетъ пригодиться дѣльце, которое я вамъ предлагаю. Можно устроиться къ общему удовольствію, да кстати и выгоду пріобрѣсти—даже большую выгоду. Представляется такой случай, какого не всегда приходится дождаться!

— Какой же это такой случай?

— Видите-ли, конкурсное правленіе въ Имола продаетъ это имѣніе очень дешево, причемъ требуетъ наличными деньгами только половину суммы, а остальное соглашается получить въ разсрочку.

— Господи, Боже мой!—вскричала старуха.—Не станете же вы заманивать моего мальчика на такія крупныя дѣла!

— Его-то? Конечно нѣтъ! Я пришелъ поговорить съ его разсудительной матерью. Дѣло вѣдь чрезвычайно выгодное, а въ добавокъ вамъ представляется возможность устроить свои семейныя дѣла, не принимая въ домъ Иды...

— Послушайте,—перебила она его.— Скажите мнѣ, почему вы вздумали огорчать меня, принимая къ себѣ провинившуюся дѣвочку и становясь на ея сторону?

Этого вопроса приказчикъ давно уже дожидался и отвѣтъ былъ у него на-готовѣ.

— Дорогая хозяюшка,—началъ онъ покачавъ головой и голосомъ настоящаго проповѣдника, — нельзя поступать безсердечно, когда видишь ближняго въ несчастіи и хотя бы человѣкъ самъ заслужилъ свое несчастіе. Я и супруга моя научились мягко судить грѣхи ближнихъ, дабы Господь милосердно отнесся къ нашимъ собственнымъ грѣхамъ. Я не хочу сказать, что мы сами способны на такіе грѣхи, какими прогнѣвила Создателя Ида... Боже оборони! Но сказано: не судите — не судимы будете, а кромѣ того мы знали Иду, когда она еще была на пути добродѣтели, и теперь еще надѣемся, что сердце

ея доступно благодати и раскаянію. Приходило и намъ въ голову, что вы, госпожа Харваненъ, гнѣвно взглянете на наше милосердіе къ падшей, но сказано: повинуйся Господу Твоему, а не желанію людей...

У старухи вертѣлось на языкѣ рѣзкое слово. Но видя смиреніе приказчика, она удержалась отъ этого слова и только проворчала съ недовольнымъ видомъ:

— Вамъ небось легко проповѣдывать милосердіе. Васъ весь этотъ срамъ не коснулся.

— Такъ-то такъ!—покладисто согласился приказчикъ.

Водворилось молчаніе.

— Имола очень порядочное имѣніе и не особенно запущено, — сказалъ приказчикъ въ раздумьи. — При томъ оно удобно расположено у желѣзной дороги, что значительно возвышаетъ доходность имѣнья...

— Знаю я Имола не хуже васъ! — откликнулась наконецъ хозяйка.—Покойный Харваненъ думалъ одно время купить это имѣнье, но потомъ предпочелъ Монола, потому что оно было дешевле.

— А сколько хотѣли тогда за Имола? — спросилъ приказчикъ, какъ бы мимоходомъ.

— Въ точности не помню, но во всякомъ случаѣ это было больше двухъ-сотъ тысячъ... Имола вѣдь самое большое помѣстье въ этомъ округѣ.

— Н... да! Теперь оно идетъ за сто пятьдесятъ тысячъ со всѣмъ инвентаремъ, вѣрнѣе, за семьдесятъ пять тысячъ, потому что остальное вѣдь покроется доходами съ самого имѣнья.

Старуха посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но въ то же время съ замѣтнымъ недовѣріемъ. Ей хотѣлось сдѣлать цѣлый рядъ вопросовъ, но она подавила свое любопытство, прикинулась равнодушной и проговорила небрежно:

— Видно, плохо хозяйничали въ Имола, что такъ обезцѣнили имѣнье. Вѣроятно земля истощена? Не даромъ же кредиторы стараются отдѣлаться за что попало!..

— Такъ и я думалъ,—отвѣтилъ приказчикъ.—Но я осматривалъ всѣ поля и собралъ точныя справки—я вѣдь хотѣлъ арендовать Имола. Оказывается, что земля вовсе не истощена и что даже имѣнье было заложено отнюдь не выше своей стоимости. Только плохими временами и несогласіемъ кредиторовъ объясняется торопливая продажа за безцѣнокъ. Должно быть кредиторы сами сильно нуждаются въ деньгахъ, а покупателей вѣдь по нынѣшнему времени не много...

— Почему же вы не арендовали Имола?

— То-то, что не отдаютъ въ аренду. Они хотятъ непремѣнно продать.

— Гмъ!.. И вы того мнѣнія, что это подходящая покупка для молодого хозяина?

— Не только для него, но и для всякаго другого, кто хочетъ выгодно помѣстить свои свободныя деньги. Это вѣдь находка!

— Гмъ...

Старуха не могла уже устоять противъ искушенія.

— Боюсь я хлопотъ... и траты у насъ предвидятся большія... да и стара я, мнѣ бы только покой!—пробормотала она, какъ бы борясь съ соблазномъ.

— Зато молодой хозяинъ молодъ! — замѣтилъ приказчикъ.

— Вы думаете, что онъ съумѣлъ бы управлять такимъ огромнымъ помѣстьемъ?

— Отчего же нѣтъ, если бы ему помогали мать и умные друзья своими совѣтами! Онъ уже понимаетъ хлѣбопашество; пойметь и остальное, когда присмотрится. А главное, онъ станетъ многимъ разсудительнѣе когда... когда остепенится.

Онъ хотѣлъ сказать: «женится», но вовремя подмѣнилъ слово, чтобы не раздражать старухи.

— Гмъ!—выразительно откашлялась она и пренебрежительно скосила губы.

Приказчикъ однако остался доволенъ. Изъ многолѣтняго опыта онъ зналъ, что ея «гмъ!» означало очень много, тогда какъ пренебрежительныя гримасы ровно ничего не значили. Потому онъ не сталъ добиваться большаго и только сказалъ въ видѣ общаго заключенія.

— Да, имѣть два большихъ имѣнья въ этой мѣстности будетъ повыгоднѣе, чѣмъ держать деньги въ бумагахъ! Объ этихъ бумагахъ многіе ничего не знаютъ, тогда какъ владѣлица двухъ величайшихъ имѣній губерніи... Да, посмотрѣлъ бы я, кто могъ бы спорить съ вами на съѣздѣ!

— Ой, и шутникъ же вы!—разсмѣялась хозяйка.— Вы забываете, что мы только мужики...

Приказчикъ не сталъ портить хорошаго настроенія старухи дальнѣйшими разсужденіями. Онъ всталъ, объяснилъ, что торопится домой, такъ какъ очень занятъ и хотѣлъ только предупредить свою прежнюю хозяйку о продажѣ Имола, чтобы кто нибудь не слизнулъ этотъ лакомый кусокъ передъ самымъ ея носомъ, и сталъ прощаться. При этомъ она поблагодарила его за дружеское отношеніе, но прибавила, что не смѣетъ и думать о такихъ крупныхъ дѣлахъ. Однако, какъ только онъ вышелъ она заперлась, достала изъ комода толстую пачку процентныхъ бумагъ и погрузилась въ такіе сложные расчеты, что на время совсѣмъ даже забыла о сынѣ и его ненавистномъ намѣреніи жениться на неблагодарной Идѣ.

Въ столовой между тѣмъ Августъ нетерпѣливо дожидался возвращенія приказчика.

— Ну что?—спросилъ онъ, когда тотъ вошелъ.

Приказчикъ пріятно улыбнулся въ свою окладистую бороду, но ничего не отвѣтилъ, какъ бы приглашая молодого человѣка вооружиться терпѣньемъ.

— Согласна она выдать мою часть теперь?—спросилъ молодой хозяинъ раздражительно.

— Не торопитесь... главное, не торопитесь!—проговорилъ приказчикъ и только теперь вспомнилъ, что въ разговорѣ съ хозяйкой ни единымъ словомъ не обмолвился о дѣлахъ молодого хозяина, хотя для этого и былъ только приглашенъ въ Монола. — Будьте терпѣливы...

очень терпѣливы! —продолжалъ онъ мягко.—Небось, въ свое время все уладится. — Имола стоитъ того, чтобы потерпѣть. Такіе куски не берутся силой, а заслуживаются умомъ и терпѣніемъ...

— Да есть ли хоть надежда?

— Конечно... гмъ!... Ничего не рѣшаюсь обѣщать. Но окончательно невозможнымъ, чтобы вы когда-нибудь сдѣлались владѣльцемъ Имола, я не считаю...

Вернувшись къ ужину домой приказчикъ весело потиралъ руки и привѣтливо улыбнулся женѣ.

— Похоже на то, что мы не даромъ позаботились о бѣдной Идѣ и о молодомъ хозяинѣ, —сказалъ онъ. Могу побиться объ закладъ, что либо онъ скоро будетъ владѣльцемъ Имола, причемъ въ Монола опять потребуется толковый управляющій, либо такой же человѣкъ потребуется новой владѣлицѣ въ Имола.

— А я кажется угадываю, кто будетъ этотъ толковый управляющій!—шутливо замѣтила его жена.

— Да, неисповѣдимы пути Божьи!

— Господь всегда награждаетъ истинно-благочестивыхъ людей!—провозгласила она набожно.

«Въ особенности, когда благочестивые люди умѣютъ позаботиться о себѣ,» — мысленно прибавилъ приказчикъ, но не высказалъ этого вслухъ, потому что давно уже привыкъ не выбалтывать лишняго кому бы то ни было.

XIX

Докторъ Удде попрежнему былъ любимецъ финомановъ въ Гельсингфорсѣ, и популярность его достигла апогея, когда онъ написалъ по фински великолѣпный прологъ въ стихахъ къ пятидесятилѣтію знаменитой пьесы «Кантелетаръ».

Въ числѣ самыхъ горячихъ поклонницъ творца пролога была одна барышня, чрезвычайно ярая финоманка, взявшая себѣ девизомъ: «Yksi kieli, yksi mieli» (одинъ языкъ, одно настроеніе)! Тутъ же въ театрѣ, какъ только занавѣсъ опустился послѣ пролога, она первая подошла къ поэту, представилась ему и въ горячихъ выраженіяхъ высказала, на сколько она увлечена прелестью пролога и изяществомъ финскаго языка, которымъ онъ написанъ.

Она была недурна собой, обладала темными, очень выразительными глазами и отличалась особенной склонностью къ драматическимъ положеніямъ. Звали ее Анной Сунтіо.

Доктору Удде чрезвычайно понравилось ея смѣлое заявленіе, что она восхищается имъ, какъ никѣмъ еще не восхищалась. Онъ даже нашелъ, что это вполнѣ естественно, хотя и возразилъ для приличія, что ея сужденіе о его прологѣ слишкомъ снисходительно. Поэтому Аннѣ Сунтіо удалось овладѣть имъ на цѣлый вечеръ, а къ концу вечера оставить въ немъ очень сильное

*

впечатлѣніе своей горячей вѣрой въ дѣло партіи, своими красивыми глазами и своими прямодушными, простыми манерами настоящей финской «народницы».

За ужиномъ она смѣясь отклонила всѣ предложенныя имъ услуги, сама добыла себѣ основательную порцію телятины и вообще вела себя просто, не донуская обычныхъ условностей. При этомъ ея бѣлые зубы сверкали, какъ перламутръ и говорить съ нею было также легко, какъ съ товарищемъ... Немудрено, что докторъ нашелъ ее въ высшей степени пріятной особой, съ которой ему не становилось скучно даже когда она на минутку переставала восхищаться его сочиненіями.

Вернувшись домой и зажегши лампу на своемъ большемъ, красиво убранномъ письменномъ столѣ, который возвышался, какъ престолъ среди не менѣе красиво, въ національномъ стилѣ обставленной комнаты, онъ невольно размечтался. Но мечты его были не безформенны и не фантастичны. Въ его воображеніи рисовалась хорошенькая дача на берегу живописнаго озера. Ему казалось, что онъ гуляетъ возлѣ дачи въ прекрасномъ саду и ведетъ подъ руку молодую жену съ темными, красивыми глазами. Изъ дому выбѣгаетъ нарядная горничная, обращается къ нему, титулуя «господиномъ профессоромъ» и подаетъ ему визитную карточку, на которой красуется имя и сложные титулы одного извѣстнаго сенатора... Потомъ картина перемѣняется: онъ уже стоитъ въ богато убранномъ кабинетѣ своей городской квартиры, изъ углового окна которой видна вся Эспланада... Онъ озабоченъ

дѣлами своей высокой общественной должности... Но вотъ на плечо его легла сзади нѣжная ручка, и обернувшись онъ видитъ передъ собой опять тѣ же темные, красивые глаза... Эти глаза восторженно смотрятъ на него и призываютъ его ко всему прекрасному... Потомъ глаза исчезаютъ, но зато къ его губамъ прикасаются нѣжныя горячія губки и онъ забывается въ такомъ поцѣлуѣ, что даже теперь, при одной мысли о такомъ поцѣлуѣ онъ весь содрогается отъ избытка земного счастія...

Невольно онъ схватился за перо, придвинулъ къ себѣ бумагу, и полились изъ-подъ его пера прекрасные звучные стихи... къ ней. Черезъ полчаса стихотвореніе, въ которомъ много говорилось о «темномъ взорѣ», о «звонкомъ смѣхѣ» и о «поцѣлуѣ въ мечтѣ», было готово. Въ этомъ стихотвореніи ничего не говорилось о родинѣ и о служеніи идеалу; тѣмъ не менѣе докторъ остался доволенъ своими стихами, потому что видѣлъ въ этомъ служеніе «прекрасному». Перечитавъ стихи, онъ заперъ ихъ въ ящикъ, предназначенный для лирическихъ произведеніи и пошелъ спать.

Съ этого дня собраніе лирическихъ произведеній доктора Удде стало быстро обогащаться небольшими стихотвореніями о темномъ взорѣ, о звонкомъ смѣхѣ и о поцѣлуяхъ въ мечтѣ. Всѣ эти стихотворенія были написаны по фински, потому что теперь муза доктора Удде обращалась къ нему не иначе, какъ на этомъ языкѣ...

Черезъ недѣлю онъ самъ призналъ себя опасно влюбленнымъ человѣкомъ. Болѣзнь была тѣмъ опаснѣе,

что мѣшала ему заниматься дѣлами, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ блистательно защитилъ свою диссертацію на степень доктора философіи, политическихъ, литературныхъ и академическихъ дѣлъ у него было очень много. Зато онъ успѣлъ заинтересоваться женскимъ вопросомъ и обществомъ трезвости, въ особенности послѣднимъ, такъ какъ однажды на сходкѣ этого общества ему удалось встрѣтиться съ Анной Сунтіо. Къ этому времени относится также его первый официальный визитъ родителямъ этой барышни, изъ дома которыхъ онъ вышелъ совсѣмъ обвороженный прелестями семейной жизни и домашняго очага.

Но вотъ однажды поэтическое настроеніе доктора Удде было нарушено самымъ грубымъ образомъ. Онъ получилъ письмо на совсѣмъ не академическомъ финскомъ языкѣ, которое было очень трудно прочесть, но содержаніе котораго было таково, что когда доктору удалось наконецъ разобрать письмо по складамъ, онъ сперва покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ и наконецъ опять покраснѣлъ, какъ ракъ.

Письмо было отъ владѣтельницы имѣнья Монола, которая ни болѣе ни менѣе, какъ обвиняла доктора въ томъ, что онъ соблазнилъ ея племянницу и такимъ образомъ сдѣлалъ ее несчастною. «Она бѣжала изъ дому, родила ребенка на соломѣ и потомъ объявила, что прижила ребенка отъ моего сына», — писала старуха. — «Но всѣмъ въ Монола извѣстно, насколько близки были ея отношенія къ господину доктору и это подтверждается

еще вашимъ дорогимъ подаркомъ Идѣ»... Исходя изъ этого, старуха предлагала ему чистосердечно признаться въ своей винѣ и обезпечить не только Иду, но и ея ребенка. Въ противномъ случаѣ она грозила преслѣдовать его судомъ, для чего уже заручилась очень вѣскими свидѣтельскими показаніями. Въ заключеніе она выражала надежду, что онъ, какъ человѣкъ образованный и не разъ выказывавшій себя другомъ народа, не станетъ доводить дѣло до суда, а войдетъ въ полюбовное соглашеніе и покончитъ дѣло миромъ.

Письмо было написано въ довольно вѣжливыхъ выраженіяхъ и производило впечатлѣніе, что старуха Харваненъ была убѣждена въ его винѣ и обвиняла его лишь поневолѣ...

Докторъ Удде вторично прочелъ письмо и попытался увѣрить себя, что все это была только безобразная шутка. Но это ему не удалось. Вполнѣ опредѣленно выраженныя обвиненія оскорбляли его, какъ пощечина и ему сдѣлалось почти дурно, такое сильное негодованіе поднималось въ немъ противъ низости «этихъ мужиковъ». Особенно тяжело ему было получить такое письмо именно теперь, когда онъ такъ восторженно мечталъ о любви и о народѣ!..

Опомнившись онъ сорвался со своего кресла, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ дому. На улицѣ онъ вскочилъ въ пролетку проѣзжавшаго извозчика и, сказавъ адресъ одного извѣстнаго юриста, велѣлъ гнать во весь опоръ. Потомъ онъ вспомнилъ, что знаменитый юристъ

былъ очень ученый человѣкъ, но не былъ особенно практиченъ, и что лучше обратиться къ опытному адвокату изъ числа его близкихъ друзей. Извозчикъ получилъ новое приказаніе съ обѣщаніемъ щедро прибавить на водку, и погналъ лошадь пуще прежняго. Черезъ нѣсколько минутъ, счастливо избѣгнувъ опасности переѣхать какого-нибудь пѣшехода, или попасть въ полицейскую камеру за неосторожную ѣзду, докторъ былъ уже передъ дверьми адвокатской конторы.

Отпустивъ и щедро наградивъ извозчика онъ вошелъ въ контору и съ облегченіемъ передохнулъ, узнавъ, что адвокатъ одинъ. Въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ уже въ кабинетѣ юриста и разворачивалъ передъ нимъ письмо госпожи Харваненъ.

Адвокатъ спокойно взялъ письмо, попытался прочесть, но тотчасъ же возвратилъ письмо доктору и попросилъ изложить дѣло вкратцѣ.

Можно себѣ представить, съ какимъ пыломъ докторъ Удде разсказалъ дѣло.

— Экая дьявольщина! — пробормоталъ юристъ.— И ты... ты... Впрочемъ само собою разумѣется, что ты совершенно невиненъ?

— Удивляюсь даже, что ты это спрашиваешь!

— Какимъ же образомъ ты попалъ въ такой просакъ, что тебя они заподозрѣли?

— Не вѣрю я, чтобы они дѣйствительно меня подозрѣвали! Все это только ихъ подлыя выдумки!

Докторъ разсказалъ все, что было въ Монола, объ-

яснилъ свои отношенія къ Идѣ и закончилъ сообщеніемъ, что подарилъ ей часы съ вѣдома и съ разрѣшенія ея жениха.

Юристъ разсмѣялся.

— Поѣзжай въ Монола и объяснись съ ними!— сказалъ онъ.—Если люди тамъ не совсѣмъ сумасшедшіе, они не полѣзутъ съ такимъ вздорнымъ обвиненіемъ въ судъ, а если въ самомъ дѣлѣ сунутся, такъ я научу ихъ уму разуму. Юридически тутъ даже нѣтъ состава преступленія,такъ какъ дѣвушка называетъ не тебя,а другого, чего и тотъ не отрицаетъ. По моему письмо написано сдуру или съ какой-нибудь задней мыслью. Потому-то тебѣ слѣдуетъ съѣздить туда самому... Такъ все обойдется тише, а огласки ты конечно не желаешь.

— Еще бы я желалъ огласки!—согласился докторъ, котораго начали успокоивать веселость и невозмутимость адвоката.—Вѣдь не думаешь же ты, что изъ этого выйдетъ скандалъ?

— Если возмешься за дѣло умѣючи, скандала разумѣется не будетъ,—смѣясь замѣтилъ юристъ.—Тутъ нужно знаніе мужиковъ... Вѣдь это по твоей части? Ты народникъ?

— Какой это народъ? Это просто какіе-то скоты!— выругался докторъ, дѣлавшій это только въ исключительныхъ случаяхъ.—Они поступаютъ со мною посвински...

— Ну, ну!.. Почемъ мы знаемъ, что побудило ихъ къ такому поступку? Можетъ быть ты въ самомъ дѣлѣ велъ себя такъ, что они могли подумать...

— Наоборотъ, я былъ съ ними ласковѣе, чѣмъ они заслуживаютъ, и держалъ себя какъ съ равными. Я не обратилъ вниманія даже на ихъ подозрительность и оставался съ ними дружелюбенъ, хотя они были ко мнѣ несправедливы. Съ Идой же я обращался, какъ съ сестрой...

— Да, да, зависитъ, какъ ты все это дѣлалъ! Если ты пересолилъ, это могло показаться имъ... ребячествомъ...

— Ты хочешь сказать: глупостью?

— Пожалуй и такъ!—согласился юристъ смѣясь.

— Ну, прощай!.. Я завтра же поѣду въ Монола.

— Счастливаго пути и дай Богъ успѣха!

Докторъ Удде былъ уже на пути къ имѣнію Монола и въ сумерки подъѣзжалъ къ деревнѣ, въ которой жила семья приказчика. Изъ-за рощи виднѣлись крутая крыша и колокольня приходской церкви. Наканунѣ выпалъ обильный снѣгъ, и санный путь былъ исправенъ, а зимній ландшафтъ особенно живописенъ.

Докторъ повторялъ себѣ, что дѣло окончится пріятнымъ зимнимъ путешествіемъ и простымъ посѣщеніемъ людей, которые не могли быть его врагами. И онъ принуждалъ себя быть веселымъ, оживленно разговаривалъ съ ямщикомъ и даже шутилъ.

Однако, чѣмъ больше онъ приближался къ Монола, тѣмъ онъ становился безпокойнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, не

могъ же онъ относиться къ дѣлу такъ же шутливо, какъ тотъ гельсингфорскій адвокатъ! Начать съ того, что самое обвиненіе было чрезвычайно глупымъ или крайне низкимъ поступкомъ, и доктора огорчала возможность такихъ поступковъ среди настоящихъ представителей народа, къ какимъ поневолѣ приходилось отнести и всѣми уважаемую вдову Харваненъ. При томъ онъ никакъ не могъ избавиться отъ опасенія за исходъ всего дѣла, такъ какъ оно могло проникнуть на столбцы газетъ противнаго лагеря, которыя не замедлили бы поднять на смѣхъ обиженнаго народомъ народника. Наконецъ, какъ держать себя въ Монола, чтобы не показаться смѣшнымъ всему мѣстному населенію?

Онъ соображалъ, что долженъ держать себя спокойно и съ большимъ достоинствомъ. Поэтому приходилось предвидѣть всякія неожиданности, чтобы его не могли сбить съ толку, и онъ подготовлялъ каждое слово, каждое движеніе, точно разучивалъ роль для любительскаго спектакля. И это было тѣмъ мучительнѣе, что онъ уже не заблуждался насчетъ достоинствъ своей публики, и зналъ, что ни одного изъ его благороднѣйшихъ побужденій не поймутъ, а все, чего не поймутъ, истолкуютъ ему же во вредъ.

«А какъ отнесется ко мнѣ молодой хозяинъ?» — мелькнуло въ головѣ доктора.

Хуже всего было то, что онъ уже теперь терялся отъ стыда и застѣнчивости. Онъ никакъ не могъ освоиться съ безобразіемъ самаго обвиненія... Никогда онъ не могъ

переносить циническаго отношенія къ любви и не разъ ссорился съ товарищами изъ-за простой шутки. Любовь была для него такимъ возвышеннымъ представленіемъ, что онъ не любилъ даже говорить о любви простыми словами. Онъ воспѣвалъ ее въ стихахъ и приходилъ въ негодованіе, какъ только кто-нибудь относился къ любви шутливо. А тутъ люди предполагали или дѣлали видъ, что предполагаютъ нѣчто возмутительное!

Онъ чувствовалъ, что въ этомъ и заключалась его слабая сторона... Одно время ему сдѣлалось такъ гадко на душѣ, что онъ уже началъ подумывать, не лучше ли повернуть назадъ и послать вмѣсто себя адвоката. Но тутъ же ему вспомнилось вѣское соображеніе, что ему, какъ народнику, не подобало избѣгать хотя бы и непріятныхъ объясненій съ мужиками.

Да, дѣйствительность имѣла свои возмутительныя стороны, но ее слѣдовало знать... Въ концѣ концовъ даже эти ненавистные романы французскихъ натуралистовъ имѣли, какъ оказывалось, свое печальное значеніе. Изъ нихъ можно было познакомиться съ нѣкоторыми сторонами жизни, которыя—увы!—оказывались налицо даже въ Финляндіи!.. Все это разумѣется было ужасно!.. Но тутъ-то и надо было устоять... не утратить своихъ свѣтлыхъ вѣрованій!

Доктовъ Удде былъ погруженъ въ такія размышленія, когда повозка поравнялась съ первыми избами деревни. У воротъ крайней избы стоялъ человѣкъ, лице котораго показалось доктору знакомымъ. Со своей стороны, уви-

дѣвъ доктора, этотъ человѣкъ видимо удивился, потомъ поспѣшилъ впередъ и сдѣлалъ ямщику знакъ остановиться.

— Кажется, докторъ Удде?—вскричалъ онъ, когда повозка остановилась.

— Да, это я.

— Вы меня не узнаете? Я бывшій приказчикъ въ Монола...

— Ахъ да... простите! Здравствуйте, здравствуйте...

— А мы, признаться, много думали о васъ, хотя не смѣли надѣяться, что вы пожалуете сюда сами...

— Да... да... конечно!—безсвязно пробормоталъ сконфуженный докторъ.

— А не позволите ли мнѣ пригласить васъ на минутку въ мою избу, господинъ докторъ? Мы потолковали бы немного о дѣльцѣ?..

— Какое можетъ быть у васъ ко мнѣ дѣло?—холодно спросилъ докторъ, которому вдругъ пришло въ голову, что для него унизительно говорить о своемъ щекотливомъ дѣлѣ съ посторонними и что приказчикъ былъ только назойливъ. Гнѣвъ сразу вернулъ ему все его самообладаніе.

— Да видите ли, господинъ докторъ,—настаивалъ приказчикъ,—надо бы поговорить съ вами объ этомъ непріятномъ дѣлѣ, по которому вы конечно и пріѣхали.

Но докторъ уже не былъ довѣрчивъ и доступенъ, какъ въ свой первый пріѣздъ.

— Я намѣренъ объясняться только съ вдовой Харваненъ, къ которой я и ѣду!—сказалъ онъ коротко.

— Да вѣдь молодой хозяинъ и сама Ида здѣсь, у меня. Они за васъ, развѣ вы этого не понимаете? Вы бы зашли въ избу, господинъ докторъ... Сразу все бы выяснилось и вы бы узнали всю подноготную.

Подозрительность доктора только усилилась, потому что молодой хозяинъ былъ ему почти ненавистенъ, а съ Идой, до объясненія съ хозяйкой, встрѣчаться онъ считалъ неудобнымъ.

— Повторяю, — сказалъ онъ внушительно, — что объясняться я буду только съ госпожей Харваненъ, которая написала мнѣ непонятное, но оскорбительное письмо и которую я привлеку за это къ отвѣту. До остального мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Вы не понимаете меня, докторъ. Вы не понимаете самаго этого дѣла...

— Если вамъ нужно поговорить со мной, можете пріѣхать въ Монола или завтра утромъ на станцію... Я тороплюсь, чтобы пріѣхать до ночи. — Пошелъ, ямщикъ!

Докторъ уѣхалъ, даже не дослушавъ того, что̀ возражалъ приказчикъ.

Черезъ часъ онъ былъ уже въ Монола и вылѣзалъ изъ саней совсѣмъ не въ томъ расположеніи духа, въ какомъ былъ до встрѣчи съ приказчикомъ. Смущенія не было и слѣда. Онъ чувствовалъ только горечь нанесенной ему и ничѣмъ незаслуженной обиды, раздраженіе и сдержанный гнѣвъ. Въ переднюю онъ вошелъ съ видомъ холоднаго, но строгаго и неумолимаго судьи.

Пока служанка помогала ему снимать шубу, изъ

столовой выглянула въ переднюю сама хозяйка. Докторъ поклонился ей чрезвычайно холодно. Но она не смутилась и попросила его войти вѣжливо, съ такимъ выраженіемъ лица, съ какимъ встрѣчала людей, пріѣзжавшихъ къ ней по надоѣдливымъ дѣламъ волостного схода или прихода. Торжественное и строгое выраженіе лица доктора напоминало академическаго судью, готовящагося произнести приговоръ о дисциплинарномъ наказаніи провинившагося товарища.

— Я получилъ отъ васъ, госпожа Харваненъ, чрезвычайно странное письмо!—началъ докторъ, когда служанка удалилась.—Вы можетъ быть сами не сознаете, что такія обвиненія отъ частнаго лица составляютъ оскорбленіе чести?

— Покорнѣйше прошу садиться, господинъ докторъ.

Оба торжественно усѣлись.

— Получивъ ваше оскорбительное письмо, я намѣревался сначала просто передать дѣло юристамъ,—продолжалъ докторъ внушительно.—Но потомъ я раздумалъ и рѣшился объясниться съ вами лично. Мы вѣдь были въ довольно хорошихъ отношеніяхъ, и не могу понять, какимъ образомъ вы могли настолько перемѣнить обо мнѣ мнѣніе, что заподозрѣли меня въ совращеніи вашей несчастной племянницы Иды.

Старуха откашлялась и отвѣтила дѣловымъ тономъ:

— Разумѣется, это хорошо, что вы пріхали сами, а не прислали за себя адвоката. По крайней мѣрѣ мы можемъ сразу вырѣшить дѣло. Мое подозрѣніе имѣетъ до-

статочное основаніе, въ этомъ вы сами убѣдитесь... А что касается оскорбленія, то что же тутъ особенно оскорбительнаго? Не какая-нибудь особенная диковинка, что молодой баринъ пошутилъ съ хорошенькой горничной!

Докторъ не зналъ шутитъ она, или говоритъ серьезно. Во всякомъ случаѣ это было цинично.

— Ваши подозрѣнія неосновательны, это я вамъ объявляю!—сказалъ онъ рѣзко.—Я никогда не шучу такими вещами и менѣе всего допустилъ бы подобное обращеніе съ родственницей людей, въ домѣ которыхъ я жилъ. Всякому честному человѣку это должно быть понятно. Понятно-ли это вамъ?

— Разумѣется, мнѣ понятно, что такъ всегда говорятъ...

— Не говорятъ, а поступаютъ!— крикнулъ докторъ, теряя свое напускное спокойствіе.

— Ну, ну... милѣйшій господинъ докторъ, не сердитесь!.. Мы, простые люди, смотримъ на эти дѣла не своему. Почемъ мы знаемъ, какъ это понимаютъ господа? Но столько-то я всегда могу сказать, что всякій разсудительный человѣкъ подумалъ бы о васъ то же самое...

Докторъ Удде понялъ, что споромъ и горячностью онъ ничего не возьметъ и прикусилъ себѣ губу, обдумывая, что̀ предпринять.

— У меня есть свидѣтельница, которая видѣла, какъ вы ласкали Иду,— продолжала между тѣмъ старуха.—Поневолѣ мнѣ приходится больше довѣрять по-

сторонней свидѣтельницѣ, чѣмъ всѣмъ вашимъ увѣреніямъ, господинъ докторъ!

Сказавъ это, старуха пріосанилась, какъ бы давая понять, что на это возражать небось нечего. Но докторъ отвѣтилъ категорически и сухо:

— Всякій, кто скажетъ, что я относился къ Идѣ такимъ образомъ, лжетъ.

Старуха посмотрѣла на него исподлобья, но не сочла себя отбитой. По ея мнѣнію самый пріѣздъ доктора для объясненій свидѣтельствовалъ противъ него. Да это было и не по господски. Настоящій господинъ не сталъ бы и объясняться съ мужиками и во всякомъ случаѣ не пріѣхалъ бы въ Монола, а вытребовалъ бы ее черезъ земскую полицію въ судъ. Такъ поступаютъ настоящіе господа! А этотъ только болтаетъ языкомъ... Стало быть, боится!

— Ну спорить я съ вами не стану! — сказала она снисходительно. — Знаю я только то, что дѣвушка попала въ бѣду и что мы вправѣ думать, что вы въ этомъ виноваты... Гмъ... да!

Она помолчала, потомъ встала со своего мѣста, приблизилась къ доктору и, пріятно осклабившись, заговорила вдругъ совсѣмъ инымъ тономъ.

— Послушайте же, милый господинъ докторъ! — сказала она слащаво. — Выслушайте вы меня не сердясь..

— Говорите.

— Видите-ли, по моему... разъ ужъ все такъ сложилось... т. е. разъ ужъ вы сами пріѣхали, чтобы покончить дѣло миромъ, отчего бы вамъ не взять на себя вину?

— Что вы говорите?!

— Да мнѣ только нужно, чтобы вы признали себя отцомъ ея ребенка, ну и кончено... отчего вамъ не пристроить куда-нибудь Иду? Вы имѣете хорошія средства, это я знаю...

Она лукаво подмигнула ему.

— Вѣдь хоть бы не вы были отцемъ, отчего вамъ не сдѣлать такого признанія... изъ дружбы къ намъ? Это устроило-бы всѣ наши дѣла, а содержаніе ребенка и всякіе расходы я бы взяла на себя. Все бы мы устроили тихо... безъ скандала, такъ что и болтовни бы совсѣмъ не было... А если-бы и поболтали наши мужики, то скоро-бы все было забыто, да и вамъ то что̀ изъ этого?.. Вѣрно только то, что наши дѣла были бы устроены, а вамъ, какъ барину, вреда отъ этого не было-бы никакого...

Докторъ слушалъ эту рѣчь въ нѣмомъ изумленіи и долго не зналъ, вѣрить-ли своимъ ушамъ или нѣтъ. Никогда еще ему не приходилось видѣть такого безстыдства! Наконецъ онъ опомнился... Кровь ударила ему въ виски, и онъ хотѣлъ уже сразить старуху такимъ отвѣтомъ, какой она заслужила, когда въ комнату вошелъ молодой хозяинъ. Тотъ нарочно прискакалъ вслѣдъ за докторомъ, чтобы застать его у матери и теперь шелъ къ нему на выручку, привѣтливо кивая ему головой и съ протянутой рукой. Но докторъ уже не владѣлъ собой и въ твердой увѣренности, что всѣ эти люди были заодно, даже не взглянулъ на молодого человѣка.

— Довольно! — сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста.— Я пріѣхалъ изъ-за двухъ-сотъ верстъ, чтобы честно объясниться съ вами и разсѣять то, что я считалъ недоразумѣніемъ, а вы... вы осмѣливаетесь дѣлать мнѣ постыдныя предложенія! Я другъ народа, но не другъ подобныхъ людей... Прощайте!

Онъ вышелъ, не оглядываясь въ переднюю.

Молодой хозяинъ, успѣвшій кое-что подслушать, смотрѣлъ на мать, ожидая, что она поспѣшитъ вернуть и успокоить доктора. Но она не двинулась съ мѣста. По ея мнѣнію не слѣдовало мѣшать пойманной рыбкѣ побиться, а что доктора она поймала, въ этомъ она не сомнѣвалась.

— Ишь ты, какъ расхрабрился и какимъ бариномъ онъ вдругъ заговорилъ!—сказала она сыну, когда послышались удалявшіеся отъ подъѣзда колокольцы.—Небось, вернется! Тоже, и имъ скандалъ нежелателенъ... Это онъ вдругъ захарахорился, когда увидѣлъ тебя. А то поглядѣлъ-бы ты, какой онъ былъ шелковый... Его ребенокъ—это по всему видно!

XX.

Докторъ сознавалъ, что цѣль его поѣздки отнюдь не достигнута. Тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ собой. По крайней мѣрѣ они теперь знали съ кѣмъ имѣли дѣло!

*

Изъ Монола онъ поѣхалъ на почтовую станцію, устроенную возлѣ пастората, и тамъ расположился ночевать, намѣреваясь на слѣдующій же день возвратиться въ Гельсингфорсъ. Онъ легъ въ постель мрачный, но совершенно спокойный. Пусть будетъ, что будетъ! Если необходимо судиться, онъ будетъ судиться—вотъ и все! Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ усомниться въ его правотѣ, и всякій судъ его оправдаетъ. Это ясно!.. Положимъ, Анна Сунтіо... Но онъ не хочетъ думать о ней теперь. Онъ энергично отгоняетъ отъ себя всякія размышленія и ему удается вскорѣ уснуть.

На слѣдующее утро его разбудила служанка, пришедшая сказать, что съ нимъ желаетъ повидаться бывшій приказчикъ въ имѣніи Монола.

Съ просонья докторъ послалъ было приказчика туда, гдѣ растетъ перецъ, но потомъ одумался, вспомнилъ, что самъ сказалъ приказчику придти на станцію и, сообразивъ, что можетъ получить отъ него кое-какія разъясненія, велѣлъ его провести въ станціонную залу, а самъ началъ одѣваться.

— Очень радъ, что засталъ васъ прежде, чѣмъ вы успѣли уѣхать!—сказалъ приказчикъ, когда докторъ наконецъ вышелъ въ залу.—Мнѣ сказали, что вы съ вечера заказали лошадей. Значитъ, вы уже покончили всякія дѣла съ вдовой Харваненъ? Какъ-же все обошлось?

Докторъ Удде недружелюбно посмотрѣлъ на приказчика.

— Ко мнѣ отнеслись въ Монола такъ низко и несправедливо, что остается только судиться,—сказалъ онъ сухо.—Вдова Харваненъ повидимому не имѣетъ понятія о томъ, что̀ такое честь и чѣмъ руководствуются честные люди. Она думаетъ, что я пріѣхалъ сюда только потому, что испугался ея обвиненій... Ей и въ голову не приходитъ, что я другъ народа и что мнѣ хотѣлось остановить несправедливое дѣло, поворящее народъ...

— Ага!—вскричалъ приказчикъ, который сразу сообразилъ дѣло.—Понимаю... Зачѣмъ вы не послушались меня и не переговорили вчера съ нами, прежде, чѣмъ ѣхать въ Монола? Теперь все было бы улажено... А вмѣсто того, вы разсердились и хотите судиться, хотя я увѣренъ, что вы и теперь не знаете обстоятельствъ дѣла.—Да, можно было впередъ сказать, что хозяйка въ Монола приметъ ваше посѣщеніе, какъ признакъ слабости. Она даже будетъ утверждать, что видитъ въ этомъ косвенное признаніе вашей вины...

— Она одурѣла, эта хозяйка, что-ли? — спросилъ докторъ, чувствуя, что весь вчерашній гнѣвъ поднимался въ немъ снова.

— Ахъ, господинъ докторъ! Это очень запутанная исторія. Вдова Харваненъ, повѣрьте, не хочетъ вамъ ни малѣйшаго зла—вы просто не понимаете ея! Мы, мужики, смотримъ на эти дѣла очень просто, и вамъ не слѣдуетъ обижаться, если наши понятія не похожи на ваши...

— Стало быть и вы считаете меня виновнымъ и

воображаете, что я пріѣхалъ сюда лгать, чтобы избавиться отъ обезпеченія Иды и ея ребенка?

— Да нѣтъ-же — Боже оборони! Развѣ я не знаю всего этого дѣла? Для того я и звалъ васъ вчера, чтобы разсказать вамъ правду!

Приказчикъ подробно разсказалъ доктору обстоятельства дѣла и объяснилъ, что единственное, чего добивалась старуха, это была возможность помѣшать женитьбѣ ея сына на Идѣ. И вдругъ все стало доктору ясно, при чемъ самъ онъ увидѣлъ себя въ такомъ нелѣпомъ положеніи, что невольно вспомнилъ насмѣшливыя наставленія своего друга адвоката. Особенно досадно ему стало, что онъ заподозрѣлъ и оттолкнулъ вчера своихъ естественныхъ союзниковъ, молодого хозяина и приказчика, которые должны были счесть его ужасно глупымъ человѣкомъ. И тутъ-же ему пришло въ голову, что все происходило отъ его незнанія мужиковъ, въ обращеніи съ которыми онъ не бралъ во мниманіе, что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни тонкой деликатности чувствъ, ни идеальныхъ воззрѣній, и что сама жизнь дѣлала ихъ довольно грубыми матерьялистами, въ чемъ они отнюдь не были виноваты.

Всѣ эти выводы, получавшіеся при первомъ же житейскомъ столкновеніи съ крестьянами, не имѣли законченнаго характера, присущаго выводамъ философскаго сочиненія и представлялись доктору довольно смутно, но были лишь тѣмъ мучительнѣе. Одно ему было ясно, а именно, что въ его дѣятельности оказывался таинствен-

ный опюнентъ—самъ народъ—считавшій его просто-напросто дуракомъ...

Онъ нервно расхаживалъ по комнатѣ, всецѣло занятый своими размышленіями, а приказчикъ поглядывалъ на него снисходительно. Старый приказчикъ считалъ всякаго ученаго господина безпомощнымъ младенцемъ въ дѣйствительной жизни и потому его нисколько не удивляло, что докторъ оказывался смѣшонъ во всей этой непріятной исторіи. Онъ допускалъ и то, что былъ бы самъ крайне жалокъ, если бы запутался въ такую же сложную исторію среди городскихъ господъ; но потому-то онъ и не льнулъ къ господамъ, тогда какъ докторъ лѣзъ съ мужиками въ дружбу и хотѣлъ еще ихъ же просвѣщать уму-разуму!

Завязался длинный разговоръ, въ которомъ докторъ еще разъ выказалъ все свое «ребячливое» отношеніе къ дѣйствительности. Приказчикъ только тихо улыбался себѣ въ бороду. Ему казалось ужасно смѣшно, что какой-то молодой баринъ, начитавшійся разныхъ книжекъ, хотѣлъ поучать его, стараго умнаго мужика. «Неужели же яйцамъ учить курицу, какъ надо нестись?»—думалъ онъ.—«Хоть бы у доктора были какія-нибудь практическія знанія, какія бываютъ у инженеровъ, у агрономовъ или у лѣсничихъ; тѣхъ можно еще иногда послушать... А то только одна болтовня объ образованіи и высокихъ предметахъ! Да и самъ-то онъ понимаетъ-ли, что говоритъ? Въ газетахъ о тѣхъ-же предметахъ говорится не въ примѣръ проще и понятнѣе, а у него все

выходитъ черезъ-чуръ благородно, въ родѣ чего-то божественнаго, точно онъ хочетъ замѣнить своей болтовней благочестіе! Нѣтъ, это не годится!»

Впрочемъ, приказчику и въ голову не приходило сказать доктору, что онъ о немъ думалъ. Къ чему бы это послужило, если бы онъ сдѣлалъ изъ него врага? По всему видно, что докторъ хоть насильно хочетъ сдѣлаться другомъ крестьянъ. Ну, и Господь съ нимъ — пусть будетъ другомъ! Какой въ томъ вредъ, если нѣсколько господъ въ Гельсингфорсѣ будутъ говорить по фински и станутъ всюду кричать, что финскіе мужики ангелы во плоти? Это даже очень хорошо! Есть вѣдь и настоящіе друзья народа, которые не суются со своими разсужденіями, а стоятъ за народъ на сеймѣ и во всякомъ дѣлѣ... Приказчикъ могъ бы назвать такихъ людей изъ числа сенаторовъ, юристовъ, писателей... Тѣ не ѣздятъ дружить съ мужиками, а всякій мужикъ ихъ знаетъ и цѣнитъ, даромъ что они остаются господами. Тѣ умные.

Такія мысли копошились въ умѣ старагоприказчика пока докторъ, забывши съ чего началъ, пускался въ краснорѣчивыя разсужденія о задачахъ и будущности финскаго народа. Честный докторъ чувствовалъ потребность омыться въ чистыхъ струяхъ идеальныхъ стремленій отъ всего, что онъ вынесъ изъ своего столкновенія съ вдовой Харваненъ, и говорилъ, говорилъ, безъ конца.

Наконецъ онъ утомился и такъ какъ приказчикъ ничего ему не возражалъ, вдохновеніе его изсякло. Тогда онъ спустился на землю, возвращаясь къ дѣйствитель-

ности, а приказчикъ окончательно протрезвилъ его нѣсколькими разсудительными словами о дѣлѣ. Онъ предложилъ доктору еще разъ съѣздить въ Монола, на этотъ разъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Идой, чтобы сразу на общемъ совѣтѣ разъяснить все дѣло. Хотя бы только ради бѣдной Иды и ея злополучнаго жениха, слѣдовало попытаться покончить миромъ, не доводя дѣла до суда... А то вѣдь старуха—кто ее знаетъ?—можетъ заупрямиться и всѣмъ, не исключая себя, надѣлать много непріятностей.

Докторъ согласился, что предложеніе было разумно и рѣшился подавить свои собственныя чувства ради молодого хозяина и Иды. Онъ не прибавилъ, что чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе, имѣя за себя разсудительнаго приказчика и обоихъ виновниковъ всего переполоха.

Приказчикъ удалился. Черезъ полчаса онъ вернулся въ сопровожденіи Иды, которая была чрезвычайно сконфужена и стыдливо поклонилась доктору. Это тотчасъ же подѣйствовало на его великодушіе и онъ сказалъ ей нѣсколько ободрительныхъ словъ. Затѣмъ онъ сѣлъ въ почтовую повозку, а Ида помѣстилась въ другихъ саняхъ вмѣстѣ съ приказчикомъ и всѣ поѣхали въ Монола.

Старуха встрѣтила гостей со своимъ обычнымъ самодовольнымъ видомъ и такъ спокойно, точно дожидалась ихъ. Доктору она отвѣтила на поклонъ безъ всякаго смущенія, очевидно нисколько не затрудняясь тѣмъ, что произошло наканунѣ. Приказчику она даже улыбнулась. Только Иды она точно не замѣтила, не удостоивъ ее даже взгляда.

Черезъ минуту въ столовую, куда провели гостей, вошелъ и молодой хозяинъ. Онъ видимо волновался, но вскорѣ тоже овладѣлъ собой, послѣ чего всѣ точно застыли и началось какъ бы состязаніе въ самообладаніи.

Само собою разумѣется, что поданъ былъ кофе. Докторъ чувствовалъ себя прескверно, но не выказывалъ этого, и по лицамъ остальныхъ присутствующихъ не видѣлъ, чувствуютъ-ли они то же самое. Особенно тяжело ему было видѣть Иду, которая сидѣла у дверей понуривъ голову и низко спустивъ головной платокъ на лице. Никто не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и ей одной не было предложено кофея.

Говорили мало. Старуха вѣжливо освѣдомилась у доктора, хорошо-ли живется въ Гельсингфорсѣ; на это онъ съ тою же чопорной вѣжливостью отвѣтилъ, что въ Гельсингфорсѣ, слава Богу, живется хорошо. Послѣ этого всѣ долго молчали и слышались только звуки усиленно втягиваемаго губами кофея да хрустъ разламываемыхъ сухарей.

Послѣ кофея хозяйка встала, шепнула нѣсколько словъ служанкѣ и предложила всѣмъ присутствующимъ пройти въ залу. Для чего она это дѣлала, осталось ея тайной, такъ какъ она не прибавила ни слова и торжественно поплыла впередъ черезъ сѣни. Въ залѣ трещалъ въ печкѣ огонь, но было такъ холодно, что дыханіе сопровождалось струйками и облачками пара.

Докторъ оглянулся въ бывшей своей комнатѣ и удивился ея пустынному виду. Стѣны были такія же

голыя, какъ до его пріѣзда. Мебели было еще меньше прежняго.

Всѣ заняли мѣста вокругъ овальнаго стола передъ диваномъ; только Ида опять осталась у дверей и стояла съ низко опущенной головой. Вскорѣ рядомъ съ нею появилась вторая женская фигура: это была коровница, за которой посылала хозяйка.

«Подавляющая свидѣтельница!» — догадался докторъ, но удержался отъ усмѣшки.

Съ минуту продолжалось торжественное безмолвіе. Всѣ имѣли озабоченный видъ; никому не хотѣлось начинать первымъ. Наконецъ, убѣдившись, что хозяйка не начнетъ, докторъ заговорилъ тѣмъ голосомъ, которымъ читается обвинительный актъ:

— Я вторично являюсь сюда по этому прискорбному недоразумѣнію. Вчера я пытался объяснить хозяйкѣ этого дома, что подозрѣнія ея ни на чемъ не основаны и ложны, но мнѣ не удалось убѣдить ее. Тогда я рѣшился было передать дѣло адвокату и даже начать процессъ, если бы госпожа Харваненъ сама не начала. Но сегодня я узналъ нѣкоторыя обстоятельства, которыя побуждаютъ меня еще разъ попытаться покончить дѣло миромъ, чтобы пощадить молодыхъ людей и всѣхъ насъ избавить отъ непріятностей процесса. Я знаю, что *въ сущности* всѣ мы одного мнѣнія и что мы столковались бы очень легко, если бы только перестали упрямиться.

Эта рѣчь вовсе не понравилась старухѣ и она съ вызовомъ посмотрѣла на доктора.

— И по моему, зачѣмъ упрямиться! — сказала она немного нетерпѣливо. — Такому образованному человѣку, какъ господинъ докторъ упрямиться не подобаетъ. Чѣмъ навлекать на мой домъ новый позоръ и новыя бѣды, было бы благороднѣе сразу повиниться въ сдѣланной ошибкѣ и постараться ее загладить.

Въ свою очередь докторъ нашелъ, что теперь вправѣ погорячиться и хотѣлъ обрушиться на хозяйку всей тяжестью своего негодованія и сознанія попранной справедливости. Но этого не допустилъ приказчикъ, который во-время замѣтилъ грозу и вмѣшался въ дѣло со всѣмъ искусствомъ опытнаго деревенскаго дипломата.

— Глубокоуважаемая госпожа Харваненъ и добрѣйшій господинъ докторъ! — началъ онъ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. — Прежде всего позвольте мнѣ сказать два слова о самомъ дѣлѣ. Наша уважаемая хозяйка не въ силахъ была повѣрить признанію своего сына и своей племянницы, что они сами виноваты въ несчастіи, одинаково тяжело поразившемъ ее и самихъ молодыхъ людей. Такое недовѣріе весьма понятно въ нѣжной матери и заботливой теткѣ, которой хотѣлось думать, что ея дѣти сдѣлали ошибку лишь подъ вліяніемъ чужого совратителя. Удивляться тутъ нечему и осуждать ее было бы несправедливо! Видите-ли, господинъ докторъ, мы, простые деревенскіе мужики, не привыкли довѣрять городскимъ господамъ. Такова уже наша природная недовѣрчивость! Не привыкли мы и къ тому, чтобы въ нашихъ уважаемыхъ семьяхъ совершались такія непоз-

волительныя... даже преступныя дѣла, на какія соблазнило этихъ молодыхъ людей ихъ грѣховное любострастіе... Какъ тутъ не породиться недоразумѣнію? Но вѣрно и то, что когда мы убѣждаемся, что заподозрѣнный нами посторонній господинъ дѣлу непричастенъ, тогда... да, тогда мы всегда умѣемъ загладить свою вину и поступаемъ, какъ подобаетъ честнымъ людямъ!

Приказчикъ замолчалъ и устремилъ на хозяйку особенно выразительный взглядъ. Но она не выказала ни малѣйшей охоты «загладить свою вину и поступить, какъ подобаетъ честнымъ людямъ». Она сердилась на приказчика за то, что онъ такъ явно становился за доктора и даже намекалъ на необходимость общаго примиренія. Однако, она понимала и то, что осторожный приказчикъ ни за что не высказался бы такъ опредѣленно, еслибы ея обвиненіе доктора имѣло хоть какое-нибудь правдоподобіе, и потому она не выказала своего неудовольствія. Тѣмъ не менѣе она не захотѣла отказаться отъ обвиненія, которымъ надѣялась породить сомнѣнія въ сынѣ и помѣшать его женитьбѣ.

— Хотя бы я ошибалась въ моемъ подозрѣніи,—сказала она сухо,—что̀ совсѣмъ однако неправдоподобно—прошу господина доктора выслушать эту свидѣтельницу (она указала на свою скотницу). Эта женщина видѣла, какъ докторъ шутилъ съ Идой и бралъ ее за подбородокъ... Такъ какъ начало беременности Иды можно допустить и съ того времени, такое свидѣтельство—всякому это понятно!—очень важно.

Докторъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что въ этомъ собраніи никто, даже сама обвинительница, видимо не вѣрила его преступности, и что тѣмъ не менѣе устраивалось цѣлое унизительное слѣдствіе. Но онъ уже не горячился и былъ совершенно хладнокровенъ. Ему пришло-было въ голову сразу покончить дѣло, напомнивъ хозяйкѣ ея постыдное предложеніе, сдѣланное ему наканунѣ, но тотчасъ же природное великодушіе помѣшало ему это сдѣлать, и онъ началъ свою защитительную рѣчь учтиво, позволяя себѣ лишь нѣкоторую иронію.

— Теперь для меня стало ясно, добрѣйшая хозяюшка, —сказалъ онъ, — что врядъ-ли вы собирались серьезно обвинять меня и что все это пустое, хотя очень непріятное дѣло. Если я относился къ бѣдной Идѣ дружелюбно и ласково, какъ охотно отношусь и къ прочимъ людямъ, то подозрѣвать что-нибудь дурное у васъ не было ни малѣйшаго основанія. Спросите хоть Иду, можетъ-ли она сказать, что я когда-нибудь выходилъ изъ предѣловъ братской короткости. Не отрицаю, что я бралъ ее за подбородокъ и шутилъ съ нею, но въ этомъ вѣдь нѣтъ ничего преступнаго! Нѣтъ, нѣтъ, добрая хозяюшка, вы сами это знаете не хуже насъ всѣхъ, и вся штука въ томъ, что вы не желаете брака вашего сына съ Идой. Разумѣется, не мое дѣло мѣшаться въ ваши семейныя распри, но разъ ужъ вамъ угодно было замѣшать и меня, позволю себѣ замѣтить вамъ, что очень и очень непохвально мѣшать сыну исполнить долгъ чести. Это тѣмъ болѣе непохвально, что вы могли бы осчастливить двухъ

людей, вмѣсто того, чтобы дѣлать ихъ несчастными и противодѣйствовать имъ, запутывая совсѣмъ непричастнаго дѣлу посторонняго человѣка...

Докторъ пріостановился и насмѣшливо посмотрѣлъ на старуху.

— Я могъ бы прибавить еще нѣсколько словъ о вашемъ вчерашнемъ неосторожномъ предложеніи, — продолжалъ онъ съ удареніемъ,—объ этомъ неблаговидномъ предложеніи, которое я вполнѣ понялъ только теперь. Но я разсчитываю, что вы и безъ того откажетесь въ присутствіи всѣхъ здѣсь находящихся отъ вашего неправаго обвиненія, послѣ чего и я предамъ забвенію все случившееся.

— Хорошо сказано!—похвалилъ рѣчь доктора приказчикъ.

Но старуха вооружилась всѣмъ своимъ упрямствомъ, капризно перекосила губы и проговорила со вздохомъ.

— Если докторъ не желаетъ уступить, остается только судиться!..

— Какъ вы можете это говорить!—вступился приказчикъ. — Не забывайте, что ваше обвиненіе голословно и что не только докторъ будетъ оправданъ на судѣ, но что еще васъ же могутъ привлечь къ отвѣтственности за возбужденіе неправаго и оскорбляющаго честь доктора обвиненія.

— Оправданный только по недоказанности вины не можетъ преслѣдовать противника, если не докажетъ своей невиновности! — спокойно возразила старуха, воображавшая, что знаетъ законы.

Не пускаясь въ юридическія тонкости приказчикъ началъ горячо защищать доктора, и поставилъ на видъ его великодушіе. Вѣдь докторъ миролюбиво пріѣхалъ для личныхъ объясненій, тогда какъ менѣе великодушный господинъ наслалъ бы на свою обвинительницу всѣхъ юристовъ и судей страны! Въ заключеніе приказчикъ привелъ даже текстъ изъ Священнаго Писанія, напомнилъ о кротости и уступчивости, повелѣваемыхъ благочестіемъ и наконецъ началъ уговаривать хозяйку не только отказаться отъ обвиненія доктора, но еще простить злополучныхъ молодыхъ людей и покончить дѣло общимъ примиреніемъ.

Все это не помогло. Старуха сложила руки на груди и стояла на своемъ.

— Ну, будетъ вамъ! — усовѣщивалъ ее приказчикъ. — Положите гнѣвъ на милость и перестаньте же упрямиться!

— Охо! Если вы думаете, что меня можно такъ легко переломить, вы меня не знаете!

— Да подойдите же, господинъ Харваненъ и помогите мнѣ упросить вашу мать!

— Въ самомъ дѣлѣ, будетъ тебѣ мучить насъ! — послушно проговорилъ молодой хозяинъ. — Ты сама знаешь, что докторъ непричемъ... Охота тебѣ упираться въ этомъ гадкомъ дѣлѣ!..

— А ты обѣщаешь отказаться отъ Иды? — спросила мать.

— Нѣтъ, ни за что въ жизни! — отвѣтилъ онъ не задумываясь.

Выступила впередъ и бѣдная Ида. Она нерѣшительно приблизилась къ хозяйкѣ, низко опустила голову и заговорила очень тихо:

— Простите и не сердитесь, больше на насъ, добрая тетушка! Развѣ я не знаю своей вины и развѣ я не понимаю, что страдала подѣломъ?.. Я не жаловалась, потому что хотѣла вынести заслуженное наказаніе... Но смилуйтесь наконецъ... простите меня...

Докторъ былъ совсѣмъ растроганъ всей этой семейной сценой. Приказчикъ съ напряженіемъ слѣдилъ за выраженіемъ лица старухи.

Та минуту поколебалась. Въ лицѣ ея что-то дрогнуло и появилась выразительность, какой прежде не было. Но она тотчасъ же овладѣла собой, лицо ея снова сдѣлалось, точно деревянное, и она сказала съ холоднымъ равнодушіемъ:

— Не трудитесь напрасно, не просите. Я никогда не желала, чтобы молодой хозяинъ женился на Идѣ и не измѣню своего рѣшенья. Такъ и знайте.

— А все-таки я женюсь на ней! — объявилъ Августъ Харваненъ.

— Самовольно, это другое дѣло. Моего благословенія ты не получишь.

Приказчикъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на доктора съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать, что дѣло не выгорѣло.

Тогда докторъ всталъ.

— И такъ, мы будемъ судиться? — спросилъ онъ хозяйку, сдвигая брови.

— Тамъ посмотримъ...

— Прощайте же!

— Прощайте.

Докторъ высокомѣрно кивнулъ ей головой, пожалъ руку молодому хозяину и вышелъ въ переднюю.

Приказчикъ остался позади.

— Вы безжалостны, — вполголоса сказалъ онъ хозяйкѣ,—но... не мнѣ васъ осуждать. У васъ вѣроятно есть основанія поступать такъ круто. Дай Богъ, чтобы это не принесло несчастія вамъ и вашему дому!.. А пока, до свиданія!

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ Идой и погналъ лошадь, чтобы догнать доктора Удде.

XXI.

Чѣмъ больше обострялись событія, тѣмъ необходимѣе становился обѣимъ сторонамъ мудрый приказчикъ и тѣмъ охотнѣе онъ забиралъ въ свои цѣпкія руки всѣ нити событій. Приближался кризисъ, который долженъ былъ наступить въ день рожденія молодого хозяина, 10-го декабря. Хозяйка и приказчикъ готовились къ этому дню, не щадя энергіи.

Послѣ посѣщенія доктора Удде, въ Монола установились между враждебными сторонами почти тѣ же отношенія, какія были до этого событія. Ида попрежнему

жила въ домѣ приказчика и няньчила своего все еще некрещеннаго младенца; молодой хозяинъ продолжалъ свои прежнія ежедневныя посѣщенія невѣсты и сына; только приказчикъ сдѣлался какимъ-то таинственнымъ вершителемъ всѣхъ судебъ и почти равномѣрно дѣлилъ свое вниманіе между матерью и сыномъ.

Однако онъ нисколько не возгордился своимъ положеніемъ, по прежнему былъ благочестивъ и скроменъ, усердно распѣвалъ псалмы по вечерамъ и безвозмездно, посвящая госпожѣ Харваненъ все остальное время. Дѣло въ томъ, что черезъ него вдова вела всѣ свои переговоры о покупкѣ имѣнія Имола... для молодого хозяина, многозначительно подмигивая, объяснялъ очень довольный ходомъ дѣла приказчикъ.

Вдова Харваненъ давно поняла, чего добивался этотъ безкорыстный другъ. Но ей казалось вполнѣ естественнымъ, что умный человѣкъ заботится о своемъ благѣ, а получить снова къ себѣ на службу такого расторопнаго человѣка она полагала даже счастіемъ. У нея всегда была слабость къ приказчику, что выказалось особенно наглядно, когда она не разсердилась на него даже послѣ дѣла съ докторомъ, котораго приказчикъ осмѣлился открыто защищать. Какъ практичная женщина, она уважала только ловкихъ людей, а приказчикъ былъ именно изъ тѣхъ ловкачей, которые себя не забываютъ. Такому человѣку можно было многое простить.

Нравилось ей и то, что у него была желѣзная воля, такъ тщательно укутанная самой мягкой ватой, что ее и

*

замѣтить было трудно. Никогда она не подружилась бы съ нимъ, еслибы онъ не умѣлъ говорить съ нею умно и почтительно, настаивая на своемъ, но никогда не забываясь передъ нею.

За недѣлю до рѣшительнаго дня дѣла настолько подвинулись впередъ, что хозяйка сама съѣздила вмѣстѣ съ приказчикомъ въ Имола. Молодой хозяинъ нетерпѣливо ожидалъ ихъ возвращенія, сгорая отъ любопытства узнать, состоялась-ли запродажа. Но приказчикъ оказался на этотъ разъ не очень сообщительнымъ, объяснилъ, что навѣрное ничего не знаетъ, такъ какъ хозяйка продолжала дѣло лично съ самимъ предсѣдателемъ конкурснаго правленія, но тутъ же успокоилъ молодого человѣка, прибавивъ, что его часть несомнѣнно больше суммы, которую придется внести за имѣнье и что покупка, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершится.

Пришлось этимъ удовольствоваться.

Молодой человѣкъ подавилъ въ себѣ желаніе еще разъ откровенно объясниться съ матерью и рѣшился выказать, что и онъ умѣетъ держать языкъ за губами до той минуты, когда получитъ законное право требовать отчета.

До рѣшительнаго дня оставалось уже только два дня, когда въ комнату молодого хозяина вошелъ однажды приказчикъ и, пріятно улыбаясь, сообщилъ, что покупка имѣнья Имола состоится несомнѣнно. Очевидно, молодому хозяину оставалось только въ свое время принять отъ матери это имѣнье и потому

онъ могъ быть спокоенъ! Вступленіе во владѣніе новымъ имѣніемъ назначено согласно предварительному условію на Новый годъ. Стало быть ждать оставалось немного... Благодаря приказчику всѣ мечты молодого хозяина осуществлялись; лучшаго нельзя было и желать!

Обрадованный молодой человѣкъ не зналъ, какъ и благодарить приказчика. Онъ усадилъ его на диванъ и угощалъ, чѣмъ могъ. Со своей стороны благожелательный приказчикъ тихонько улыбался, какъ бы радуясь счастію молодого человѣка и чувствуя себя вполнѣ вознагражденнымъ его благодарностью.

Послѣ этого Августъ Харваненъ сдѣлался удивительно терпѣливъ и всецѣло предоставилъ матери устроить его судьбу. Онъ тщательно избѣгалъ вмѣшательства въ распоряженія матери, выказывалъ много покорности и даже не заикался объ Имола. Все это онъ дѣлалъ по совѣту того же мудраго приказчика, чтобы не озлобить мать и не побудить ее къ новымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Его положеніе въ домѣ вовсе не было пріятно, такъ какъ никогда еще онъ не пользовался меньшей самостоятельностью. Но когда ждешь чего-нибудь такого, какъ осуществленіе всѣхъ своихъ желаній разомъ, нетрудно быть и терпѣливымъ!

Настала день его рожденія. Но этотъ знаменательный день прошелъ совсѣмъ незамѣтно, безъ всякихъ торжествъ, точно самыя простыя будни. Казалось, только Ида вспомнила значеніе этого дня. Другіе даже не поздравили. Но Августъ Харваненъ ни на что не претендо-

валъ, великодушно прощая своимъ противникамъ эту маленькую демонстрацію. Онъ даже продолжалъ молчать о своихъ дѣлахъ, считая теперь вопросомъ гордости не торопиться со своимъ торжествомъ. Стало приближаться и Рождество, а онъ все еще не поговорилъ съ матерью объ Имола и попрежнему дѣлалъ видъ, что эта покупка вовсе его не касалась. Онъ даже пересталъ говорить о своихъ дѣлахъ съ приказчикомъ.

Въ его отношеніяхъ къ приказчику начинала проявляться реакція. Дѣло въ томъ, что онъ внезапно спохватился, что сдѣлался совершеннѣйшимъ ничтожествомъ, какой-то жалкой пѣшкой въ рукахъ приказчика. Все его будущее благополучіе являлось простой милостью этого чужого человѣка, и благодарность только еще больше ставила его въ зависимость отъ благодѣтеля. Стоило-ли бороться съ матерью, чтобы подпасть подъ новое иго? Да и материнское иго все еще не было сброшено и только укрѣпилось за послѣднее время...

Раздумывая объ этомъ, молодой хозяинъ почувствовалъ невольную холодность къ своему благодѣтелю и сталъ тяготиться своей благодарностью. Положительно, онъ слишкомъ ужъ близко связался съ приказчикомъ! Этого человѣка онъ вѣдь знаетъ давно и могъ бы сообразить, что тотъ не пропуститъ случая закабалить его навсегда. Очевидно, что добиться самостоятельности удалось бы только сбросивъ оба ига, материнское и доброжелательнаго приказчика, разомъ.

Въ такомъ расположеніи духа онъ сталъ невольно

видѣть нѣчто общее между матерью и приказчикомъ и сдѣлался очень остороженъ.

Прошли и рождественскіе праздники, а объ Имола и выдѣленіи наслѣдства молодого хозяина никто не говорилъ ни слова. Даже въ дѣлахъ управленія старымъ имѣньемъ онъ былъ точно отстраненъ, и въ домѣ на него не обращали бо̀льшаго вниманія, чѣмъ если бы это былъ мальчикъ восьми лѣтъ.

Наконецъ онъ потерялъ терпѣнье и рѣшился покончить свои дѣла по раздѣлу. Къ этому времени онъ началъ даже подозрѣвать искренность приказчика и ему стало казаться, что устраивается нѣчто неладное. Не даромъ же мать не начинала сама объясненія.

И вотъ онъ пришелъ однажды къ матери.

— Я ждалъ больше, чѣмъ надо, — сказалъ онъ ей твердо.—Приказчикъ говорилъ мнѣ, что ты пріобрѣтаешь Имола на мои деньги. Такъ-ли это?

— Неужели онъ сказалъ тебѣ что-нибудь подобное?—возразила мать съ притворнымъ изумленіемъ.

— А развѣ это неправда?

— Конечно нѣтъ. Я рѣшилась на пріобрѣтенье Имола, но разумѣется не на твои деньги. Да и неужели ты воображалъ, что годишься для управленія такимъ большимъ имѣньемъ? Нѣтъ, сиди ты спокойно и не мѣшай намъ съ приказчикомъ дѣлать дѣло. Мы поумнѣе и постарше тебя, и не тебѣ вмѣшиваться въ такія важныя дѣла.

Этотъ отвѣтъ сразу разбилъ всѣ мечты молодого хо-

зяина. Онъ понялъ, что мать и приказчикъ провели его за носъ, какъ глупаго мальчишку и потерялъ всякое самообладаніе. Кровь бросилась ему въ голову. Онъ топнулъ ногой и крикнулъ голосомъ, который сдѣлался визгливымъ, до того онъ былъ повышенъ.

— Сейчасъ-же отдай мою часть наслѣдства, мать! Я самъ себѣ куплю имѣнье. Небось, я совершеннолѣтній уже!

Мать посмотрѣда на него спокойно и даже не поторопилась отвѣтить.

— На что тебѣ деньги?—сказала она помолчавъ.— Ты надѣлаешь только глупости...

— Не твое дѣло. Деньги мои!

— Такъ что изъ того, если даже они и твои? Небось на мнѣ лежитъ отвѣтственность и за тебя и за твое состояніе.

— Не говори глупостей, мать, а отвѣчай лучше толкомъ, согласна-ли ты отдать мою часть добровольно?

— Конечно отдамъ, но не скоро, сынокъ. Наши части наслѣдства такъ перепутаны, что потребуется не мало времени, чтобы выдѣлить твою часть. А если ты поведешь дѣло судомъ... противъ родной матери, которая никогда не отказывала тебѣ въ деньгахъ, всѣ осудятъ тебя и дѣло затянется вдвое дольше. Процессы о наслѣдствѣ всегда бываютъ очень сложны, сынокъ, а наше наслѣдство особенно запутано, потому что покойный Харваненъ поручилъ мнѣ опеку надъ тобой и я все вела сообща. Разбери наши части въ имѣніи! А съ покупкой Имола дѣло еще усложнилось...

— Какъ? Значитъ деньги за Имола уже уплачены?.. Безъ моего вѣдома?..

— Да, дѣло сдѣлано! — согласилась она. — Впрочемъ, я это сдѣлала до твоего совершеннолѣтія и потому имѣла на это право. Если хочешь тягаться по судамъ и безчестить свою старую мать—можешь... сдѣлай одолженье! Могу только впередъ тебѣ сказать, что въ такомъ процессѣ наживутся только адвокаты, а оба мы потеряемъ большую часть того, что имѣемъ. Если-же тебѣ непремѣнно хочется обогащать адвокатовъ вмѣсто того, чтобы обуздать свой строптивый нравъ, препятствовать тебѣ я не могу и скажу только, что ты начнешь свою самостоятельную жизнь очень разумно... какъ подобаетъ разсудительному человѣку и доброму сыну!

Это насмѣшливое заключеніе старуха произнесла съ особенной выразительностью и такъ пренебрежительно пожала плечами, что сынъ смутился. Затѣмъ она спокойно вышла изъ комнаты, оставивъ «совершеннолѣтняго» молодого хозяина въ глубокомъ раздумьи. Никогда еще его лице не выражало такой мучительной озабоченности, какъ теперь!

Старуха поступила очень обдуманно. Оно хотѣла во что бы то ни стало разстроить свадьбу сына и придумала такую комбинацію, при которой приходилось отложить эту свадьбу на неопредѣленное время. Втайнѣ она надѣялась, что тѣмъ временемъ чувства молодого человѣка остынутъ и онъ успѣетъ одуматься. Чтобы какъ можно больше запутать дѣла наслѣдства, она поспѣшила

купить имѣнье Имола, а затѣмъ назначила управляющимъ туда своего тайнаго совѣтчика—приказчика. Такимъ образомъ сыну оставалось только по-прежнему жить съ матерью, управляя имѣньемъ Монола и откладывая свою женитьбу на цѣлые годы, или же начинать разворительный и позорный процессъ съ матерью, на что, какъ она разсчитывала, сынъ никогда-бы не рѣшился. Теперь она была настолько-же горда и довольна своею ловкостью, насколько молодой хозяинъ былъ пристыженъ и огорченъ понесеннымъ пораженіемъ.

Идѣ жилось въ домѣ приказчика далеко не весело. Хозяева относились къ ней ласково и ничто, по видимому, не нарушало ея спокойствія. Но въ душѣ у нея бушевали цѣлыя бури, которыя были тѣмъ мучительнѣе, что она употребляла всѣ свои силы, чтобы скрыть свои тревоги отъ всѣхъ ее окружавшихъ.

Вплоть до Рождества все еще обходилось у нея довольно благополучно и ничто не выдавало ея внутренней тревоги. Но затѣмъ, когда во всемъ округѣ распространилась вѣсть, что, не смотря на совершеннолѣтіе молодого Харванена, мать врядъ-ли согласится его выдѣлить и онъ по-прежнему останется при ней на положеніи подростка, Ида начала выказывать тревожную дѣятельность. Ей точно не сидѣлось на мѣстѣ и она не только съ утра до вечера суетилась, стараясь занять себя всякой работой, но еще стала часто отлучаться изъ

дому, ссылаясь на разныя хлопоты. Однажды въ воскресенье Ида отказалась идти въ церковь, объяснивъ, что не считаетъ еще возможнымъ показываться среди людей, но затѣмъ, когда приказчикъ и его жена вернулись изъ церкви, ея не оказалось дома, ея ребенокъ громко кричалъ въ люлькѣ, а двери были не замкнуты. Вскорѣ прибѣжала сама Ида, разстроенная, заплаканная съ перепуганнымъ лицемъ. На вопросы хозяевъ она отвѣчала уклончиво... Невольно зародились у нихъ неопредѣленныя подозрѣнія. Да и потомъ, видя ея встревоженное лице, ея притворный, неестественный смѣхъ и непокидавшее ее возбужденіе, хозяева покачивали головой, находя, что тутъ что-то неладно.

Вскорѣ послѣ того Ида опять пропадала цѣлое утро, а затѣмъ очень зоркая, хотя и косая жена приказчика замѣтила, что со столика Иды исчезли ея прекрасные часы съ цѣпочкой — подарокъ щедраго доктора. Сдѣлано было нѣсколько вопросовъ, на которые Ида отвѣчала несообразностями. Тогда разспрашивать ее перестали, но подозрѣнія укрѣпились, и за Идой стали присматривать...

Однажды въ послѣдніе дни года молодой хозяинъ пріѣхалъ особенно угрюмый и въ присутствіи женщинъ началъ упрекать приказчика въ двоедушіи. По его мнѣнію приказчикъ былъ только ханжа и притворщикъ, успѣвшій всякимъ пролазничествомъ опутать его мать и его самого и устроившій покупку имѣнья Имола только для того, чтобы получить тамъ мѣсто управляющаго.

— Теперь, благодаря кознямъ этого человѣка, наша свадьба опять откладывается... надолго!—прибавилъ онъ съ горечью, обращаясь къ Идѣ.

Ида расплакалась и убѣжала въ свою комнатку, гдѣ ей тотчасъ-же началъ вторить разбуженный ребенокъ. Молодой хозяинъ не сталъ слушать длинныхъ и запутанныхъ оправданій приказчика, а послѣдовалъ за Идой.

Ласками и всякими утѣшеніями онъ сталъ успокоивать ее. Но она оставалась неутѣшна и плакала навзрыдъ. Потомъ вдругъ, точно не будучи больше въ силахъ молчать, она заговорила и начала какое-то длинное предисловіе, то и дѣло прерывая слова рыданіями, упрашивала простить и пожалѣть ее, говорила, что несчастнѣе ея нѣтъ существа на свѣтѣ... Со своей стороны онъ успокоивалъ ее, увѣряя въ своей любви. Тогда она перестала плакать, заговорила вдругъ шепотомъ и призналась ему въ необыкновенныхъ вещахъ:

Она сообщила, что ребенокъ вовсе не его... и не ея! Это былъ ребенокъ какой-то нищей, уступившей его Идѣ за извѣстную плату, съ обѣщаніемъ взять на себя воспитаніе ребенка. Все это устроила Идѣ знаменитая колдунья Марья-Лена, которая и пріискала нищую... Остальное было комедіей ..

— Ох-хо! — пробормоталъ совсѣмъ сбитый съ толку молодой хозяинъ.

Ни одной связной мысли не приходило ему въ голову — до такой степени онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Но онъ не поддавался и всѣми

силами старался овладѣть собой, чтобы не сдѣлать какой-нибудь ошибки.

Ида опять рыдала, уткнувши лицо въ свою подушку и приподнимала голову, только чтобы просить о прощеніи, повторяя:

— Я не могла... не могла иначе. Всякая другая наложила бы на себя руки, такъ мнѣ было тяжело!..

Но странное дѣло! Молодой хозяинъ вовсе не чувствовалъ въ себѣ гнѣва, который Ида вполнѣ заслужила и въ ожиданіи котораго онъ старался овладѣть собой, чтобы не поступить слишкомъ круто. Мало того, въ его душѣ шевелилось какое-то восторженное чувство къ этой дѣвушкѣ, выказавшей столько храбрости и находчивости. Онъ понималъ, что продѣлать все, что она продѣлала, было нелегко. Притомъ нельзя же было сомнѣваться въ ея любви, изъ-за которой она пошла на такія дѣла... А что она правдива и честна, не смотря на все, что надѣлала, это онъ видѣлъ изъ того, что она открыла ему всю правду именно теперь, когда и безъ того ихъ будущность снова оказывалась ничѣмъ не обезпеченной и всѣ надежды рушились. Другая тутъ-то и начала бы морочить жениха, чтобы добиться хоть обезпеченія...

И вотъ онъ задумчиво склонился къ ней и молча, не находя ни одного подходящаго слова въ отвѣтъ на все, что она разсказала, поцѣловалъ ее. Тогда она ожила и бросилась въ его объятія.

Онъ долго и все съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ ласкалъ ее, приглаживая ея волосы, по временамъ ласково

заглядывалъ ей въ глаза и оставилъ ее у себя на колѣняхъ. Но говорить онъ все еще не могъ, до такой степени самого его озадачивали его чувства.

Наконецъ онъ перевелъ духъ и сказалъ въ раздумiи.

— А въ сущности, это хорошо!

— Что такое? — торопливымъ шепотомъ переспросила она.

— Да то, что ребенокъ не нашъ.

— Ты это... нешутя, Густи?

Ея лицо приняло выраженiе напряженной тревоги, такъ она испугалась непонятности его словъ.

— По моему: хорошо! — повторилъ онъ и, выпустивъ изъ объятiй Иду, всталъ.

Его мучило то, что онъ все еще не понималъ своихъ чувствъ. Онъ сознавалъ только, что всякiй на его мѣстѣ выгналъ бы Иду за ворота, какъ простую обманщицу и мошенницу. А ему она стала дороже прежняго!.. Все это для него было непонятно и необъяснимо, но къ ней сознавалъ онъ свои чувства очень ясно...

— Да, это очень странно... очень странно! — пробормоталъ онъ.

— Что такое странно? — съ мучительнымъ недоумѣнiемъ спросила Ида.

— Да то, что я люблю тебя больше прежняго!

Молодому хозяину не доводилось прежде прощать кого-нибудь изъ близкихъ, прощать отъ всего сердца, повинуясь только великодушiю. Оттого-то онъ не могъ понять своихъ чувствъ, какъ не могъ понять, что вмѣсто

злобы и негодованія, сердце его переполнилось тихой радостью...

Они начали говорить и пустились въ длинныя разсужденія о томъ, какъ лучше устроить судьбу чужого ребенка. Но объ одномъ они даже не разсуждали, такъ какъ согласились объ этомъ съ первыхъ же словъ: тайну Иды они рѣшились сохранять такъ же тщательно, какъ до сихъ поръ сохраняла ее сама Ида...

Между тѣмъ приказчикъ и его жена сидѣли въ горницѣ, ожидая, что молодой хозяинъ вернется укорять ихъ за предательскій образъ дѣйствій. Приказчикъ чувствовалъ себя очень скверно. Въ сущности, онъ добивался сначала только прежняго мѣста приказчика въ Монола и не хотѣлъ обманывать молодого хозяина. Но когда старуха предложила ему мѣсто управляющаго въ Имола, онъ не устоялъ передъ искушеніемъ... Да и то сказать, что соблазнъ былъ великъ, а при томъ являлось соображеніе, что не онъ, такъ другой, а все равно будетъ въ Имола управляющій, разъ ужъ хозяйка не желала выдѣлять сына...

Однако теперь его мучило сознаніе, что онъ навсегда лишился довѣрія молодого хозяина. Особенно трудно было объяснить, для чего онъ продолжалъ лицемѣрить даже послѣ покупки имѣнья...

Августъ Харваненъ и Ида сидѣли еще въ ея комнатѣ и толковали о дѣлахъ, когда вдругъ раздался стукъ

въ двери и жена приказчика сообщила, что на дворѣ дожидается Иды какая-то бѣдная женщина.

Ида поблѣднѣла, какъ полотно.

— Это она... это она! — въ ужасѣ шепнула она молодому хозяину.

— Кто такое: она?

— Нищенка... Мать ребенка, за котораго я не могла заплатить, что̀ слѣдовало. Она узнала отъ людей, что тебя не выдѣляютъ и теперь мучаетъ... преслѣдуетъ меня. Она не вѣритъ, что мы поженимся.

— Чортъ бы ее побралъ! — выругался молодой хозяинъ. — Теперь все разгласится!..

— Она тѣмъ и грозила мнѣ... еще раньше, — пробормотала Ида и вдругъ выбѣжала изъ комнаты, надѣясь еще какъ-нибудь уговорить нищенку.

Увы, было уже поздно! Женщина стояла среди двора и отводила душу, давъ волю языку, а передъ нею стояли приказчикъ и его жена, слушавшіе съ любопытствомъ. Въ ея рукахъ блестѣли часы Иды... Она говорила какъ-разъ, что никакъ не можетъ удовольствоваться часами вмѣсто денегъ, которыя обѣщала ей Марья-Лена, потому что никто не хочетъ купить у нея часы и всѣ подозрѣваютъ, что она ихъ украла, тогда какъ она получила ихъ отъ самой Иды взамѣнъ денегъ за своего ребенка.

— Странныя вещи разсказываетъ эта женщина! — проговорилъ приказчикъ, увидѣвъ Иду и посмотрѣлъ на нее подавляющимъ взглядомъ.

Ида поняла только, что все пропало и въ отчаяніи

заломила руки, не зная что̀ дѣлать. Но съ крыльца уже спускался молодой хозяинъ. Онъ твердыми шагами направился къ нищенкѣ, взялъ изъ ея рукъ часы, вмѣсто которыхъ положилъ ей въ руку пачку денегъ и сказалъ спокойно:

— Вотъ тебѣ настоящія деньги, баба! Можешь получить и своего ребенка... обратно. Довольно съ тебя?

Нищенка, получившая гораздо больше, чѣмъ ей было обѣщано, смутилась и разсыпалась въ извиненіяхъ, перемѣшанныхъ съ выраженіями благодарности. Приказчикъ и его жена смотрѣли съ удивленіемъ... Они начинали думать, что вся комедія была разыграна съ вѣдома молодого хозяина и чувствовали себя одураченными. Но Ида понимала, какого великодушія стоилъ ему этотъ поступокъ и съ восторгомъ смотрѣла на него, съ трудомъ удерживаясь отъ соблазна тутъ же, при всѣхъ, броситься ему на шею.

Вся эта исторія быстро распространилась и въ тотъ же день достигла ушей вдовы Харваненъ. Но старуха не смутилась даже.

— Я всегда говорила, что это не былъ ребенокъ молодого хозяина!—сказала она, торжествуя.—Вотъ и вышло по моему!

XXII.

Въ Гельсингфорсѣ докторъ Удде съ напряженіемъ ожидалъ вызова въ судъ. Онъ еще разъ переговорилъ съ

своимъ адвокатомъ, который былъ очень заинтересованъ этимъ необыкновеннымъ дѣломъ и брался побѣдоносно отразить всякія нападенія. Но самому начинать дѣло за оскорбленіе чести неправильнымъ обвиненіемъ адвокатъ не посовѣтовалъ. По его мнѣнію дѣло было запутаннѣе, чѣмъ докторъ думалъ, и старуха не имѣла ни малѣйшаго намѣренья обращаться къ суду. Слѣдовало просто выждать и не суетиться.

Однако возможность скандальнаго процесса висѣла надъ головой доктора, какъ грозовая туча, и затемняла всѣ его мечты о будущемъ, отравляя его жизнь. Миновали праздники, миновалъ и Новый Годъ, а какихъ-либо извѣстій изъ Монола не было.

Между тѣмъ докторъ прекратилъ свое ухаживанье за Анной Сунтіо, соображая, что лучше во-время прекратить отношенія, которыя съ часу на часъ могутъ рушиться вслѣдствіе скандала. Какъ политическій дѣятель и журналистъ, докторъ былъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы его процессъ не надѣлалъ шума. А разсчитывать на безпристрастіе Анны Сунтіо, не смотря на весь ея либерализмъ и на ея особенное увлеченіе женскимъ вопросомъ, онъ полагалъ невозможнымъ. И то уже раза два, при встрѣчахъ на улицѣ, она поглядывала на него довольно гнѣвно, очевидно не понимая его внезапнаго удаленія и того, что онъ раскланивался съ нею издали.

Докторъ считалъ себя теперь жалкимъ, несчастнымъ человѣкомъ, и это несмотря на то, что онъ былъ авторомъ знаменитой статьи объ этикѣ въ сочиненіяхъ Ген-

риха Ибсена. Его демократическія убѣжденія устояли, но многія изъ свѣтлыхъ вѣрованій, украшавшихъ эти убѣжденія, погибли безвозвратно. И, что было еще печальнѣе, онъ уже не чувствовалъ ни прежняго горячаго энтузіазма, ни прежняго увлеченія своей партіей. Но онъ гордо и благородно переносилъ свои разочарованія. Втайнѣ онъ даже надѣялся, что закалится среди испытаній, какъ сталь, и еще опередитъ своихъ товарищей, потому что будетъ знать многое, чего они еще не знаютъ. Но теперь онъ былъ только несчастенъ!

По истинѣ доктору слѣдовало чѣмъ-нибудь ободриться въ эти трудные дни испытанія. И онъ старался ободрить себя размышленіями о силѣ сознанія своей правоты, никому не жалуясь и приготовляясь съ твердостью принять удары судьбы, когда имя его будетъ трепаться всѣми газетами въ отдѣлѣ скандальной хроники, и люди начнутъ сплетничать о немъ, подозрѣвая самое худшее, и разныя тетки станутъ знаменательно покачивать головой, чувствуя нѣкоторое наслажденіе въ поруганіи надъ человѣкомъ, которымъ до сихъ поръ онѣ же преувеличенно восхищались...

Да, несправедливости на свѣтѣ много, очень много! Но его нравственныя силы велики и даже теперь онъ готовъ громко провозглашать, что не вѣритъ въ окончательную побѣду зла. Въ свое время добродѣтель восторжествуетъ!

Однажды раздался легкій стукъ въ двери его комнаты и вошедшая горничная, улыбаясь, доложила что въ пе-

редней дожидается какая-то крестьянская дѣвушка, которая желаетъ поговорить съ господиномъ докторомъ.

Докторъ вооружился всѣмъ своимъ самообладаніемъ и съ ледяной холодностью приказалъ ввести крестьянку сюда, въ комнату.

Черезъ минуту дверь снова скрипнула и обернувшись докторъ съ удивленіемъ узналъ въ вошедшей дѣвушкѣ Иду Харваненъ.

Ида сконфуженно и застѣнчиво присѣла и, приблизившись, подала доктору письмо. Это было письмо отъ бывшаго приказчика, нынѣ управляющаго имѣніемъ Имола, съ припиской отъ самого молодого хозяина.

Вотъ что значилось въ письмѣ:

«Уважаемый господинъ докторъ! Теперь, когда наши дѣла распутались и ваша правота возсіяла даже передъ очами противницы вашей, я считаю долгомъ увѣдомить васъ, что никакого обвиненія противъ васъ не остается. Въ то же время осмѣливаюсь направить къ вамъ крестьянскую дѣвицу Иду Харваненъ съ объясненіемъ слѣдующаго:

Оказалось, что названная дѣвица и молодой хозяинъ Августъ Харваненъ сообща обманули какъ почтеннѣйшую мать и благодѣтельницу свою, такъ и меня самого, ибо ребенокъ оказался не ихнимъ. Таковымъ преступнымъ притворствомъ и грѣховной лживостью Ида такъ опозорилась, что оставаться ей въ нашихъ мѣстахъ стало невозможно, и она принуждена оставить приходъ года на полтора для пріисканія себѣ како-либо занятія въ

Гельсингфорсѣ. Я увѣренъ однако, что вы, господинъ докторъ, не станете судить бѣдную сироту строже, чѣмъ мы, и что вы согласитесь оказать ей покровительство, порекомендовавъ въ какое-нибудь почтенное семейство, гдѣ бы ей было дано много работы и надзоръ за нею былъ бы самый строгій, но обращеніе было бы человѣколюбивое.

Кромѣ васъ намъ не къ кому обратиться въ Гельсингфорсѣ. Но я увѣренъ, что васъ не затруднитъ наша просьба, ибо мы знаемъ васъ какъ человѣколюбца и испытаннаго друга народа.

Жалованья Идѣ не требуется. Лишь бы удалось помѣстить ее къ хорошимъ господамъ».

Приписка молодого хозяина заключалась въ слѣдующемъ:

«Добрѣйшій господинъ докторъ! Не окажете-ли вы мнѣ и моей обрученной невѣстѣ, Идѣ Харваненъ, большую услугу, порекомендовавъ ее къ хорошимъ людямъ въ услуженіе? Этимъ вы сдѣлали бы доброе дѣло. Мы остаемся съ Идой попрежнему въ добромъ согласіи и поженимся, какъ только будетъ возможно. Небось, мы слишкомъ много вытерпѣли, чтобы не терпѣть до конца! Надѣюсь, вы не сердитесь на насъ, за непріятности, какія перенесли изъ-за насъ. Надѣюсь также, что когда мы наконецъ обвѣнчаемся, вы окажете намъ честь своимъ посѣщеніемъ, при чемъ намъ будетъ случай выказать вамъ всю нашу благодарность за вашу доброту».

Съ минуту докторъ стоялъ въ нѣмомъ, но пріятномъ

удивленіи и поглядывалъ на прочитанное письмо, тихонько улыбаясь. Съ его души свалился точно тяжелый камень. Потомъ онъ обернулся къ Идѣ и заговорилъ съ нею ласково, даже весело. Онъ былъ въ такомъ радостномъ настроеніи, что забылъ даже осудить ея предосудительный образъ дѣйствій въ той исторіи... съ ребенкомъ. Его смущало только то, что онъ не зналъ, куда порекомендовать Иду.

Но вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль. Онъ торопливо взглянулъ на свои часы и началъ надѣвать пальто. При этомъ онъ такъ спѣшилъ, что не сталъ обсуждать своего намѣренія съ самой Идой, а просто позвалъ ее идти вмѣстѣ съ нимъ, прибавивъ только, что она хорошо сдѣлала, обратившись къ нему и что онъ надѣется ее устроить.

На тротуарѣ онъ немного смутился, увидѣвъ себя въ обществѣ хорошенькой крестьянки, одѣтой въ свое деревенское платье. Что подумали бы его знакомые при встрѣчѣ? Но тотчасъ же онъ успокоился, вспомнивъ, что крестьяне... сами крестьяне!.. обратились къ нему, какъ къ другу народа, и заговорилъ съ Идой съ такимъ оживленьемъ, точно дѣло шло о разрушеніи всѣхъ предразсудковъ человѣчества.

Ида совсѣмъ терялась отъ великолѣпія города и любезности доктора. Она отвѣчала ему не впопадъ и не знала, на что глядѣть, столько вокругъ нея было необыкновеннаго. Отъ нея докторъ добился только одного, а именно, что Августъ остался въ Монола и

продолжаетъ послушно управлять старымъ имѣньемъ, тогда какъ приказчикъ переѣхалъ въ господскій домъ въ Имола.

Но вотъ они остановились передъ красивымъ подъѣздомъ, надъ которымъ красовался изящный щитъ съ надписью: «Общество взаимопомощи финскихъ женщинъ».

Они вошли.

Въ большой комнатѣ сидѣли у конторокъ за невысокими перилами нѣсколько конторщицъ. Докторъ обратился къ одной изъ нихъ и спросилъ, нельзя ли поговорить съ членомъ правленія общества, Анной Сунтіо. Конторщица молча встала и вышла въ сосѣднюю комнату.

Черезъ минуту она вернулась въ сопровожденіи Анны Сунтіо, которая слегка покраснѣла, увидѣвъ доктора и остановилась у перилъ не спуская съ него вопросительнаго взгляда.

Докторъ Удде знакомъ указалъ на Иду и попросилъ позволенія переговорить съ Анной Сунтіо по спѣшному дѣлу. Тогда перила открылись и его пропустили въ святилище управленія. Тамъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ и отнюдь не касаясь романа Иды объяснилъ, кто она такая и какъ онъ съ нею познакомился, прибавивъ, что во всѣхъ отношеніяхъ ручается за нее и закончилъ просьбой доставить ей какое-нибудь приличное мѣсто. За такую заботливость о дѣвушкѣ изъ народа онъ былъ награжденъ благосклоннымъ взглядомъ Анны

и ему было сказано, что онъ можетъ считать дѣвушку пристроенной, такъ какъ самъ привелъ ее въ управленіе Общества взаимопомощи финскихъ женщинъ, которое умѣетъ оправдывать возлагаемыя на него ожиданія. Послѣ этого докторъ и Анна Сунтіо обмѣнялись восторженнымъ взглядомъ и онъ поспѣшилъ уйти, оставивъ Иду среди ея новыхъ покровительницъ.

Черезъ два дня докторъ опять встрѣтилъ Анну Сунтіо на улицѣ, но на этотъ разъ не получилъ гнѣвнаго взгляда, потому что не отдѣлался поклономъ издали, а подошелъ къ барышнѣ и заговорилъ объ Идѣ. Оказалось, что дѣвушка была уже на хорошемъ мѣстѣ.

Но этимъ разговоръ не ограничился, и хотя у Анны Сунтіо было много самыхъ спѣшныхъ дѣлъ, промедленіе въ которыхъ могло пагубно отразиться на судьбѣ всѣхъ финскихъ женщинъ, она съ добрый часъ прогуливалась съ докторомъ взадъ и впередъ по Эспланадѣ, совсѣмъ позабывъ о всѣхъ своихъ спѣшныхъ дѣлахъ. Они встрѣчали знакомыхъ, но не видѣли ихъ и не отвѣчали на поклоны. Не замѣчали они и глазъ, наблюдавшихъ за ними изъ оконъ окрестныхъ домовъ...

Докторъ разсказывалъ — разумѣется въ самыхъ изящныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ — всю исторію Иды Харваненъ, не утаивъ и того, что выпало лично на его долю.

— Такова судьба! — сказалъ докторъ, совершенно успокоенный восторженнымъ взглядомъ Анны Сунтіо. — Эта самая Ида, изъ-за которой я перенесъ столько

тревоги и долженъ былъ удалиться отъ васъ, послужила лишь къ новому сближенію между нами! Развѣ это не прекрасно?

— Да, это удивительно... это чрезвычайно удивительно!—отвѣтила Анна Сунтіо, устремляя на доктора лучистый взглядъ.—Но что̀ еще знаменательнѣе и не менѣе прекрасно, это то, что мы дожили наконецъ до того, что женщина и мужчина могутъ довѣрчиво обсуждать такія дѣла!

— Еще бы! пробормоталъ докторъ и застѣнчиво потупился.

— Для Иды и молодого Харванена наступило время долгаго испытанія, — продолжала барышня. — Но они выдержатъ испытаніе, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, потому что ничто не можетъ устоять противъ силы истинной любви, основанной на взаимномъ довѣріи.

— Еще бы!—повторилъ докторъ разсѣянно.

— Довѣріе самое главное!

— Разумѣется... самое главное...

— И если бы побольше довѣрія было на землѣ...

Она не договорила и легонько вздохнула. Они уже свернули съ Эспланады и подходили къ дому, въ которомъ жили ея родители.

— Что бы тогда?—спросилъ докторъ открывая ей наружную дверь.

— Гмъ... Вообще было бы проще жить на свѣтѣ... и все было бы легче...

— Легче?..

Онъ очевидно думалъ о чемъ-то другомъ, такъ какъ по разсѣянности вошелъ вслѣдъ за Анной Сунтіо, и уличная дверь за ними захлопнулась. Послѣ яркаго свѣта солнечнаго зимняго дня въ сѣняхъ казалось очень темно. Докторъ даже спотыкнулся и наступилъ на подолъ ея юбки. Онъ извинился, но тотчасъ же снова очутился очень близко возлѣ нея и ихъ руки соединились точно сами собою.

Оба притихли и не могли произнести ни слова. Докторъ просто обезумѣлъ отъ счастья и смущенія; Анна Сунтіо тоже обезумѣла отъ счастія и смущенія...

Но не могли же они простоять такъ всю жизнь и потому, крѣпче прежняго хватаясь за его руку, она пробормотала:

— Пустите меня... пусти!.. Кто-то идетъ.

— Анна! — задыхаясь прошепталъ онъ и съ трудомъ освободилъ руку, чтобы исполнить полученное приказаніе.

Въ сильнѣйшемъ смятеніи они разстались, хотя никто и не думалъ ихъ тревожить... Впрочемъ, разставались они не на долго, такъ какъ должны были встрѣтиться въ тотъ же день...

КОНЕЦЪ.

ітая Земля во время земной жизни да нашего Іисуса Христа. II изд. Ц. съ пер. 10 к.

ская Святыня. Ц. 10 к., съ пер. Содержаніе: Св. мощи угодниковъ. творн. иконы Христа Спасителя и в. Богородицы и св. угодники въ и.

ки и различные учебники для школъ.

актическое руководство къ наглядн. нію русскаго правописанія, для ьн. школъ и людей, не учившихся атикѣ. Сост. учитель, священ. Д. аковскій. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

ая гражданская и славянская азбука, ъяснен. церковн. славянскихъ словъ. вод. для одноврем. изученія обоихъ . Ушакова. XI изд. Ц. 4 к., съ пер.

сская азбука, съ наставленіемъ, какъ кно учить. XXVI изд. Сост. Золомъ. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

ародная азбука съ рисунками въ текпо которой простой грамот. крестьян. етъ выучиться читать писать въ срокъ сти недѣль. Изд. XXIV, Сост. Н. П. олпянскій. Ц. 8 к., съ пер. 12 к.

'усскій букварь. (съ картинк. для льчик.). Картины, объясняющія текстъ, стоятъ изъ рис. мужскаго насел. Россіи. 15 к., съ пер. 22 к.

Русскій букварь (съ картинк. для воч.). Картины, объясняющія текстъ, стоятъ изъ рис. женск. насел. Россіи. 15. к. съ пер. 25 к.

Русская азбука. В. Новаковскаго, съ сунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. к.

Новый способъ обученія дѣтей грамотѣ. Новаковскаго. Ц. 15 к, съ пер. к.

Таблицы для одноврем. обуч. чтенію и сьму. Столпянскаго. Ц. 40 к., съ пер.) к.

Курсъ руск. правописанія, съ прилож. чачъ для самостоятельн. работъ. Пособіе ителей элементарн. школъ. Сост. Н. виновскій. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Сборникъ для упражненія въ чтеніи руписнаго. В. Золотова. XIII изд. Ц.) к., съ пер. 50 к.

Сборникъ составленъ изъ рукописныхъ статей, отъ самаго разборчиваго до неразборч. письма такъ, что ученикъ привык. къ чтенію каждой рукописи, какъ бы неразборчива ни была рука писца.

Прописи для скорописнаго почерка, сост. В. Золотовымъ. Изд. XVI. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Прописи и школа рисованія, составл. Н. Столпянскимъ. Изд. XI. Ц. 12 к., съ пер. 15 к.

Наглядное обученіе рисованію по системѣ Фребеля. Методич. руководство для родителей и элементарн. учителей, составл. Н. Іосифовымъ. III изд. Ц. 30 к, съ пер. 45 к.

Одобрено учен. комит. Минист. Народ. Просв., какъ полезное пособіе при обученіи этимъ предметамъ въ уѣздныхъ и двуклас. приходск. училищ.

Собраніе молитвъ, аранжиров. на два голоса (пѣніе по цифрамъ), для народ. школъ. Сост. А. Рожновъ. Изд. IV. Состоитъ изъ 50 молитвъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Русская грамматика въ разск. для простолюд. Новаковскаго. Изд. III. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Краткая русская грамматика, общепон. изложенная. Новаковскаго. Изд. II. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Ариѳметика для начальн. и сельск. учил., сост. по методѣ Грубе, В. Золотовымъ. VIII изд. Первыя четыре правила, именован. числа, дроби, объясненныя рисунками. Задачи, исчисленіе письменное и устное. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Краткая ариѳметика. Ушакова. VI изд. Четыре правила. Именованныя числа. Обученіе считать на счетахъ. Ц. 4 к., съ пер. 7 к.

Бесѣды о первыхъ четырехъ Правилахъ и о счетахъ. Михайлова, дополн. практич. задач., сост. Синицынъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Систематическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Ѳ. В. Геде. Ч. I, числа до 100. 2-е исправленное и дополненное изд. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Его же. Ч. II, цѣлыя числа больше 100 и составныя именованныя числа. 2-е изд. Ц. 40 к., съ пер. 50. к.

Теоретическій и практическій курсъ ариѳметики. Его же. Учебникъ для сред-

нихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ч. I, числа цѣлыя и дробн. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Его же. Ч. II. Отношенія, пропорціи, тройныя правила и дополнительный отдѣлъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Руководство къ первоначальному обученію ариѳметикѣ. Его же. Методическія и дидактическія указанія для учащихъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Книги для чтенія: дѣтей, народа, земскихъ и другихъ школъ и нижнихъ чиновъ.

Записки осла. Соч. гр. Сегюръ, съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Занимательное чтеніе для дѣтей про ученаго осла.

Приключенія Сонечки. Соч. гр. Сегюръ. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Новая книга для маленькихъ дѣтей. Рѣпловскаго. Разсказы въ стихахъ съ карт. Ц. раскрашенному изд. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Приключеніе козла Момени и его друзей. Рѣпловскаго. Разсказъ въ стихахъ съ картинками. Ц. съ раскраш. карт. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Повѣсти для дѣтей. К. Диккенса, переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Книжка содержитъ въ себѣ двѣ повѣсти: 1) Малютка Тимъ и 2) Крошка и волшебный сверчокъ.

Чтеніе для дѣтей. Нѣсколько занимательныхъ разсказовъ. Соч. Ольги Щербинской. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Марко богатый. Русская сказка въ стихахъ, въ двухъ частяхъ, соч. А. Папкевича. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Сказки въ стихахъ, собранныя А. Павловской. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

О крещеніи Руси, о Владимірѣ святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерск. К. Бестужева-Рюмина. 8-е изд. Ц. 10 к., съ пер. 15.

О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. К. Бестужева-Рюмина. 3-е изд. Ц. 8 к., пер. 10.

О Владимірѣ Мономахѣ и о потомъ его, или о временахъ княжескихъ усоб К. Бестужева-Рюмина. Ц. 8 к., пер. 10.

Какъ образовалось Россійское госу ство. К. Бестужева-Рюмина. Ц. 22 съ пер. 25.

Повѣсть объ освобожденіи Москвы поляковъ въ 1612 году и избраніе Михаила, Н. Костомарова. 5-е изд. Ц. съ пер. 10 к.

Сказаніе о подвигахъ Святаго Благо наго Великаго Князя Владиміра Ра апостольнаго. Соч. И. Ремезова. Ц. съ пер. 15 к.

Сказаніе о подвигахъ Святаго Бл вѣрнаго Великаго Князя Александра скаго. соч. И. Ремезова. Изд. 2-е Ц. 1 съ пер. 15 к.

Сказаніе о подвигахъ первой рус великой княгини-христіанки Ольги. Соч Ремезова. Ц. 10 к., съ пер. 15.

Дары Божіи, потребности и трудъ ловѣка; сост. В. Новаковскій. Чт для народа. 5-е изд. Ц. 8 к., съ пер.

Разсказы о животныхъ и растеніяхъ Новаковскаго. 2-е издан. Ц. 20 к. пер. 30 к.

Какъ надо жить, чтобы бѣду избыть. изд. Ц. 2 к., съ пер. 5 к.

Какъ надо жить, чтобы добро на 2-е изд. Ц. 8 к., съ пер. 10 к.

Два разсказа: **Савельичъ—дорогой** душка или доброму вездѣ добро и ну учитъ разуму. Ц. 15 к., съ пер. 20

Чтеніе для народа. Одобр. У. К. Н. Пр. Н. П. Столпянскаго. 2-е тщат но просмотр. изд. (съ 11 рис.) Ц. 1 съ пер. 15 к.

Пища человѣка. Цѣна 7 к., съ п 10 к. Содержаніе: Что такое голо Что такое жажда? Мучительные слу отъ того и другаго.

Разныя полезныя свѣдѣнія. 2-е изд. 7 к., съ пер. 10 к.

О мукѣ и хлѣбѣ. Сост. Шмулевич Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Всѣ поименованныя книги продаются и вовсѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ.